

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА
ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ**

Том 15 № 1 (2017)

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61213 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н., доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Абрамов В.П. — член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Кубанского государственного университета

Алефиренко Н.Ф. — действительный член Российской академии социальных наук, Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета

Бальшихина Т.М. — академик МАНПО, вице-президент РОПРЯЛ, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного Российского университета дружбы народов

Красильникова Л.В. — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мамонтов А.С. — действительный член Российской академии естественных наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Чеснокова О.С. — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Хавронина С.А. — кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Эбзеева Ю.Н. — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Дэн Дэвидсон — президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа (США)

Маслова В.А. — член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь)

Млечко Т.П. — доктор педагогических наук, доктор хабилитат филологии, иностранный Член российской Академии образования, член правления Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), профессор, ректор Славянского университета Республики Молдова (Молдова)

Рафаэль Гусман Тирадо — член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета (Испания)

Моника Перотто — профессор, кандидат педагогических наук, научный сотрудник и доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета (Италия)

Урия Лауджес — кандидат филологических наук, профессор Центра интенсивного изучения языков Университета Алжир 1 (Алжир)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Facebook, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов» был создан в 1993 году. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания» вышла в свет в 2003 году. На протяжении двадцати лет журнал публиковал статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований в области лингвистики, анализа текста, лингвокультурологии, методики преподавания языкам и т.д.

В настоящее время тематика журнала охватывает актуальные вопросы филологии: лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, текстоведение, лингводидактика, этнометодика, методика обучения иностранным языкам и их преподавания). Увеличено количество тематических рубрик. Публикуются результаты научных исследований по вопросам изучения русского языка (как родного, неродного, иностранного), иностранных языков.

Цель журнала — создание научно-методической площадки для обмена мнениями российских и зарубежных ученых в области изучения и преподавания русского и иностранных языков по актуальным вопросам формирования межкультурного, языкового, образовательного пространства.

Основные задачи журнала:

- актуализация проблем изучения русского языка и методики его преподавания в школе и вузе;
- рассмотрение вопросов современной зарубежной лингвистики и методики преподавания языков;
- презентация медиадидактических и электронных средств обучения в межкультурном пространстве;
- знакомство с новыми лингводидактическими и педагогическими технологиями
- представление методических проектов.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Молдовы, Испании, Алжира, Италии).

К сотрудничеству приглашаются российские и зарубежные ученые в области русского и иностранных языков.

Редактор: *И.В. Успенская*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»:
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-07-45; e-mail: rusforeignlangjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 15.03.2017. Выход в свет 30.03.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtopC».
Усл. печ. л. 9,99. Тираж 500 экз. Заказ № 37. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUGES RESEARCH AND TEACHING

VOLUME 15 NUMBER 1 (2017)

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Shaklein V.M. Member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia), Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Member of Presidential Russian Language Council

ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-CHIEF

Strelchuk E.N. Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

EDITORIAL BOARD

Abramov V.P. — Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian as a Foreign Language (Kuban State University)

Alefirenko N.F. — Full Member of the Academy of Social Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language (Belgorod State University)

Balykhina T.M. — Member of the International Teacher's Training Academy of Science (MANPO), Vice-President of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Doctor of Pedagogy, Professor, Dean of Advanced Training Faculty for Teachers of Russian as a Foreign Language (Peoples' Friendship University of Russia)

Krasilnikova L.V. — Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Chair of Russian for Foreign Students (M.V. Lomonosov Moscow State University)

Mamontov A.S. — Full Member of the Academy of Natural Sciences, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Literature and Intercultural Communication (A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language)

Chesnokova O.S. — Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages (Peoples' Friendship University of Russia)

Khavronina S.A. — Candidate of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

Ebzeeva Y.N. — Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages (Peoples' Friendship University of Russia)

Davidson Dan — President of American Council of Teachers of Russian (ACTR) and American Council for International Education (ACCELS), Director of Russian Language Institute, Foreign Member of Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Foreign Language Teaching of Bryn Mawr College

Maslova V.A. — Member of the Presidential Board Of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics of Vitebsk State University (Belarus)

Mlechko T.P. — Doctor of Pedagogy, Doctor Habilitat of Philology, Foreign Member of Russian Academy of Education, Member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), professor, Rector of Slavonic University of Moldova

Rafael Guzman Tirado — Member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology of Granada University (Spain)

Monica Perotto — professor, Candidate of Pedagogy, research assistant and associate professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University (Italy)

Houria Laouedj — Candidate of Philology, Professor of the Centre of Intensive Language Teaching (University Algeria — 1) (Algeria)

**RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES
RESEARCH AND TEACHING.**
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

The scientific journal "Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia" has been published since 1993. The first issue of the series "RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching" came in 2003. The journal has published the results of fundamental and applied research in linguistics, text analysis, cultural studies, methods of teaching languages, etc. for 20 years.

Now the themes of the journal include actual problems of philology: linguistics, psycholinguistics, cultural studies, country studying, intercultural communication, text studying, linguodidactics, ethnomethodics, methods of teaching learning foreign languages. The number of the journal columns has increased. The journal publishes the results of scientific research in teaching Russian (as a native, non-native and foreign language) and other languages.

The aim of the journal is to create a scientific and methodical forum where Russian and foreign scientists could exchange their views on learning and teaching Russian and foreign languages, on actual problems of intercultural, linguistic and educative environment.

The main tasks of the journal are as follows:

- to point out the problems of learning and teaching Russian at school and university;
- to discuss the questions of modern foreign linguistics and methods of teaching languages;
- to present electronic means of education in intercultural environment;
- to get acquainted with new linguodidactic and pedagogic technologies;
- to show methodical projects.

The authors can present scientific articles (theoretical, academic and research, scientific and methodical), reviews, critical reviews, annotations, reports about Russian and foreign scientists.

The journal is on the list of journals reviewed by Higher Attestation Commission for presenting the results of doctorate thesis. Young scientists can publish their articles in the column "The page of a young researcher".

The journal has an international status which is provided by the editorial board and reviewers (famous scientists from international academies and universities in Russia, the USA, Belarus, Moldova, Spain, Algeria, Italy).

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series "Russian and foreign languages.

Methods of its teaching":
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-07-45;
e-mail: rusforeignlangjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Абрамов В.П., Абрамова Г.А.** Структурный и функциональный подходы к анализу семантического поля 9
- Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р.** Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (люблю люблее)..... 26
- Киреева Ю.Н., Плотникова Л.И.** Специфика словотворчества Виктории Токаревой 40
- Скнар Г.Д., Кудряшов И.А.** Прагматические модели дискурсивной анафоры в монологическом тексте..... 51

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

- Дудушкина С.В.** Технология формирования способности к автономному аудированию у студентов 1-2 курсов языкового вуза..... 66
- Чайлак Х., Мухаммад Л.П.** Аудиторный дискурс как инновационная площадка по развитию языковой личности инофона 77

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Шалюхина А.В.** Compliment и похвала как проявление эмпатии в испанском языке..... 91

СТРАНИЧКА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

- Корнакова Е.С.** Национально-культурная специфика советской действительности и ее языковое отражение в поэзии Е.А. Евтушенко..... 103
- Лонская А.Ю.** Образ власти в языке российских печатных СМИ 1990-х гг. 113

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ И ДР.

- Стрельчук Е.Н. Дроздова О.Е.** Метапредметное обучение русскому языку в школе: теория и пути практического воплощения..... 126

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF LEARNING RUSSIAN LANGUAGE

Abramov V.P., Abramova G.A. Structural and Functional Approaches to Semantic Fields Analysis.....	9
Borzenko E.O., Dobrushina E.R. Intensifiers of Predicate Semantics: Occasional Comparative Forms Derived from Verbs in Modern Russian Language (Люблю Любле).....	26
Kireeva Yu.N., Plotnikova L.I. Word Creation in V. Tokareva's Prose.....	40
Sknar G.D., Kudryashov I.A. Discursive Anaphora Pragmatic Models in Monologic Text.....	51

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Dudushkina S.V. Technology of Forming Ability for Autonomous Listening of 1-2 Year Linguistic Students.....	66
Caylak H., Muhammad L.P. Classroom Discourse As Innovative Platform For Developing Foreign Student Linguistic Personality.....	77

FOREIGN LANGUAGES: LINGUISTIC RESEARCH

Shalyukhina A.V. Compliment and Praise as Manifestations of Empathy in Spanish	91
--	----

THE PAGE OF A YOUNG SCIENTIST

Kornakova E.S. National and Cultural Specifics of Soviet Reality and its Linguistic Reflection in E.A. Evtushenko's Poetry.....	103
Lonskaya A.Yu. The Image of Government in 1990s Russian Print Media.....	113

REVIEWS, ANNOTATIONS, ETC.

Strelchuk E.N. Drozdova O.E. Metasubject teaching Russian at school: theory and ways of practical implementation.....	126
--	-----

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед Вами первый в этом году номер журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания» («RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching»).

Обновлен состав редакционной коллегии, в который вошли ученые из России, Италии, Испании, США, Алжира, Белоруссии. Расширена тематика, введены новые рубрики, в том числе «Страничка молодого исследователя». Повышены требования к авторским статьям. Эти меры направлены на то, чтобы сделать содержание журнала более интересным, современным и полезным для исследований русского и иностранных языков и методики их преподавания в условиях меняющейся образовательной среды, новых возможностей использования современных технологий.

В номере представлены статьи, посвященные проблемам семантики современного русского языка, прагматических моделей дискурсивной анафоры в монологическом тексте, методики преподавания русского языка как иностранного, а также лингвистическим исследованиям в области испанского языка.

«Страничка молодого исследователя» содержит научные изыскания авторов в области изучения национально-культурной специфики лексики XX века в языке российских печатных СМИ и поэзии Е.А. Евтушенко.

Разрешите пожелать нам всем актуальных интересных материалов, совместной работы на благодатной ниве исследования русского и иностранных языков.

С уважением,
В.М. Шаклеин,
главный редактор журнала
«Вестник РУДН.
Серия: Русский и иностранные языки
и методика их преподавания»

DEAR READERS!

We are presenting the first in 2017 issue of “RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching”.

We have changed our editorial boards which now include famous scientists from Russia, Italy, Spain, the USA, Algeria, Belarus. New themes and columns are added including “Page of a Young Scientist”. The requirements imposed on the articles have significantly increased. The changes are aimed at making the journal content more interesting, modern and useful for research in the sphere of the Russian and foreign languages, methods of teaching in modern education environment and new technologies.

The issue contains articles devoted to modern Russian language semantics, pragmatic models of discursive anaphora in monologue, methods of teaching Russian as a foreign language and linguistic research of the Spanish language.

The “Page of a young scientist” presents the research in the sphere of national and cultural specifics of XX century lexis in Russian printed media and E.A. Evtushenko’s poetry.

We wish you actual and interesting articles, effective work in the sphere of Russian and foreign languages research.

Sincerely yours,
Editor-in-chief
V.M. Shaklein

УДК 81'37

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-9-25

СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

В.П. Абрамов, Г.А. Абрамова

Кубанский государственный университет
Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

В статье решается проблема функционально-семантического описания лексики как системы парадигм (процессуальных полей, семантических классов), развивается идея современной лингвистики о функции как способе раскрытия семантики. То, что заложено в системе, содержится и в функции; то, что скрывают знаки, показывает их употребление; то, что имплицитно семантическое поле, эксплицитно функционирует единицы поля. Этим определяется актуальность исследования. Результаты исследования могут найти практическое применение в области составления словарей сочетаемости русского языка, семантических словарей, разработки компьютерных программ, обучения русскому языку как иностранному.

Комплексный структурно-функциональный метод анализа единиц семантического поля в данной статье основывается на модели «текст → система (смысл)», в более широком понимании это анализ связей по линии «экстенционал (сочетаемость) → интенционал (семный состав)». Иными словами, комплексный метод анализа в значительной степени опирается на синтагматические связи единиц, их «разлитую» в тексте семантику и включает методы компонентного анализа, метаязыкового описания, дистрибутивного анализа.

Анализ структуры лексико-семантического поля, выделяемого на основе оппозиций формирующих его единиц в системе языка, дает возможность находить в текстах лексико-семантические варианты (семемы), объединенные инвариантным значением и реализующие это значение в конкретных контекстах на основе структурных формул, задающих пределы варьирования единиц поля.

По правилам речевой реализации инварианта семантического поля включенными в данное поле лексическими единицами дистрибуции их лексико-семантические варианты подводятся под общие структурные формулы. Дистрибутивный анализ опирается на принцип дополнительности, позволяющий определять имплицитную семантику отдельных лексем в тексте без информации обо всей их эпидигматике.

Авторами выявлено, что в семантическом поле глаголов передачи одни глаголы выражают реальную передачу, осуществляемую от субъекта к адресату, другие предполагают передачу и реализуют ее в специальных диагностических контекстах. С одной стороны, передача представлена как эксплицитная, с другой — как имплицитная, т.е. контекстуально выраженная. На основе проведенного исследования авторы предлагают приемы, позволяющие проследить функционирование семантических полей, процессы формирования семантических полей в контексте их структуры и динамики.

Ключевые слова: семантическое поле, лексическое значение, семантическая функция, синтагматика, семантические классы, глаголы созидания и передачи

Введение

Традиционная лингвистика в основном оперирует парадигмой, инновационная все больше тяготеет к функциональному аспекту. В связи с этим наблюдается расширение лингвистического анализа от значения к функции. Функция — это важнейший способ раскрытия семантики. Функциональная лексикология рассматривает функцию как активный фактор лексической семантики: те свойства, которые выводятся из системных связей лексемы, формируют функции; то, что имплицитно или потенциально содержит знаки, выявляет их употребление; то, что имплицитно такая крупная единица, как семантическое поле эксплицитно функционирует единиц поля. Этим определяется актуальность данной статьи, в которой решается проблема функционально-семантического описания лексики как системы парадигм (процессуальных полей, семантических классов). Результаты исследования могут найти практическое применение в области составления словарей сочетаемости русского языка, семантических словарей, разработки компьютерных программ, обучения русскому языку как иностранному.

Значение и знак связаны как единство переменной и постоянной составляющих языковой единицы. Знаку свойственно постоянство и тождество в рамках определенного отрезка истории, диахронии, а значение зависит от контекста и потому переменное, оно определяется через многообразные связи человека и окружающей действительности, реальной или виртуальной. Процедура определения значения лексемы подразумевает установление совокупности семантических компонентов, связанных со знаком в речевом отрезке.

Л. Витгенштейн в «Философских исследованиях» обосновывает идею о том, что значение языковой единицы выявляется не только текстовыми связями, внутриязыковым контекстом, но также во многом — и внеязыковой ситуацией [1]. Концепция Л. Витгенштейна плодотворна в плане развития лингвистической семантики, однако она охватывает только одну из сторон значения, тогда как есть несколько аспектов, раскрытие которых позволяет определить переход от текста к смыслу и от смысла к тексту: значение — не только употребление (синтагматический параметр), но и отражение действительности (семантический параметр). Значение лексемы устанавливается не только путем соотнесения его с тем понятием, которое выражается с помощью данного слова: по словам В.В. Виноградова, «оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений, от семантического соотношения этого слова, от экспрессивной и стилистической окраски слова» [2].

Проблемы функционального моделирования языка выдвинули на передний край порождающие грамматики, в которых развернутое абстрактное синтагматическое представление словоформ играет основную роль. Н. Хомский попытался применить к исследованию семантики естественного языка методы математической логики, возводя поверхностные синтаксические структуры к глубинным структурам-схемам обобщенного представления мыслей. Пути исследования глубинных структур языка, их превращение в поверхностные структуры, которые предлагает порождающая грамматика Н. Хомского, состоят, с одной стороны, в

детальном вычленении компонентов (компонентном анализе) синтаксической структуры, а с другой — в описании возможных трансформаций (семантических вариантов) данной конструкции. Порождающая грамматика обращена к динамическим структурам языка, что является чрезвычайно важным, так как именно изучения динамики, механизма деятельности не хватало всем предыдущим теориям поля. Представления о наличии и связях глубинных и поверхностных структур непосредственно подводят и к функциональному аспекту лексикологии, и к идеям языкового моделирования [3].

Если Н. Хомский ориентировал порождающий процесс на поверхностную структуру заранее заданного предложения и первым «шагом» такого порождения являлось расчленение структуры предложения на группу подлежащего и группу сказуемого, а окончательным результатом — порождение описания заданного предложения, то У.Л. Чейф руководствуется иным подходом к порождающим процессам, более приближенным к процессам речепроизводства. Ключевым элементом, открывающим процесс порождения высказывания, является, по его мнению, глагол, в значении которого потенциально содержится все предложение. Отношения между предикатом и его аргументом, как, например, отношение между предикатом действия и агенсом, между предикатом обладания и аргументом и т.п. У.Л. Чейф называет «семантическими измерениями», или семантическими осями. Первые фазы в развертывании порождаемого высказывания сводятся к выбору глагола, или, точнее, предиката и конкретизации предлагаемых предикатом аргументов. Что же касается преобразования одного из аргументов (или единственного аргумента) предиката в субъект предложения, то этот процесс осуществляется только на фазе «линеаризации», предваряющей переход к поверхностной структуре [4].

Если говорить о лексической реализации (лексикализации) валентностей этого или иного глагола, то можно заметить, что лексикализация предсказывается в известной степени семантикой глагола; здесь определяющую роль играют так называемые интегрируемые семы, которые предопределяют субкатегориальную семантику имен, заполняющих позиции при глаголе, однако можно отметить и такое явление, когда конкретное лексическое значение слова, занимающего позицию при глаголе, оказывает влияние на количество и характер (обязанность — факультативность) синтаксических валентностей глагола [5].

Для современных работ по семасиологии характерно расширенное понимание значения — в концепциях единства парадигматики, синтагматики и прагматики. Синтагматические и парадигматические свойства лексем взаимосвязаны, это позволяет выводить значение слова из его употребления. Структура синтагматики характеризует значение через линейные отношения семантически согласующихся знаков, эти знаки и их актуализированные значения образуют в тексте определенную последовательность одновременно (точнее, «одноконтекстуально») соотносенных друг с другом языковых единиц [6].

Обратимся к функции, которой оперирует логика и лингвистика и которая дает понимание общих закономерностей функционирования языка и внутренней связи ее единиц. Понятие «функция» было заимствовано из математики и логики [7]. Понятие функции в лингвистике зародилось в недрах Копенгагенской

школы и восходит к работам Л. Ельмслева [8]. Функция выражает определенную зависимость одной переменной от другой. Этот закон, согласно которому множество элементов M (область значений независимого переменного аргумента X) можно ставить в соответствие элементов множества M_1 (область значений зависимого переменного Y)

$$Y = F(X),$$

где $F(X)$ — выражение закона, согласно которому устанавливается вполне определенное соответствие между элементами множеств M_1 и M , а Y и X принимают значения соответственно из M_1 и M .

Определенным понятием в функции является независимая переменная — аргумент (X), а сама функция есть не что иное, как операция, которая, будучи применена к чему-то как аргументу, дает некоторую вещь в качестве значения функции для данного аргумента [9].

Е. Курилович [10] предложил разграничивать первичные семантические функции, которые базируются на основе первичного элементарного значения, минимально зависимого от контекста, и вторичные семантические функции, которое зависят от контекста максимально.

Исследователи лексических функций рассматривают их в рамках модели взаимного перехода «смысл ↔ текст», где неочевидная семантическая общность слов в системе языка предстает наглядно, выявляется общее глубинное значение, различно реализуемое в поверхностных структурах в зависимости от варьирования слов, выступающих роли аргументов лексической функции [11—13].

Каждое употребление слова вызывается необходимостью объективировать его значение как определенную информацию о действительности, полученную человеком в процессе его познавательной и общественной деятельности, поэтому современная семантика оперирует также понятиями психологии и когнитологии [14—16]. Дж. Брунер пишет: «Существуют определенные классы значений, на которые люди настроены внутренним слухом и которые они активно ищут. На доязыковой стадии эти знания существуют в примитивной форме как протоязыковые представления о мире, полное же постижение его зависит от языка как орудия культуры...» [Цит. по: 17]. Поэтому еще одно правило анализа лексико-семантического поля — это правило учета экстенционала и интенционала, которое базируется на дифференциации и соотношении терминов «значение» (денотативный аспект) и «содержание понятия». По Р. Карнапу, экстенционал — это класс предметов (отношений), которые обозначает знак, а интенционал — это учитываемые свойства, соответствующие предметам данного класса в сознании носителей языка [18]. Под семантическим классом (множеством) понимается совокупность единиц языка с общим значением и соответствующей данному классу типовой синтагматикой, или общей структурной формулой. Дистрибутивный анализ состоит из деления текста на речевые отрезки — сегментации и последующей идентификации в них языковых единиц с помощью их субституции. Выделить и описать состав классов семантического поля и его структуру позволяет структурно-семантический анализ.

Мы придерживаемся положения о том, что лексические единицы одной парадигмы употребляются в одинаковых позициях (контекстах) и что характер их употребления определен экстенсионалом. Инструментом, реализующим область определения синтагматики лексической единицы (экстенсионал), служит валентность (лексико-семантическая сочетаемость). Поэтому описание значения (интенционала) лексической единицы возможно дать на основе экстенционала, реализующего валентные связи.

Цель данной статьи дать структурное и функциональное описание единиц процессуального семантического поля (СП).

Материалы и методы

Материалом исследования послужили единицы поля «передача» в русском языке. Комплексный структурно-функциональный метод анализа единиц семантического поля в данной статье основывается на модели «текст → система (смысл)», в более общем понимании — как анализ связей по линии «экстенсионал (сочетаемость) → интенционал (семный состав)». Иными словами, комплексный метод анализа в значительной степени опирается на синтагматические связи единиц, их «разлитую» в тексте семантику и включает методы компонентного анализа, метаязыкового описания, дистрибутивного анализа.

Итак, правила реализации лексических единиц одного семантического поля учитывают позиционную дистрибуцию лексико-семантических вариантов единиц, или семем.

Результаты

Анализ структуры лексико-семантического поля, выделяемого на основе оппозиций формирующих его единиц в системе языка, дает возможность находить в текстах лексико-семантические варианты (семемы), объединенные инвариантным значением и реализующие это значение в конкретных контекстах на основе структурных формул, задающих пределы варьирования единиц поля.

По правилам речевой реализации инварианта семантического поля включенными в данное поле лексическими единицами дистрибуции их лексико-семантические варианты подводятся под общие структурные формулы. Дистрибутивный анализ опирается на принцип дополнительности, позволяющий определять имплицитную семантику отдельных лексем в тексте без информации обо всей их эпидигматике.

Вариант общего значения (инварианта) СП, реализующийся в определенном классе, соответствует определенной модификации общей структурной формулы. Иными словами, семантические различия при избранном методе анализа оказываются структурно выраженными.

Лексическое значение определяется путем анализа совокупности семантических компонентов, которые связаны со знаком в определенном речевом отрезке.

Обсуждение

Если понимать значение как совокупность связей, которые реализуются в регулярных и релевантных для данной единицы отрезках текста и смысла, то воз-

можно определить алгоритм изучения закономерностей перехода от текста к его смыслу и наоборот. Связи знака и значения специфичны в каждом языке, поэтому для обучения русскому языку как иностранному необходимы не только учебные тексты, упражнения, отражающие особенности употребления лексики, но и особые учебные словари, представляющие парадигматику и синтагматику слов как единиц семантических полей.

Семантика глагола предопределяет его синтагматику как с синтаксической, так и с семантической стороны. Это представляется так: семантика глагола предсказывает глубинную модель, которая разными способами репрезентируется на поверхностный уровень и, следовательно, предопределяет количественно (количество позиций) и качественно (характер позиций в терминах членов предложения) поверхностную модель глагола. Валентность — важнейшее свойство лексической единицы. Валентность определяет синтагматику данной единицы с другими (полную сочетаемость и дистрибуцию).

При анализе любой системы принято говорить о ее единицах и об их значимости. Основная единица словаря языка — лексема, но она входит в разные СП лишь одним своим определенным элементарным значением. Ср. СП «передача»:

Он *дал* ему тетрадь (неспециализированная передача); Ему *дали* орден за храбрость (специализированная передача — «награды»); Он *отдал* пальто по дешевке (специализированная передача — «продажа») и т.п.

Соотнесенность синтагматики и парадигматики лексики, т.е. связь определенной специфики ее употребления и семантики, дает возможность определить алгоритм анализа СП. Например, для процессуальных полей на синтаксическом уровне исследуются дистрибутивные свойства глагольных единиц, выявляется общее для каждого из классов и особенное для каждой из его единиц.

Поскольку в семантическое поле входят единицы с однородной семантикой, постольку полисеманты своими семемами распределяются по нескольким полям. Итак, в семантическом поле на первом этапе анализа выделяются единицы с инвариантной семантикой. Затем производится группировка единиц в семантические классы, каждому из которых свойственно общее для класса усложненное, «специализированное» значение.

Структуру поля описывают через сочетания парадигматических структур единиц с одним специализированным значением и синтагматических структур (согласовательных классов), которые отражают свойства поля как сложного системно-функционального образования.

Синтагматическая структура поля может быть представлена через систему семантических классов. С усложнением значения лексических единиц для соответствующих классов закономерно ограничиваются контексты их употребления. Например, лексема «сделать», входящая в СП «созидание», сочетается с большим классом слов: *сделать* салат, солянку, мясо, рыбу; дорогу; дом; танк; машину... А слова «сварить», «поджарить», «приготовить» будут сочетаться только с классом наименования еды, так как структура СП — парадигма — это система взаимосвязанных классов, а в синтагматическом аспекте — это система согласовательных

классов, которые представляют собой взаимодействие глагола и соответствующего класса объектов.

Глагол «варить», который входит в СП «созидание», отчетливо противопоставляется глаголам типа «жарить» его регулярной совместной встречаемостью с классами, обозначающими жидкую среду приготовления пищи:

варить кашу на воде, на молоке; *варить* яйца в кипящей воде; *варить* суп в кастрюле (с водой). Каша подгорела: вся вода выкипела: кроме того, надо было убрать комнату, *сварить* матери жидкую кашу, купить хлеба и молока, глядеть за двумя братьями... (А. Платонов. Происхождение мастера); Бородатые казаки... разжигали костры, *варили* уху из выловленной тут же рыбы (В. Распутин. Прощание с Матерой); Семен, вернувшись, развел на загнетке огонь под таганом и начал *варить* пшениный кулеш на ужин (А. Платонов. Происхождение мастера).

Ср.: *жарить* шашлык на шампурах, *жарить* мясо на вертеле, на сковородке и т.п. Отсюда и определение глагола «варить»: готовить кипячением, т.е. в кипящей воде.

Другой пример. Глаголы типа «солить» («засаливать»), «сушить», «коптить», «квасить» очень часто сопровождаются в тексте сирконстантами со значением «на длительное время»:

насолить на зиму грибов, *наквасить* на целый год капусты, *намариновать* до самой весны огурцов и т.п. — «Сколько вы на зиму *насолите* огурцов?» (Н.В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка).

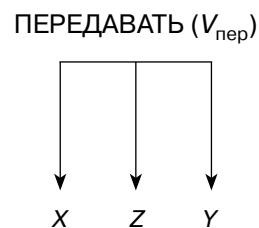
Это дает право на основании закона семантического согласования «приписать» сему (на) длительное время («впрок») глаголам этой подгруппы.

Разумеется, этот процесс анализа не всегда осуществляется в явном виде: он подразумевается, и на основании его даются определения семантики глагольных и других единиц поля.

Единицы в одинаковых позициях объединяются в дистрибутивные (согласовательные) классы, которые в дистрибутивных формулах обычно обозначают грамматическими символами при формальной записи (N_1 — существительное в форме именительного падежа, V — форма глагола, N_4 — существительное в форме винительного падежа и т.п.).

В зависимости от семантики лексической единицы, обозначающей объект (N_4), и от инвариантного значения и дистрибутивной формулы выделяем семантические классы глаголов, существительных, прилагательных (подмножеств множества). Ср.: классы глаголов передачи «дать», «вручить», «предоставить» и др. — неспециализированная передача и класс глаголов специализированной передачи — дарения — «подарить», «преподнести», «презентовать» и т.д. в СП передачи: Он *передал* тетрадь преподавателю: $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3$.

Ситуацию передачи можно представить в следующем виде: некое лицо X отторгает от себя некий конкретный или абстрактный предмет Z другому лицу Y . При этом передача реализуется как взаимодействие ряда актантов; субъект передачи, объект передачи, адресат передачи.

В лексико-семантическом аспекте может быть установлена определенная зависимость актантов и единиц соответствующего класса, который замещает синтаксическую позицию (особенно объект N_4).

Вариант общего значения СП, реализующийся в определенном классе, как правило, соответствует определенной модификации общей структурной формулы. Иными словами, семантические различия при избранном методе анализа оказываются структурно выраженными.

Сравним реализацию структурной формулы СП передачи и ее значение:

Структура	Значение
Структура глаголов передачи $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3$ $N_1 V_{\text{пер}} \text{но } N_5 N_3$	Он дал ему деревянную ложку... (К.М. Станюкович. Максимка). Обоим вам по яблочку я дам... (В.А. Жуковский. Тюльпанное дерево)
Структура глаголов дарения $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3$ $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3$ $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3 \text{ на } N_4$ $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3 \text{ по } N_2$ $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3 \text{ в } N_2$ $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3 \text{ в связи с } N_5$ и т.п.	Он преподнес ей цветы ко дню рождения. В связи с днем рождения он подарил ему часы. По случаю юбилея он преподнес ей цветы. В знак признательности и расположения он презентовал каждому по великолепной мотоциклетке (А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова))
Структура глаголов продажи $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3 \text{ за } N_4$ $N_1 V_{\text{пер}} N_4 N_3 \text{ по } N_3$...Я тебе продал часы за десять рублей... (М. Горький. На дне). Перекупщики сбывали билеты по двойной и тройной цене (М. Жаров. Жизнь, театр, кино)

Мы видим, что контекст позволяет выявить как общие, так и специфические для каждой разновидности типы дистрибуций рассматриваемых единиц СП.

Связь характера дистрибуции единиц и их принадлежности к определенным семантическим классам позволяет перейти к дальнейшему исследованию единиц уже на содержательном уровне, с использованием элементов компонентного анализа.

Члены каждого класса, входящего в СП, отождествляются и различаются на основе сходства и различий дифференциальных признаков и стилевых характеристик. Сравним основную единицу СП передачи «(пере)дать» и близкие по семантике основной единице их синонимы «вручить» и «предоставить». Значение глагола «вручить» как члена семантического поля передачи определяется в словарях как «отдать в руки непосредственно», «передавать *из рук в руки*»; «отдавать, выдавать непосредственно, лично» с явно ощущаемой внутренней формой — «отдать в руки». Иными словами, в текстах мы наблюдаем, что значение лексической единицы «вручить» включает, помимо содержания «(пере)дать (а)», еще сему «непосредственно адресату в его руки» (a^1); «вручить» = «(пере)дать» + «непосредственно в руки адресату», т.е. « $a + a^1$ ».

В смысловом содержании ЛСВ «предоставить» обнаруживается, кроме значения «(пере)дать», сема «цель пользования» («в распоряжение»), «представить» — «отдать в распоряжение, пользование» [19], т.е. «передать» + «для пользования» («в распоряжение определенного лица») + обычно «временно», т.е. $a + a^2 + (a^3)$ и т.п.

Следовательно, единицы СП «вручить», «предоставить» имеют общее значение — «а» — «передать что-либо кому-либо» и следующие дифференцирующие

семь — «а¹» — «непосредственно в руки»; «а²» — «для использования (в распоряжение определенного лица)» + «а³» — «временно» и т.п.

Таким образом, применяемый анализ семантического поля ведется в направлении «текст → система». На основании учета специфических условий употребления устанавливается их принадлежность к тому или иному классу, а внутри данного класса определяются их специфические семантические особенности, отличающие их друг от друга.

Сравним в контекстах употребление глаголов «продать», «всучить» и «спустить».

Мы же как-то карабкаемся благодаря тому, что я *продал* две своих картины в два провинциальных музея (И.Э. Грабарь. Письма. 1917—1941); Обходительность и ласковость были не более как средство отвести покупателям глаза, заговорить зубы и *всучить* тем временем гнилое, линочье (Г.И. Успенский. Книжка чеков); Этим коммерсантам или придется мерзнуть около своих петушков да яицек; или *спускать* их вполнены, или поворачивать оглобли домой, а там — милости просим участвовать в воскреснике (В.Ф. Тендряков. Падение Ивана Чупрова).

Из употребления этих глаголов и из специфики контекста мы делаем вывод о наличии в них сем «обманом», «плохое», «ненужное» для глагола «всучить»; «ниже стоимости», «вполнены» для глагола «спустить». Это делается на основании закона семантического согласования. Если слова *спустить за бесценно* часто сочетаются, то сема «дешево» должна находиться в глаголе. Если с каким-то словом часто употребляется другое слово, а его значение совершенно ясно — «за бесценно», «задешево», «просто так», «почти даром» и т.д., то это значит, что по закону семантического согласования, когда два слова соединяются, они соединяются на основании повторения их семантических признаков.

Анализируя семантические поля, следует учитывать области их пересечения на периферии, где осуществляется переход лексических единиц (знаков) из одного поля в другое: знак в первичной семантической функции относится к одному полю, а во вторичной семантической функции — к другому [20].

Именно такая взаимосвязь обнаруживается, например, между полями созидания и передачи: ср., например, семантику таких глаголов, как «надписать», «черкнуть», «телеграфировать» и т.п., в которой слиты значения «созидание» (текста) и его «передача»: «Он написал письмо» и «Он написал об этом другу». Ср.: различие значений ЛСВ в словарях: писать — «воспроизводить от руки, изображать специальные графические знаки; передавать посредством таких знаков слова, текст» и т.п. и писать — «сообщать, извещать о чем-либо в письменной или печатной форме»:

Любезнейший Степан! Письмо это пишу у твоего брата, в присутствии Наумова и Павлова, которые уверены, что я, если не в эту минуту, так ввек не успею отправить к тебе мое послание (А.С. Грибоедов. Письмо С.Н.Бегичеву. 9 сентября 1818); Разговор делается общим. Отец рассказывает, что в газетах пишут о какой-то необычной комете, которую ожидают в предстоящее лето (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Под первичной функцией семантического поля мы понимаем реализацию основного значения лексической единицы в типовых контекстах, ср.: «Он *подал*

ему книгу»; «Ребенку *подарили* игрушку»; «Продавец *продал* товар» и т.п. Все глаголы, в прямом или переносном употреблении реализующие основное значение (инвариант), входят в центр семантического поля.

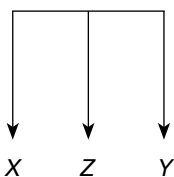
Сравним реализацию первичной и вторичной функции в следующих примерах:

Функция I	Функция II
Этот же конверт с деньгами ты <i>передашь</i> от меня по адресу (Л.Н. Толстой. Детство)	Государство <i>построило</i> ему дом, и он прожил в нем до глубокой старости (построить кому-нибудь » создать, сделать + передать что-либо кому-либо)
Она достает из кармана кофточки пачку махорки, <i>передает</i> Дрябину (К.Я. Горбунов. Ледолом)	Добрую сигару я отдам приятелю; стакан вина <i>разделю</i> с ним же! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе) (Ср.: разделить » разъединить на части + передать кому-то)
Эти запонки, — сказал он, — незадолго до своей смерти <i>подарил</i> мне Антоша Чехов, а я дарю их тебе (Н.А. Морозов. Сорок лет с Гиляровским)	На этот раз нас <i>угощали</i> мужики, и мы все пили, — даже те, кто никогда не брал в рот капли вина, должны были выпить по две или по три полрюмки сладкой водки (Н.С. Лесков. Детские годы) (угостить кого-нибудь ≈ предложить + дать что-либо кому-либо и т.п.)

На периферии СП могут находиться лексические единицы, реализующие свои значения в определенных контекстуальных условиях благодаря закону асимметрического отношения знака и значения и способа реализовать семантику определенного СП в своих вторичных функциях.

Рассмотрим СП передачи, где ситуацию передачи можно представить в следующем виде: некое лицо X отторгает от себя некий конкретный или абстрактный

Нарезать

предмет другому лицу: Продавец → продает → товар → за деньги другому лицу: $X \rightarrow V \rightarrow N_4 \rightarrow \text{за } N_4 \rightarrow N_3$. Например, у глагола «нарезать», который в своем значении относится к СП «разделять что-то на части», оказывается следующий набор и характер валентностей: субъект, объект и потенциальный, возможный адресат. Валентность передачи у этого глагола в обычных контекстах не выражена, она может реализовываться только

в специальных контекстах: *Она **нарезала** ребятам халвы, и они довольные стали есть* (нарезать кому-нибудь имплицитно предполагает — «нарезать и дать кому-либо»), т.е. глаголы в данном примере способны своими вторичными функциями (в определенных контекстуальных условиях) выражать передачу, ср.:

Тимофей: Андрюшка пшеницу разводит, во всем мире такой пшеницы нет. Вот какой домишко ему *отгрохали* за пшеницу (А.Н. Афиногенов. Накануне).

Такую же потенциальную передачу обозначает глагол «взвесить» (исходное, основное значение «определить вес», вторичная функция «для продажи кому-то»). Как мы видим, значение передачи у этих глаголов либо вообще не выражено, либо мыслится как виртуальное и может реализовываться в специальном диагностическом аспекте передачи.

Анализируя контексты, мы наблюдаем в них своеобразный «семантический эллипсис» глагола передачи, функции которого берут на себя глаголы «взвесить», «отгрохать», «заказать» и т.п., функционально связанные с первым как обозначение действий, предшествующих во многих случаях передаче, как бы подготов-

ливающих ее. Можно допустить, что в предложении *Он взвесил ей конфет, и она вышла из магазина* есть известный эллипсис, т.е. он взвесил ей конфеты, продал их, она их купила и вышла из магазина. Глаголы в своих вторичных функциях замещают позицию глагола передачи, как бы «расширяя» свое первичное значение до значения передачи, которое «достраивается» средствами контекста. Именно поэтому (при маркированном в тексте результате получения передачи) глагол «взвесить» получает контекстуальное значение передачи.

Сравним глаголы «заказать» и «заготовить». Глагол «заказать» толкуется в словарях в своей первичной функции как «поручить кому-нибудь изготовить, сделать что-нибудь» [21]. В реализации вторичной функции в специальных контекстах СП «передача» предполагается потенциальная валентность передачи ($Z \rightarrow Y$), ср.:

Вчера зашел в кафе на углу. Сидят немцы. Один *заказал* коньяку, выпил залпом (И.Г. Эренбург. Буря).

Аналогичная реализация II функции значения передачи наблюдается и в глаголе «заготовить» — не только «заранее, заблаговременно приготовить» [21], но и «осуществить передачу»: *Он заготовивал нам дрова, и мы жгли целый месяц* — здесь «заготовить» — заранее приготовить + дать кому-нибудь (получить от кого-нибудь).

Между классами глаголов, обозначающих первичную функцию, и классами слов, обозначающих вторичную функцию, существует определенная закономерная связь. С одной стороны, такие классы семантически близки словам, реализующим первичную семантическую функцию, с другой стороны, функционально подобны в том смысле, что они в определенных контекстах могут обозначать значение вторичных функций, которые в определенных условиях могут находиться на периферии СП (ср. *заказать* и *передать*).

Таким образом, класс слов, образующий вторичную функцию, может иметь лишь потенциальную валентность слов, обозначающих первичную функцию определенного СП. Своими вторичными функциями такие единицы будут входить в определенные СП только тогда, когда значение этого поля будет у них реализовано дополнительными средствами. В таких случаях слово, обозначающее вторичную функцию, как бы втягивается в «семантическую сферу слов, обозначающих первичную функцию», в общий смысл текста.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

— если в контексте есть слово, входящее в определенное СП, и в тексте наблюдаются или подразумеваются реализации этого «основного» значения, то слово реализует первичную семантическую функцию;

— если в тексте есть слово, обозначающее смежное значение СП, но нет слова, реализующего первичную семантическую функцию этого поля, а есть результат, выражающий значение смежного глагола этого поля, то данное смежное слово выходит в своей вторичной функции как обозначение результата определенного СП;

— если в тексте есть слово, смежное со словами определенного СП, но нет слова, входящего в это поле своими первичными функциями, и нет контексту-

ального значения этого поля, то значение этого смежного поля не реализуется даже контекстуально.

Само значение передачи реализуется в определенном контексте, в котором подчеркивается результат состоявшейся передачи. В этом случае важно изучение типов контекстов глаголов, смежных с глаголами передачи, в которых реализуется значение передачи.

Рассмотрим реализацию вторичных семантических функций семантического поля передачи.

Значение передачи у глаголов смежных классов, а именно подтверждение факта состоявшейся передачи, реализуют следующие языковые средства:

— придаточное предложение: Крамин *делится* с ним своим сахаром, потому что Кольке дневной нормы не хватало (В.Ф. Панова. Спутники); Особенно бурно проходили митинги переселенцев. Эти люди, не имевшие ни кола, ни двора и жившие большими лагерями, просили об устройстве, о том, чтобы им *нарезали* земли, которую они могли бы обрабатывать (Э.Г. Казакевич. Дом на площади); Отец *построил* детям дом, в котором они жили (из устной речи);

— прямая речь: У вас когда соберется собрание? Вопрос, видимо, застал Ермоленко врасплох, потому что он вместо ответа стал мямлить что-то непонятное, а потом вдруг грубо *отрезал*: «Когда нужно, тогда и соберемся» (В.А. Солоухин. Рождение Зернограда); Недавно один дурак в лицо мне *брякнул*: «Ваша ставка на народ — бита, народа нет, есть только классы» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); Другие девушки тоже наряжались и прихорашивались. Только Наташа осталась в комбинезоне. — А ты что же? — матерински заботливо обратилась к ней Галиева. «Мне женихов не завлекать», — угрюмо *отрезала* Наташа (А.Д. Коптяева. Дружба);

— дополнительный глагол, выражающий передачу и контекстуально синонимичный данному: Добрую сигару я отдам приятелю; стакан вина *разделю* с ним же! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе); Перед уходом гостей отец доставал мешочек, развязывал и каждому высыпал в карман большую горсть табаку — угощал (В.Е. Афонин. Долгие зимние ночи);

— внеязыковой контекст: Отец Геннадия — седой, красный, в железнодорожной форме — подошел к нему: «*Угости* папиросой», — сказал он. Саша протянул ему коробку (В.Ф. Панова. Времена года); Васильков: Позвольте, в качестве жениха, *поднести* вам (Лилии). Я сегодня нечаянно купил эти вещи, и вот они и пригодились. (Подает коробку, в которой серьги и брошка) (А.Н. Островский. Бешеные деньги).

Общий характер контекста создает в подобных случаях семантический слитный смысл передачи, при этом глагол, смежный с глаголом передачи, как бы втягивается в семантическую сферу передачи, в общий смысл текста и передачи.

Заключение

Как мы видим, в СП глаголов передачи одни глаголы выражают реальную передачу, осуществляемую от субъекта к адресату, другие предполагают передачу и реализуют ее в специальных диагностических контекстах. С одной стороны, передача представлена как эксплицитная, с другой — как имплицитная, т.е. кон-

текстуально выраженная. В последнем случае передача вытекает из общего смысла контекста, в котором нет специального глагола передачи. Здесь контекст как бы компенсирует «недостаточность» рассматриваемых функционально смежных глаголов по сравнению с глаголами передачи.

Применение приемов, позволяющих проследить функционирование семантических полей, дает исследователю объективные методы нового подхода к проблемам семантики, к изучению процесса возникновения семантических полей, их структуры и динамики.

В перспективе представляет интерес дальнейшее исследование данной проблематики, включая изучение специфики формирования семантических полей единицами с разными экстенциональными свойствами; характера семантических полей на разных ступенях формирования языковой компетенции учащихся; их зависимости от сформировавшегося жизненного (профессионального) опыта. Все эти проблемы ждут своего решения.

В статье решается проблема функционально-семантического описания лексики как системы парадигм (процессуальных полей, семантических классов) и развивается идея современной лингвистики о функции как способе раскрытия семантики. То, что заложено в системе, содержится и в функции; то, что скрывают знаки, показывает их употребление; то, что имплицитно семантическое поле, эксплицитно функционирует единиц поля. Этим определяется актуальность исследования. Результаты исследования могут найти практическое применение в области составления словарей сочетаемости русского языка, семантических словарей, разработки компьютерных программ, обучения русскому языку как иностранному.

Комплексный структурно-функциональный метод анализа единиц семантического поля в данной статье основывается на модели «текст → система (смысл)», в более общем понимании — как анализ связей по линии «экстенционал (сочетаемость) → интенционал (семный состав)». Иными словами, комплексный метод анализа в значительной степени опирается на синтагматические связи единиц, их «разлитую» в тексте семантику и включает методы компонентного анализа, метаязыкового описания, дистрибутивного анализа.

Структурный анализ семантического поля (сеть отношений противопоставлений между элементами языковой системы) позволяет выделить из текста инвариантные единицы и соотнести их с конкретными речевыми сегментами на основе строгих правил реализации, которые определяют границы варьирования единиц в семантическом поле. Правила реализации лексических единиц в семантическом поле формулируются как правила позиционного распределения конкретных лексико-семантических вариантов единиц, или семем. Принцип дополнительности базируется на методе исследования языка, основанном на изучении окружения (дистрибуции — распределения контекста) отдельных единиц в тексте и не использующем сведений о полном лексическом или грамматическом значении этих единиц.

В семантическом поле глаголов передачи одни глаголы выражают реальную передачу, осуществляемую от субъекта к адресату, другие предполагают передачу

и реализуют ее в специальных диагностических контекстах. С одной стороны, передача представлена как эксплицитная, с другой — как имплицитная, т.е. контекстуально выраженная. На основе проведенного исследования авторами предлагается применение приемов, позволяющих проследить функционирование семантических полей, изучение процессов формирования семантических полей в контексте, их структуры и динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Витгенштейн Л.* Философские работы М.: Гнозис, 1994. Ч. 1.
- [2] *Виноградов В.В.* Русский язык. М.: Русский язык. 2001.
- [3] *Хомский Н.* О природе и языке / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2005. 288 с.
- [4] *Чейф У.* Язык и мысль. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- [5] *Гайсина Р.М.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. Теория, схемы и образцы анализа. М.: Высшая школа, 2010. 424 с.
- [6] *Новиков Л.А.* Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001.
- [7] *Фреге Г.* Логика и логическая семантика. М.: Аспект-Пресс, 2000.
- [8] *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
- [9] *Черч А.* Введение в математическую логику. М.: Либроком, 2009. 482 с.
- [10] *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. Биробиджан: ТРИВИУМ, 2000. 490 с.
- [11] *Мельчук И.А.* От смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 176 с.
- [12] *Мельчук И.А., Иорданская Л.М.* Смысл и сочетаемость в словаре = *Le sens et la cooccurrence dans le dictionnaire.* М.: Языки славянских культур, 2007. 665 с.
- [13] *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Языки русской культуры.
- [14] *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
- [15] *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М: Изд-во Москов. ун-та, 1979. 320 с.
- [16] *Пинкер С.* Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 560 с.
- [17] *Везжицкая А.* Язык Культура. Познание. М.: Языки русской культуры, 1999. 416 с.
- [18] *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959. 384 с.
- [19] Большой толковый словарь / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014. 1536 с.
- [20] *Васильев Л.М.* Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 2006. 520 с.
- [21] *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: АСТ: Мир и образование, 2016. 736 с.

© Абрамов В.П., Абрамова Г.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 сентября 2016

Дата принятия к печати: 02 ноября 2016

Для цитирования:

Абрамов В.П., Абрамова Г.А. Структурный и функциональный подходы к анализу семантического поля // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 1. С. 9—25.

Сведения об авторах:

Абрамов Валерий Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного филологического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». *Сфера научных интересов*: семантика, ономастика, социолингвистика, русский язык как иностранный. Автор более 150 научных публикаций. Контактная информация: *Контактная информация*: e-mail: abramovkubgu@mail.ru

Абрамова Галина Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры издательского дела и медиатехнологий ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». *Сфера научных интересов*: семантика, терминоведение, культура речи, русский язык как иностранный. Автор более 80 научных публикаций. *Контактная информация*: e-mail: galeks25@mail.ru

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL APPROACHES TO SEMANTIC FIELDS ANALYSIS

V.P. Abramov, G.A. Abramova

Kuban State University
Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Functional-semantic description of vocabulary as a system of paradigms (procedural fields, semantic classes) develops the idea of modern linguistics about function as a way of uncovering semantics. Something inherent in the system is contained in function; something that the signs hide their use shows; implicit ideas of semantic fields become explicit in field units functioning. This determines the relevance of the study. The practical significance of the results is seen in the field of compiling dictionaries of Russian language compatibility, semantic dictionaries, for working out computer programs for teaching Russian as a foreign language.

A comprehensive structural-functional analysis of semantic fields units in this article is based on the model of “text system (meaning)”, in a more general sense — as analysis of links “extensional (allocation) intensional (sense composition)”. In other words, the complex method of analysis relies heavily on units syntagmatic relations, their “spilt” in text semantics and includes methods of component analysis, metalinguistic descriptions, distributional analysis.

Structural analysis of semantic fields (network of relations, oppositions between language system elements) allows you to allocate text units invariant and relate them to particular speech segments on the basis of strict implementation of the rules, which determine the variation limits of semantic field units. The rules of lexical units in semantic fields are shown as rules of positional distribution of specific lexical-semantic variants of units, or semems. The principle of subsidiarity is based on the method of language research of the environment (distribution — distribution context) of the individual units in the text and does not use information about all lexical or grammatical meaning of these units.

The author reveals how in the semantic field of verbs of transfer some verbs express real transfers from the subject to the addressee, others suggest transfer and implement it in a special diagnostic contexts. On the one hand, transfer is presented as explicit, implicit, i.e. contextually expressed. Basing on the conducted research the author proposes the application of techniques that allow to trace the operation of semantic fields, study the processes of semantic fields formation in the context of their structure and dynamics.

Key words: semantic field, lexical meaning, semantic function, syntagmatic, semantic classes, verbs of creation and transmission

REFERENCES

- [1] Wittgenstein L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow: Gnosis; Part 1. P. 97. (In Rus.)
- [2] Vinogradov V.V. (2001) *Russkij jazyk*. [Russian language]. Moscow: Russian language. P. 165. (In Rus.)
- [3] Chomsky N. (2005) *O prirode i jazyke / perevod s anglijskogo* [On nature and language / translated from English]. Moscow: LIBROKOM. 288 p. (In Rus.)
- [4] Chafe W. (2015) *Jazyk i mysl'* [Language and thought]. Moscow: Languages of Slavic culture. P. 60—88. (In Rus.)
- [5] Gaisina R.M. *Sintaksis prostogo predlozhenija v sovremennom russkom jazyke. Teorija, shemy i obrazy analiza* [The syntax of a simple sentence in the modern Russian language. Theory, schematics and sample analysis]. M.: Higher school, 2010. 424 p. (In Rus.)
- [6] Novikov L.A. (2001) *Izbrannye trudy* [Selected works: in 3 volumes.] Vol. 1. *Problemy jazykovogo znachenija* [The problem of the language difference]. Moscow: Publishing house of Russian University of friendship of peoples. P. 87. (In Rus.)
- [7] Frege G. (2000) *Logika i logicheskaia semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow: Aspect-Press. Pp. 220—46. (In Rus.)
- [8] Hjelmslev L. (2006) *Prolegomeny k teorii jazyka* [Prolegomena to the theory of language]. Moscow: KomKniga. 248 p. (In Rus.)
- [9] Church A. (2009) *Vvedenie v matematicheskiju logiku* [Introduction to mathematical logic]. Moscow: LIBROKOM. 482 p. (In Rus.)
- [10] Kuryłowicz E. *Ocherki po lingvistike* (2000) [Essays on linguistics]. Birobidzhan: IP “TRIVIUM”. 490 p. (In Rus.)
- [11] Mel'chuk I.A. (2012) *Ot smysla k tekstu* [From meaning to text]. Moscow: Languages of Slavic culture. 176 p. (In Rus.)
- [12] Mel'chuk I.A., Iordanskaya L.M. (2007) *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and collocation in the dictionary = Le sens et la dans le dictionnaire co-occurrence]. Moscow: Languages of Slavic cultures. 665 p. (In Rus.)
- [13] Apresyan U.D. (1995) *Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2*. [Selected works: in 2 v. V. 2.] Moscow: Languages of Russian culture. P. 280. (In Rus.)
- [14] Kubryakova E.S. (2012) *V poiskah sushhnosti jazyka: kognitivnye issledovanija* [In search of the essence of language: cognitive studies]. Moscow: Znak. 208 p. (In Rus.)
- [15] Lurija A.R. (1979) *Jazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow: Publishing house of Moscow University. 320 p. (In Rus.)
- [16] Pinker S. (2013) *Substancija myshlenija: Jazyk kak okno v chelovecheskuju prirodu / per. s angl.* [The Substance of thinking: Language as a window into human nature / translated from English]. Moscow: LIBROKOM. 560 p. (In Rus.)
- [17] Wierzbicka A. (1999) *Jazyk Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow: Languages of Russian culture. 416 p. (In Rus.)
- [18] Carnap R. *Znachenie i neobhodimost'. Issledovanija po semantike i modal'noj logike* [The naming and necessity. Research in semantics and modal logic]. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1959. 384 p. (In Rus.)
- [19] *Bol'shoj tolkovyj slovar'* [Great Russian dictionary]. Pod redaktsijej S.A. Kuznetsova. Saint-Petersburg, 2014. 1536 p. (In Rus.)
- [20] Vasil'ev L.M. (2006) *Teoreticheskie problemy obshhej lingvistiki, slavistiki, rusistiki* [Theoretical problems of General linguistics, Slavonic studies, Russian studies]. Ufa: Publishing house of Bashkir State University, 2006. 520 p. (In Rus.)
- [21] Ozhegov S.I. (2016) *Tolkovyj Slovar' russkogo jazyka*. [Russian dictionary]. Moscow: AST; Mir i obrazovanie. 736 p.

Article history:

Received: 15 September 2016

Accepted: 02 November 2016

For citation:

Abramov V.P., Abramova G.A. (2017) Structural and Functional Approaches to Semantic Fields Analysis. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (1), 9–25.

Bio Note:

Abramov V.P., PhD, professor, chief of chair of Russian as a foreign language at Kuban State University (Russia, Krasnodar). *Sphere of scientific interest*: semantics, onomastika, social linguistics, methodics of teaching of Russian as a foreign language. The author of 150 science works. *E-mail*: abramovkubgu@mail.ru

Abramova G.A., PhD, professor of chair of publishing business and mass media technologies at Kuban State University (Russia, Krasnodar). *Sphere of scientific interest*: semantics, terminology, culture of speech, methodics of teaching of Russian as a foreign language. The author of 80 science works. *E-mail*: galeks25@mail.ru

УДК 81'367.625

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-26-39

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТОВ: ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ОТ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ УЗУСЕ (ЛЮБЛЮ ЛЮБЛЕЕ)

Е.О. Борзенко, Е.Р. Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, 23/5а, Москва, Россия, 115184

Данная статья посвящена нестандартным сравнительным формам, регулярно появляющимся в разговорных текстах русского языка последних десятилетий. Поставлена цель собрать и описать с точки зрения семантики и синтаксиса компаративы, словообразовательной базой которых выступает глагол. Актуальность описания этих необычных форм не вызывает сомнения, ведь они весьма характерны для специфического типа речи современного Интернета — спонтанной письменной речи, приближающейся по свободе пользования языком к устной, а изучение современного узуса — это одно из приоритетных направлений исследования русского языка, ставшее особенно значимым в последнее десятилетие в связи с развитием корпусной лингвистики. Материал исследования — база примеров из Интернета 2000—2016 гг., преимущественно из блогов, интернет-переписки, комментариев и форумов, т.е. текстов, совмещающих свойства письменной речи и устной. Для создания базы использован малоизвестный метод генерирования потенциально возможных форм на основе частотных списков русской лексики, применяются методы корпусного исследования. В работе выделяются характерные синтаксические и семантические особенности исследуемых сравнительных форм, дается классификация их по особенностям значения, предлагается статистическое описание типов их употреблений. Оказалось, что сравнительные формы, образованные от глаголов, могут выполнять различные функции в предложении: чаще всего они используются как обстоятельство при образующем глаголе, реже — как именная часть сказуемого, предикативы в безличном предложении, несогласованное определение. Выделены характерные для исследуемых новообразований конструкции. Показано, что семантика таких форм может соотноситься с семантикой интенсивности эмоции, описываемой глаголом, близости к идеальной реализации действия, выражения характерного признака действия, степени оценки, связываемой с действием, наконец, высокой вероятности реализации действия. По мнению авторов, количество подобных форм в текстах Интернета, а затем, возможно, и в устной речи будет возрастать, поскольку они выразительные, запоминающиеся, соответствуют принципу экономии речевых усилий и постоянно действующей в языке тенденции поиска новых средств выразительности для передачи экспрессивных, гиперболических и суперлативных значений. Использование семантики сравнения по отношению к глаголам на данный момент практически не описано даже для нормативных конструкций, таких, как «люблю больше, чем кто-либо / больше всего / больше всех» и др., а окказиональные компаративы, образованные от глаголов, рассматриваются впервые (ранее они даже не упоминались в научной литературе). Все это и обуславливает научную новизну и актуальность статьи.

Ключевые слова: нестандартные степени сравнения, компаратив, глагол, окказионализм, интернет-тексты, проблемы нормы, узуальность, семантика

Введение

В русском языке XXI века существует удивительный срез языка: язык блогов, живых журналов и комментариев из Интернета, совмещающий черты устного и письменного языка, так называемая спонтанная письменная разговорная речь. Пишущие в этом жанре, в основном представители не самых старших поколений, допускают разнообразные отклонения от стандартов кодифицированного языка, в том числе окказиональные формы. Некоторые из них становятся популярны и понемногу начинают выходить за рамки интернет-текстов. Таковы, на наш взгляд, морфологические окказионализмы, представляющие собой авторские сравнительные формы с нестандартной словообразовательной базой. Такой базой могут быть, например, относительные прилагательные (*московские*), существительные (*звезде*) [1], местоимения (*оне*) [2]. Неожиданно популярными оказались образования от глаголов. Приведенные ниже примеры, как и остальные в данной работе, найдены в «разговорных» интернет-текстах 2000–2016 гг., в основном в «живых журналах» и комментариях к блогам:

(1) Сказала ему, что скучаю — *счучее*... люблю — *любее*... придет, буду целовать — *целовее*...

(2) О, теперь жду ещё *ждее*. Если что, то я жду *ждее* всех.)

(3) — Иди готовь. — Я сплю. — А я *сплее*. Иди готовь!)

Эти формы появились сравнительно недавно: они существуют примерно с начала XXI века. Попробуем разобраться в синтаксическом статусе таких форм и в особенностях их семантики.

Итак, актуальность данного исследования заключается в том, что его предмет — специфические формы современного узуса, которые нередко появляются в интернет-языке, количество их возрастает, но в научной литературе они еще никогда не рассматривались и даже, в отличие от других нестандартных компаративных форм, почти не упоминались.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при преподавании дисциплин, связанных с инновациями в языке, и для составления словарей, описывающих современные неологизмы и различные особенности речи XXI века.

Вклад данного исследования в развитие науки о русском языке заключается в описании ранее не обсуждавшихся языковых фактов, отражающих современные тенденции развития разговорно-письменного языка, и с появившейся возможностью на новом материале уточнить частеречный и синтаксический статус русского компаратива, разобраться в его семантике. Приведенный материал позволяет добавить еще один довод в пользу трактовки русского синтетического компаратива как особого грамматического разряда, отдельного от прилагательного и наречия и объединяющего самостоятельные лексемы.

Основным источником представлений о семантике и синтаксисе компаратива для данной работы стали исследования Ю.П. Князева [3], а также О. Есперсена [4], Г. Пауля [5], А. Вежбицкой [6], в которых рассматривается возможность образования нестандартных форм степеней сравнения. Также очень важными оказались замечания о семантике адвербиального компаратива из статей Е.В. Ра-

хилиной [7; 8]. Отметим, что единого мнения по поводу статуса нормативных компаративов нет: часть исследователей считает их формами прилагательного или наречия [3; 9; 10] (по наблюдениям Е.В. Рахилиной, говоря о компаративах, почти никто не отличает адъективные компаративы от адвербиальных) [7. С. 90—91], а другие исследователи выделяют их в отдельную часть речи [11—13].

Для формирования базы нестандартных форм, помимо самостоятельного поиска, были использованы примеры, приводимые в исследованиях неологизмов и языковой игры в целом Е.Н. Ремчуковой [14], В.З. Санникова [15], Б.Ю. Нормана [16] и работах о разговорной речи Е.А. Земской [17]. Нестандартные компаративы и суперлативы характерны не только для разговорной речи и интернет-текстов, но и для творчества определенных писателей [18; 19]. Диалекты и детская речь также являются источником окказиональных компаративов [20; 21; 22].

Изучение современной русской речи с точки зрения реального узуса, нередко противоречащего официальной норме, является весьма популярным направлением современной науки. Не только окказионализмы, но даже ошибки, появляющиеся в речи носителей языка, также в последние годы стали предметом исследования: ср. описание причин появления «оговорок» в употреблении компаративов (*менее компактное* и др.) в работах Е.В. Рахилиной [7; 8]. «Грамматика ошибок» важна потому, что, как впервые это сформулировал А. Фрей почти век назад, «ошибки в речи не случайны, а соответствуют определенным тенденциям языка» [23]. Проблемам корпусного изучения современного узуса в его отношении к норме посвящены, например, работы Я.Э. Ахапкиной об *играться* и *убираться* [24], Е.Р. Добрушиной об употреблении местоимения *ихний* [25] и глаголов *крестить* и *покрестить* [26], Н.А. Зевахиной и С.А. Оскольской о конструкциях с «редуплицированными» уступительными местоимениями [27] и др. «Полуразговорные» тексты интернета стали предметом исследования в работах [28—34]. Некоторые из подобных работ посвящены конкретным языковым явлениям, например, в [35] на примере ненормативных форм компаратива от таких прилагательных, как *дерзше* и *моложее* описано расшатывание исторических чередований согласных, система которых остается в нормативном языке, но явно расшатывается в целом ряде ненормативных форм.

Цель

Цель данного исследования — выявить набор функционирующих в современной речи Интернета форм сравнительной степени, образованных от глаголов, и описать их по отношению к семантике, конструкциям, в которых они употребляются, и синтаксическим функциям, которые они выполняют, а также оценить продуктивность и определить их место по отношению к языковой норме.

Материалы и методы

Основной метод, применяемый в данном исследовании, — описательный, необходимый для того, чтобы дать характеристику конкретному явлению — определенному типу нестандартных сравнительных форм. Для этого проводились анализ, классификация и обобщение найденных примеров, а затем выделялись

характерные особенности и устанавливались закономерности функционирования изучаемых форм. Таким образом, внутри описательного метода прежде всего использовался контекстный и категориальный синхронный анализ.

Кроме того, при отборе материала исследования был использован прием сплошной выборки фактического материала.

Материалом исследования послужили тексты Интернета 2000—2017 гг. «полустного» характера — блоги, комментарии, обсуждения на различных форумах и сайтах.

Создание базы примеров потребовало нестандартных корпусно-статистических методов, в частности метода генерирования потенциально возможных форм. Дело в том, что исследуемые формы из-за их новизны и разговорного статуса невозможно найти в лингвистических корпусах, таких как Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в котором можно найти несколько отноминативных форм (*звездее*, *утрее* — благодаря тому, что в корпус включено исследование детской речи К. Чуковского, и *центрее*), а также два разных отпрономинативных *самее* — от *самый* и от *сам*), но ни одной отглагольной. Поэтому использовались «естественные корпуса», каковыми являются поисковые системы «Гугл» и «Яндекс», и следующий специфический метод работы: были взяты 200 самых частотных глаголов современного русского языка по данным корпусного словаря О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова [36], от них были самостоятельно образованы все возможные синтетические сравнительные формы, а далее была произведена проверка того, есть ли такие формы в интернет-текстах. Оказалось, что от первых шести глаголов списка компаративы не образуются, что несложно объяснить в некоторых случаях морфологией, в некоторых — семантикой, но компаратив от занимающего седьмую позицию *хотеть* весьма популярен и существует даже в двух вариантах — *хотее* и *хочее*. На 1-м месте по количеству употреблений оказалась форма *люблее* — компаратив от занимающего в словаре 28-ю позицию глагола *любить*. Всего были найдены формы для 21 глагола.

Результаты

Полученные результаты уникальны, поскольку подобные исследования сравнительных форм, образованных от глагола, в русском языке не проводились. Выводы, касающиеся функций нестандартных форм компаратива, в целом совпадают с выводами других авторов, писавших об отноминативных компаративах [18; 16; 14]: это функции экономии речевых усилий и экспрессивности. Отметим нормативный статус данных форм. Конечно, на данном этапе они являются окказионализмами, безусловно, нарушающими норму в узком понимании этого термина. Но они — воспользуемся формулировкой Я.Э. Ахапкиной об *убираться* и *играться* — «реализуют естественные потенции языковой системы» [24. С. 411]. При этом такие формы соответствуют стремлению носителей языка к увеличению выразительности интенсифицирующих единиц, «усилению усиления» и введению для этого новых средств, так как старые кажутся слишком привычными, недостаточно яркими [7. С. 91]. Поэтому можно предположить, что формы *люблее* и *хотее* в течение ближайших десятилетий войдут в разговорный регистр устной и письменной речи культурных носителей языка (ср. аналогичную

гипотезу о вхождении в язык лексемы *ихний* в относительном, непосессивном значении [25. С. 200]).

Обсуждение

1. Состав форм. Удалось найти следующие отглагольные компаративы (в скобках указано количество разных найденных употреблений данной формы): любить — люблее (31), любее (1); хотеть — хотее (19), хощее (13); ждать — ждее (4); умереть — умрее (4); сидеть — сидее (3); хватать — хватее (2); молчать — молчее (2); расти — растее (2); бежать — бежее (1); играть — игрее (1); кричать — кричее (1); купить — куплее (1); лежать — лежее (1); назвать — назвее (1); получиться — получее (1); понимать — понимее (1); скучать — скучее (1); служить — служее (1); спать — сплее (1); хватить — хватее (1); целовать — целовее (1).

Таким образом, формы сравнительной степени найдены для 21 глагола, при этом почти все глаголы входят в список 200 самых частотных, а за его рамками остаются *целовать* (позиция 637) и *хватить* (227). Часто встречаются формы глаголов *любить* и *хотеть*; *ждать*, *умереть*, *хватать*, *сидеть*, *молчать*, *расти* встречаются от двух до четырех раз, остальные 14 форм — всего по одному разу.

Отметим, что при составлении базы были исключены формы, которые с большей вероятностью могут быть отнесены к обычным опечаткам. Например, форму *скучее* (как образованную от глагола *скучать*) мы зафиксировали всего один раз в единственном достаточно очевидном примере (1). Остальные случаи могут быть как ошибками от *скучнее*, так и окказиональными формами. Поскольку первое более вероятно, мы не учитывали их при анализе. Также на данном этапе мы исключали формы типа *улыбнее*, образованные от глагольной основы, но как бы через ступень прилагательного (*улыбаться* — *улыбный* — *улыбнее*). *Улыбнее* встречается несколько раз в значении «в большей степени, чем что-то другое, вызывающий улыбку»:

(4) начало серых будней, сделать понедельник чуточку *улыбнее* =)

2. Синтаксический статус форм. Безусловно, наиболее характерна для перечисленных форм позиция *обстоятельства* (68 примеров): специфического адвербиала при образующем глаголе, чаще, но не всегда непосредственно примыкающего к нему:

в препозиции (22 случая: *люблее/любее любить* — 12; *хотее/хощее хотеть* — 6; *думее думаю*, *назовее назову*, *хватее хватит*, *умрее умер* — 4 по одному),

или постпозиции (23 случая: *любить люблее/любее* — 7; *хотеть хощее/хощее* — 8; *бегите бежее*, *жду ждее*, *играть игрее*, *кричит кричее*, *лежит лежее*, *скучаю скучее*, *умрут умрее*, *целовать целовее* — 8 по одному).

В других употреблениях компаративы при образующем глаголе оторваны от него за счет дополнения:

в препозиции, типа *люблее всех люблю* (6 случаев: *люблее/любее* N *любить* — 1, *хотее/хощее* N *хотеть* — 5),

или постпозиции, типа *люблю тебя люблее* (13 случаев: *любить* N *люблее/любее* — 8, *жду* N *ждее* — 3, *растее всех растем*, *сидее тебя сижу*).

Сочетание с местоимением *все* для исследуемых форм очень характерно: *люблее всех люблю, ждее всех жду*.

Есть один пример с частицей (*получится даже получее*).

Отмечены два примера, которые можно трактовать как своеобразный эллипсис с опущенным однокоренным глаголом при компаративе:

(5) Достаточно быть в семье младшим братом-дурачком, который всю жизнь ка-нючит — Я сколько ни расту-расту, а старший брат еще *растее*!

(6) Служака я! Служа служу, *служее* всех служак на свете.

Найден всего один пример при неоднокоренном глаголе:

(7) Спицами рулишь обеими руками, а крючком — одной. Я *люблее* отношусь к крючку (потому что ажуря люблю).

Все другие типы употребления более редки. Есть примеры *сказуемого* или *части сказуемого*, подчиненной другому предикату, *в двусоставном* предложении — примеры (23), (25), (28), а также:

(8) Почему же внуку можно поставить свой автомобиль под окна, а соседу нельзя? Опять моё «хочу» твоего «хочее»?

(9) дам тебе совет на будущее, может в жизни пригодится где — когда тяжело и физически, и морально, чем *молчее* ты будешь, тем легче тебе станет...

(10) Все молчат, а вы в своем Нарьян Маре по умолчанию *молчее* всех молчих должны быть.

(11) Так и любовь в нас не стала *люблее*, а злость злее, нас ...

Наконец, есть примеры, в которых компаратив играет роль *безличного предикатива*:

(12) Выпить хочет мне помочь, только мне *хотее*, что бы он исчезнул прочь в ночь, и поскорее!

(12) А спать всё *хотее* и *хотее*!

(13) не, это желание укоренится глубже, с каждым днём всё *хотее* и *хоте*.

(14) Чем веснее — тем *хотее*.

(15) Подмечено очень точно... где теплее, там и *люблее*!

(16) Нам сказано, что *пользовее* заваривать ЛИСТЬЯ КРАПИВЫ.

Один специфический пример из детской речи можно трактовать как *несогласованное определение* — функция, характерная для наречий на *по-*, ср.: *сделай по-тише* или *сделай более тихим*:

(17) Папа, сделай телевизор *по-молчее*, мне сказку не слышно.

Итого: обстоятельства — 68, сказуемые — 7, безличный предикат — 6, несогласованное определение — 1; остальные примеры трудно трактовать из-за недостаточного контекста.

3. Значение форм. Самое распространенное значение исследуемого компаратива — «интенсивность чувства, обозначенного глаголом». Именно это значение

выражается при местоимении *все*: *Я хотее всех хочу!* Именно благодаря этому значению компаратив продуктивен для глаголов *любить*, *хотеть* и *ждать*. Ср. пример (1). Такие формы фактически синонимичны наречию в форме компаратива: «больше», «большей степени»: *любить люблее* = *любить больше* = *очень любить*. Новообразование оказывается наиболее выразительным из существующих средств. К этому значению примыкает описание действия как приближенного к эталонному:

(18) Ди, я отлично тебя понимаю... просто *понимее* всех)))

(19) При условии установки стороннего ланчера еще больше хватит. При перепрощивке и разгоне еще *хватее* хватит.

Помимо интенсивности, в некоторых контекстах появляются более интересные значения: возможно выделение какого-либо ключевого признака действия как параметра для сравнения. Так, в следующих примерах при глаголе *кричать* это, по-видимому, «громкость», при *бежать* — «скорость», а при *сидеть*, использованном в переносном значении «заниматься чем-то трудоемким (сидя)», — «объем работы»:

(20) А папа кричит *кричее*, чем мама!

(21) Влезть без очереди и бежать, чтобы не побили. ... бегите *бежее*.

(22) — Я всё равно до последнего сижу в ответах))) не вырубаюсь)) А вам слабо? — А я *сидее* тебя сижу, потому что у мене куча страниц.

Интересны примеры, в которых с глаголом связана оценка того, что происходит в результате с действующим лицом, и именно это становится параметром сравнения: когда *не хватает* существенного — человек страдает, когда надо терпеть лишения (примерно так можно трактовать здесь фразеологизм *сидеть у разбитого корыта*) — тоже страдает, когда вещью удобно *пользоваться* — пользующийся получает удовольствие.

(23) Денег всегда не хватает, кому-то на хлеб, кому-то на виллу на Канарах)). Но согласитесь, когда на хлеб не хватает, это значительно хуже и не *хватее*.

(24) У разбитого корыта все сидим, хотя кто-то *сидее*, ясное дело.

(25) Только это... Вот такой органайзер *пользовее* будет. Можно закрыть и потом ронять. И ничего не просыпется, и не перемешается.

И, наконец, есть пример, в котором параметром сравнения оказывается вероятность реализации будущего действия. Впрочем, он более экзотичен по смыслу, чем другие:

(26) Куплю монитор плоский чем диаганальной тем *куплее*.

В некоторых контекстах семантика исследуемых форм мало связана с глагольной семантикой.

(27) Так и любовь в нас не стала *люблее*, а злость злее, нас ... Ведь они так же как мы, любят, так же нуждаются в чём-то, но есть принципиальное...

Хотя форма *люблее* явно образована от глагольной основы настоящего времени, ее значение соотносится скорее со значением компаратива, образованного от существительного: «любовь в большей степени».

(28) Так много звёзд на небе светит, Но нам ни надо тех звезд, Нам наша краше и *люблее*, Всех тех далеких звездулей!

Новизна проведенного нами исследования заключается в том, что ни в отечественной, ни в зарубежной науке подобный материал никогда не обсуждался. Конечно же, описываемые формы, количество которых в живом языке продолжает расти, заслуживают более глубокого изучения. Как и другие нестандартные компаративы и суперлативы, они ожидают системного детального описания морфологических, семантических и синтаксических особенностей, а также анализа их статуса в языковой системе. Авторы надеются, что дальнейшее исследование будет проведено и по прошествии некоторого времени станет возможным описать динамику процесса образования отглагольных компаративов в русском языке.

Заключение

Итак, в современной «полуустной разговорной письменной» речи Интернета появляется все больше нестандартных компаративов, образованных от относительных прилагательных, существительных, местоимений. Конечно, подобные окказионализмы существовали и раньше, в том числе в текстах «профессиональных» носителей литературного языка, ср. пример пятидесятилетней давности из «Крутого маршрута» Е. Гинзбург (1967):

(29) Мне теперь поручались доклады в Институте усовершенствования учителей, а на моих уроках побывали САМ завгороно Трубоченко и — еще *самее!* — завоблоно Железков [37. С. 770].

Но именно в речи нашего века таких форм становится все больше. В данном исследовании впервые описаны отглагольные компаративы, образованные от 21 глагола. В большинстве своем они оказываются адвербиальными, т.е. выполняют роль обстоятельств и используются для выражения интенсификации и приближения к идеальному действия, названного образующим глаголом. Характерные примеры:

(30) ну все, кофе и так очень люблю, а теперь еще *люблее* любить буду!!!

(31) Почему хотят одного, а получают совершенно другое? плохо хотят, ещё *хотее* надо хотеть!

Формы от глаголов *любить* и *хотеть* встречаются многократно в текстах разных носителей языка, и можно предположить, что в течение одного-двух десятилетий *люблее* и *хотее* войдут в разговорный регистр устной и письменной речи культурных носителей языка, склонных к речевым инновациям и языковой игре. Привлекательность этих форм в том, что они весьма успешно отвечают потребности носителей языка в постоянном изобретении все новых и новых, пусть не-

нормативных, средств выразительности для передачи экспрессивных, гиперболических значений.

Легкость, с которой современный разговорный язык образует формы с суффиксом *-ee/-ей/-е* от любых частей речи (относительных прилагательных, существительных, местоимений, глаголов), вызывает желание отказаться от идеи считать их формами от прилагательного или наречия. Нам представляется, что приведенный материал служит веским доводом в пользу трактовки А.А. Зализняка, описывающего русский синтетический компаратив как особый грамматический разряд, отдельный от прилагательного и наречия и объединяющий самостоятельные лексемы [38. С. 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Борзенко Е.О.* Семантические и прагматические различия между однокоренными отсубстантивными и отадективными компаративами в современной русской речи // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология.* 2015. № 3 (43). С. 32—47. DOI: 10.15382/sturiii201543.32-47
- [2] *Борзенко Е.О.* Они и еще онее: семантика сравнительных форм, образованных от местоимений, в русском языке XXI века // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология.* № 3 (48). 2016. С. 45—60. DOI: 10.15382/sturiii201648.45-60
- [3] *Князев Ю.П.* Степени сравнения. СПб., 2009. 74 с.
- [4] *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 400 с.
- [5] *Пауль Г.* Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 501 с.
- [6] *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 780 с.
- [7] *Рахилина Е.В.* Грамматика ошибок: в поисках констант // *Язык. Константы. Переменные.* СПб., 2014. С. 87—95.
- [8] *Рахилина Е.В.* Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова.* 2015. № 6. С. 310—333.
- [9] *Евтюхин В.Б.* Наречие. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1999. 48 с.
- [10] *Шелякин М.А.* Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
- [11] *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.
- [12] *Беловольская Л.А.* Категория недискретного количества и ее грамматический статус. Таганрог: Изд-во ТРПУ, 1999. 177 с.
- [13] *Федотова Н.С.* Комплексный анализ русского компаратива: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 129 с.
- [14] *Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики: морфологические ресурсы языка: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 323 с.
- [15] *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 552 с.
- [16] *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.
- [17] *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвист. анализ и проблемы обучения. М.: Флинта: Наука, 2004. 240 с.
- [18] *Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Ленинград: ЛГУ, 1989. 264 с.
- [19] *Волкотруб Г.К.* Речевые средства и приемы экспрессии в публицистике (по материалам фельетонов М. Кольцова): дисс. ... канд. филол. наук. Липецк, 1999. 153 с.
- [20] *Калинова Я.Н.* Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса: дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999. 189 с.
- [21] *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
- [22] *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.

- [23] Фрей А. Грамматика ошибок. М: Комкнига. 2006. 304 с.
- [24] Ахапкина Я.Э. Рефлексивные глаголы «убираться» и «играться»: кодификация и узус // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 392–412.
- [25] Добрушина Е.Р. Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией или Двести лет вместе с ихней // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181–204.
- [26] Добрушина Е.Р. Крестить или покрестить: в поисках причин победы узуса над нормой // Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка. М., 2014. С. 96–119. С. 78–82.
- [27] Зевахина Н.А., Оскольская С.А. Какая-никакая, а Всемирная паутина: конструкции с «редуплицированными» уступительными местоимениями в русском языке // Современный русский язык в Интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 202–221.
- [28] Ахапкина Я.Э. О грамматике устно-письменного высказывания // Современный русский язык в Интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- [29] Дубчак И.Е. Дискурс досуговых субкультур в интернет-пространстве // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (дата обращения: 09.09.2013).
- [30] Чернова Ю.В. Концепции письменности и устности в чате // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (дата обращения: 09.09.2013).
- [31] Шмаков А.А. Лингвистические особенности современного общения в интернете (на материале обращений к собеседнику) // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (дата обращения: 09.09.2013).
- [32] Какорина Е.В. Язык Интернет-коммуникации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 393–478.
- [33] Каллистратидис Е.В. Языковая игра в неформальной интернет-коммуникации: на материале русского языка начала XXI века: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 296 с.
- [34] Летучий А.Б. Особенности аргументной структуры русских глаголов в «компьютерных» контекстах // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 153–168.
- [35] Магомедова В.Д., Слюсарь Н.А. Расшатывание исторических чередований согласных на примере ненормативных форм компаратива // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 263–280.
- [36] Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.
- [37] Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. М.: АСТ, 2015. 880 с.
- [38] Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 880 с.

© Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 августа 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глаголов в современном русском узусе (люблю люблее) //

Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 1. С. 26—39.

Сведения об авторах:

Добрушина Екатерина Роландовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка филологического факультета ПСТГУ. *Сфера научных интересов:* корпусная лингвистика, грамматика русского языка, морфемная, грамматическая и лексическая семантика, проблемы языковой нормы, лексикография. Автор более 50 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: edobrush@gmail.com

Борзенко Екатерина Олеговна, аспирант кафедры современного русского языка филологического факультета ПСТГУ. *Сфера научных интересов:* корпусная лингвистика, грамматика русского языка. Автор 10 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: ekborzenko@yandex.ru

**INTENSIFIERS OF THE SEMANTICS OF THE PREDICATES:
OCCASIONAL FORMATIONS OF FORMS OF THE COMPARATIVE
DEGREE DERIVED FROM VERBS IN THE MODERN RUSSIAN USAGE
(ЛЮБЛЮ ЛЮБЛЕЕ)**

E.R. Dobrushina, E.O. Borzenko

St. Tikhon's Orthodox University
Novokuzneckaja str., 23/5a, Moscow, Russia, 115184

This article is devoted to non-standard comparative forms which appear regularly in informal Russian texts recently. The aim is to collect and describe semantics and syntax of comparatives derived from verbs. The descriptions of these forms are actual since they are typical for spontaneous written speech of modern online texts. The research material includes Internet texts of 2000—2017, primarily blogs, Internet letters, comments, and forums. In order to create the database the author used a method of generating potentially possible forms on the basis of Russian vocabulary frequency lists, and then methods of corpus study were applied. Syntactic and semantic features of the studied forms are allocated and their classification and statistic description are given. It turned out that comparative forms derived from verbs may have different syntactic functions: first and foremost, they are used as an adverbial modifier by the forming verb, more seldom as a part of a nominal predicate, predicate in impersonal sentence, or inconsistent attribute. There were selected characteristic constructions for the studied neologisms. It is shown that the semantics of these forms can be correlated with the semantics of the intensity of emotions described by the verb, proximity to ideal implementation of the action, manifestation of characteristic signs of action, the degree of estimation associated with the action and the high probability of implementation of actions. The number of such forms in Internet texts, and then, perhaps, in speech might increase, because they are expressive, memorable, and consistent with the principle of economy in speech. The occasional comparatives derived from verbs have been the subject of research for the first time, which determines the scientific novelty and actuality of the article.

Key words: non-standart degrees of comparison, comparative, verb, occasionalism, online texts, problems of norm, common usage of the language, semantics

REFERENCES

- [1] Borzenko E.O. Semanticheskie i pragmaticheskie razlichija mezhdru odnokorennymi otsubstantivnymi i otad'ektivnymi komparativami v sovremennoj russkoj rechi [Semantic and pragmatic differences between denominal and deadjectival comparatives in the contemporary Russian speech]. *Vestnik PSTGU. Serija III: Filologija. [Bulletin of St Tikhon University. Series III. Philology]*. 2015. no. 3 (43), pp. 32–47. DOI: 10.15382/sturiii201543.32-47. (In Russ).
- [2] Borzenko E.O. Oni i eshe onee: semantika sravnitel'nyh form, obrazovannyh ot mestoimenij, v russkom jazyke XXI veka [Они и еще онее: semantics of pronoun-derived comparatives in the Russian language of the 21st century]. *Vestnik PSTGU. Serija III: Filologija [Bulletin of St Tikhon University. Series III. Philology]*. 2016. no. 3 (48), pp. 45–60. DOI: 10.15382/sturiii201648.45-60. (In Russ).
- [3] Knjazev Ju.P. Stepeni sravnenija [The degrees of comparison]. Saint-Petersberg, 2009. 74 p. (In Russ).
- [4] Espersen O. Filosofija grammatiki [The philosophy of grammar]. Moscow, Izd-vo inostr. lit, 1958. 400 p. (In Russ).
- [5] Paul' G. Principy istorii jazyka [Principles of the language history]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1960. 501 p. (In Russ).
- [6] Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Semantic universals and description of the languages]. Moscow, Jaz. rus. kul'tury, 1999. 780 p. (In Russ).
- [7] Rahilina E.V. Grammatika oshibok: v poiskah konstant [Grammar of the errors: in search of constants]. *Jazyk. Konstany. Peremennye*. Saint-Petersberg, 2014, pp. 87–95. (In Russ).
- [8] Rahilina E.V. Stepeni sravnenija v svete russkoj grammatiki oshibok [Degrees of comparison in the light of Russian grammar errors]. *Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]*. 2015. no. 6, pp. 310–333. (In Russ).
- [9] Evtjuhin V.B. Narechie [Adverb]. Saint-Petersberg, Izd-vo SPb un-ta, 1999. 48 p. (In Russ).
- [10] Sheljakin M.A. Funkcional'naja grammatika russkogo jazyka [Functional grammar of Russian language]. Moscow, Russkij jazyk, 2001. 288 p. (In Russ).
- [11] Miloslavskij I.G. Morfologicheskie kategorii sovremennoego russkogo jazyka [The morphological categories of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshhenie, 1981. 254 p. (In Russ).
- [12] Belovol'skaja L.A. Kategorija nediskretnogo kolichestva i ee grammaticheskij status [Category of discrete quantity and its grammatical status]. Taganrog, Izd-vo TRPU, 1999. 177 p. (In Russ).
- [13] Fedotova N.S. Kompleksnyj analiz russkogo komparativa. Dissertacija ... kand. filol. nauk [Comprehensive analysis of the Russian comparative. Dissertation ... kand. filol. sci]. St. Petersburg, 2003. 129 p. (In Russ).
- [14] Remchukova E.N. Kreativnyj potencial russkoj grammatiki: morfologicheskie resursy jazyka. Dissertacija ... dokt. filol. nauk [Creative potential of the Russian grammar: the morphological resources of the language. Dissertation ... doct. filol. nauk]. Moscow, 2005. 323 p. (In Russ).
- [15] Sannikov V.Z. Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry [The Russian language in the mirror of the language game]. Moscow, Jaz. rus. kul'tury, 1999. 552 p. (In Russ).
- [16] Norman B.Ju. Igra na granjah jazyka [Game on the facets of the language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2006. 344 p. (In Russ).
- [17] Zemskaja E.A. Russkaja razgovornaja rech': lingvist. analiz i problemy obuchenija [Russian informal speech: a linguist. analysis and learning problems]. Moscow, Flinta: Nauka, 2004. 240 p. (In Russ).
- [18] Zubova L.V. Pojezija Mariny Cvetaevoj. Lingvisticheskij aspekt [The poetry of Marina Tsветаeva. The linguistic aspect]. Leningrad, LGU, 1989. 264 p. (In Russ).
- [19] Volkotrub G.K. Rechevye sredstva i priemy jekspressii v publicistike (po materialam fel'etonov M. Kol'cova). Dissertacija ... kand. filol. nauk [Speech means and methods of expression in journalism (based on satires by M. Koltsov). Dissertation ... kand. filol. nauk]. Lipetsk, 1999. 153 p. (In Russ).

- [20] Kalinova Ja.N. Russko-pribaltijsko-finskie jazykovye kontakty i ih otrazhenie v oblasti dialektnogo sintaksisa. Dissertacija ... kand. filol. nauk [The Russian-Baltic-Finnish language contacts and their reflection in the field of dialect syntax. Dissertation ... kand. filol. nauk]. Saint-Petersberg, 1999. 189 p. (In Russ).
- [21] Cejtin S.N. Oчерки po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi [Essays on the formation and word-formation in children's speech]. Moscow, Znak, 2009. 592 p. (In Russ).
- [22] Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Labirint, 2001. 304 p. (In Russ).
- [23] Frej A. Grammatika oshibok [Grammar of the errors]. M: Komkniga. 2006. 304 p. (In Russ).
- [24] Ahar'kina Ja.Je. Refleksivnye glagoly «ubirat'sja» i «igrat'sja»: kodifikacija i uzus [Reflexive verbs “убираться» and «играться»: the codification and language usage]. Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2015. № 6, pp. 392—412. (In Russ).
- [25] Dobrushina E.R. Mezhdju normoj-intuiciej i normoj-kodifikaciej ili Dvesti let vmeste s ihnij [Between the norm-intuition and norm-codification or Two hundred years along with ихний]. Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii [Russian language in a scientific light], 2013. no 2 (26), pp. 181—204. (In Russ).
- [26] Dobrushina E.R. Krestit' ili pokrestit': v poiskah prichin pobedy uzusa nad normoj [Крестить или покрестить: in search of the reasons for the victory of usage over the norm]. Korpusnye issledovanija po morfejnoj, grammaticheskoj, leksicheskoj semantike russkogo jazyka. Moscow, 2014, pp. 78—82. (In Russ).
- [27] Zevahina N.A., Oskol'skaja S.A. Kakaja-nikakaja, a Vsemirnaja pautina: konstrukcii s «reduplicirovannymi» ustupitel'nymi mestoimenenijami v russkom jazyke [Какая-никакая, but the world wide web: constructions with concessive pronouns with reduplication in Russian]. Sovremennij russkij jazyk v Internetе. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 2014, pp. 202—221. (In Russ).
- [28] Ahar'kina Ja.Je. O grammatike ustno-pis'mennogo vyskazyvanija [Grammar of the spoken-written language]. Sovremennij russkij jazyk v internete. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, pp. 181—195. (In Russ).
- [29] Dubchak I.E. Diskurs dosugovyh subkul'tur v internet-prostranstve. Seminar «Russkij jazyk v internete» v ramkah VI Mezhdunarodnogo kongressa «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (data obrashhenija: 09.09.2013). (In Russ).
- [30] Chernova Ju. V. Konceptii pis'mennosti i ustnosti v chate. Seminar «Russkij jazyk v internete» v ramkah VI Mezhdunarodnogo kongressa «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (data obrashhenija: 09.09.2013). (In Russ).
- [31] Shmakov A.A. Lingvisticheskie osobennosti sovremennogo obshhenija v internete (na materiale obrashhenij k sobesedniku). Seminar «Russkij jazyk v internete» v ramkah VI Mezhdunarodnogo kongressa «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (data obrashhenija: 09.09.2013). (In Russ).
- [32] Kakorina E.V. Jazyk Internet-kommunikacii [Language of the Internet communication]. Jazyk massovoj i mezhluchnostnoj kommunikacii. Moscow, Izd-vo MGU, 2007, pp. 393—478. (In Russ).
- [33] Kallistratidis E.V. Jazykovaja igra v neformal'noj internet-kommunikacii: na materiale russkogo jazyka nachala XXI veka. Dissertacija ... kand. filol. nauk [Language game in informal Internet communication: in the Russian language of the beginning of the XXI century. Dissertation ... kand. filol. nauk]. Rostov-on-Don, 2013. 296 p. (In Russ).
- [34] Letuchij A.B. Osobennosti argumentnoj struktury russkih glagolov v «komp'juternyh» kontekstah [The features of the argument structure of Russian verbs in the “computer” contexts]. Sovremennij russkij jazyk v internete. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, pp. 153—168. (In Russ).

- [35] Magomedova V.D., Sljusar' N.A. Rasshatyvanie istoricheskikh cheredovaniy soglasnyh na primere nenormativnyh form komparativa [Slacking of the historical alternations of consonants in the example of the non-normative forms of comparative]. *Sovremennyj russkij jazyk v internete*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, pp. 263–280. (In Russ).
- [36] Ljashevskaja O.N., Sharov S.A. Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka) [Frequency dictionary of the modern Russian language (on materials of the National corpus of the Russian language)]. Moscow, Azbukovnik, 2009. 1112 p.
- [37] Ginzburg E.S. Krutoj marshrut [Steep route]. Moscow, AST, 2015. 880 p. (In Russ).
- [38] Zaliznjak A.A. Grammaticeskij slovar' russkogo jazyka [Grammatical dictionary of Russian language]. Moscow, Russkij jazyk, 1977. 880 p. (In Russ).

Article history:

Received: 26 august 2016

Accepted: 26 november 2016

For citation:

Dobrushina E.R., Borzenko E.O. (2017) Intensifiers of the semantics the predicates: occasional formations of forms of the comparative degree derived from verbs in the modern Russian usage (люблю люблее). *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (1), 26–39.

Bio Note:

Dobrushina Ekaterina Rolandovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the modern Russian language of the philological faculty of St. Tikhon's Orthodox University. *Research interests*: corpus linguistics, grammar of the Russian language, morphemic, grammatical, and lexical semantics, the problem of linguistic norm, lexicography. Author of over 50 scientific publications. *Contact information*: e-mail: edobrush@gmail.com

Borzenko Ekaterina Olegovna, postgraduate student at the Department of the modern Russian language of the philological faculty of St. Tikhon's Orthodox University. *Research interests*: corpus linguistics, grammar of the Russian language. The author of 10 scientific publications. *Contact information*: e-mail: ekborzenko@yandex.ru

УДК81'373.611-367.623

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-40-50

СПЕЦИФИКА СЛОВОТВОРЧЕСТВА ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ

Ю.Н. Киреева, Л.И. Плотникова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

В статье рассматриваются адъективные новообразования в творчестве В. Токаревой, с помощью которых автор вербализует мироощущение и эстетические взгляды. В работе представлена типология новообразований-прилагательных В. Токаревой с учетом словообразовательных способов и деривационных формантов. Отмечено, что среди индивидуально-авторских новообразований-прилагательных В. Токаревой преобладают слова, созданные по продуктивным словообразовательным моделям. Новообразования подобного рода обладают прозрачным значением, выводимым из структуры. Авторами отмечено, что при словопроизводстве новообразований-прилагательных особую словообразовательную активность проявляют приставки *до-*, *под-*, *над-*, а также суффиксы *-оват-*, *-ск-*, *-н-*. К активным препозитивным формантам следует отнести *сверх-*, *полу-*, *супер-*. Яркой особенностью прозы В. Токаревой является использование неузальных грамматических форм. В статье также выявлены и проанализированы структурно-семантические и функциональные особенности новообразований. Обращается внимание на то, какие предметы и объекты действительности наделяются нестандартными определениями.

Ключевые слова: словотворчество, лексические новообразования, имена прилагательные, продуктивный способ словообразования, мотивация, коннотация

Введение

Женская проза Виктории Токаревой более пятидесяти лет востребована широким кругом читателей. Внимание к проблемам отдельного человека, разнообразие ситуаций, сложность взаимоотношений мужчины и женщины, рассмотренные сквозь призму легкого юмора, — все это входит в формулу читательского успеха В. Токаревой. Бытоописательные произведения с элементами психологизма и драматизма основаны на достоверном отражении современной русской жизни [1. С. 573—574].

В. Токарева вошла в литературу на волне «семейно-бытового бума» [2. С. 502]. Со второй половины 1960-х гг. ее рассказы регулярно печатались на страницах молодежных журналов «Смена», «Юность», «Аврора», а также в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Огонёк».

Сюжет произведений основан на необычных и непредсказуемых обстоятельствах. «Своеобразие и прелесть токаревской фантазии в том и состоят, что на страницах ее книг невозможное возможно, а нелепое вполне “лепо”. Порой трудно установить, где именно реальное событие перетекает в столь же реальную чер-

товщину.. Правда характеров, эта обычность в необычном поражают, пожалуй, больше всего» [3. С. 245–246].

Творчество В. Токаревой неоднократно становилось объектом отдельных работ, посвященных разным аспектам лингвистического анализа. В работах проведен анализ межтекстовых связей [4], выделены особенности включения библейских цитат [5], исследованы автологические и металогические приемы [6], проанализированы способы психологической характеристики персонажей [7], способы выражения аргументации [8], представлена типология концептов афористики В. Токаревой [9]. Серия работ по лингвистике посвящена исследованию прозы В. Токаревой в гендерном аспекте [10–12]. Синтаксические особенности художественных текстов В. Токаревой описаны в диссертационных исследованиях [13–15].

Указанные работы свидетельствуют об актуальности исследования языковых особенностей прозы В. Токаревой, однако специфика словотворчества данного автора исследователями не раскрывалась, в частности, не получили научного освещения многочисленные новообразования-прилагательные.

Цель

Цель статьи — представить специфику словотворчества В. Токаревой, определить и научно описать структурно-семантические особенности и роль новообразований-прилагательных, зафиксированных в текстовом пространстве В. Токаревой.

Методы и материалы исследования

Материал исследования извлечен методом сплошной выборки из художественных текстов В. Токаревой, созданных с 1964 г. по настоящее время. Языковой материал проверен по различным словарям и справочникам русского языка.

Методологической базой исследования послужили принцип системности языка и концепция о соотношении языка и речи. Для реализации поставленных задач в работе использован метод системного научного описания, включающий приемы полиаспектной систематизации, сопоставления и теоретической интерпретации результатов анализа языкового материала; приемы деривационного, структурно-семантического, семантико-стилистического и функционального анализов зафиксированных новообразований.

Результаты

Научная новизна данной статьи заключается в том, что в ней впервые проведено исследование адъективных новообразований в текстовом пространстве В. Токаревой, представлена типология новообразований-прилагательных В. Токаревой с учетом словообразовательных способов и деривационных формантов. В работе также выявлены и проанализированы функциональные особенности авторских адъективов. Материал данной статьи может быть полезен при составлении словаря языка современных писателей.

Обсуждение

Новообразования-прилагательные играют значительную роль в текстах В. Токаревой. Адъективные новообразования служат для обозначения особых, нехарактерных признаков лица, предмета или явления. Квантитативный прием выявляет, что среди неузуальных прилагательных преобладают префиксальные и суффиксальные образования. Префиксальные образования мотивированы именами прилагательными, суффиксальные, как правило, — именами существительными.

Новообразования-прилагательные, мотивированные именами прилагательными. Данная группа новообразований представлена потенциальными словами, образованными приставочным и суффиксальным способами. Среди префиксальных образований высокую степень активности проявляет префикс *до-*, например:

Это было возвращение к прежней, *добеременной* жизни, и эта жизнь так поманила, что Наташа опоздала на дачу [16. С. 108].

Слова с данным формантом отличаются довольно прозрачными структурой и значением.

Новообразования-прилагательные позволяют автору наиболее ярко выразить особенности характера героя. Созданное слово привлекает внимание читателя, ср.:

НАДО — для таких, как Боря Мамин, — выше общепонимаемой человеческой морали. Если надо, он может мгновенно выключить прежние чувства и включить другие, как телевизионные программы... Какая-то неведомая Бочарову *надчеловеческая* или *подчеловеческая* мораль [17. С. 260].

Выразительность данного примера основана на антонимии префиксов *над-* и *под-*.

Собранный языковой материал свидетельствует о высокой активности отдельных словообразовательных элементов, которые участвуют в словопроизводстве новообразований-прилагательных. К ним относятся препозитивные форманты *сверх-*, *полу-*, *супер-*. Формант *полу-* обозначает сочетание двух признаков в одном лице или предмете, например:

И мама Феликса, хоть и актриса, — тоже не из сложных, *полудеревенская* девушка [18. С. 11].

Отметим, что указанный формант, как правило, вносит отрицательный оттенок в лексическое значение авторского слова. Форманты *сверх-* и *супер-* вносят в производное слово увеличительное значение. Экспрессивность инноваций с данными элементами обусловлена структурой. Общее значение слов подобного рода — «что-либо важное, непреходящее», «что-либо очень хорошего качества», «чрезмерно заметное», «превосходящее подобное», ср.:

Это был уже *сверхпрезидентский* уровень, если только такой существует [19. С. 48]; Голос у певца был могучий, *супермужской* — должно быть, певец ассоциировал себя с самим Степаном Разиным [20. С. 47].

Новообразования-прилагательные позволяют охарактеризовать человека по самым разнообразным признакам. Так, для детальной портретной характеристики автор создает новое слово:

И такие же, как у рыбки, большие, чуть-чуть *подвыпученные* глаза [21. С. 202].

Префикс *под-* указывает на степень проявления признака, выраженного мотивирующим словом. В другом примере суффиксальное отадективное новообразование с суффиксом *-оват-* выражает слабую степень проявления признака:

Старушка была сдержанна, *противновата* [17. С. 87].

Приведенное новообразование помогает автору выразить отношение к персонажу.

В повести «Первая попытка» писатель создает слово *усерьезненный* для описания особенностей поведения и внешнего вида советских людей, узнавших о смерти И.В. Сталина:

Люди смотрели с мрачным недоумением и не понимали, как можно в такой день есть и смеяться. А девочки, в свою очередь, не понимали, как можно в столь сверкающий манящий весенний день быть такими *усерьезненными* [22. С. 8].

Инновация *усерьезненный* мотивирована прилагательным *серьезный*, так как в русском языке глагол *усерьезнить* возможен только потенциально, ср.: *сложный* — *усложнить*, *серьезный* — *усерьезнить*.

Инновации-прилагательные, мотивированные именами существительными. Среди индивидуально-авторских новообразований, мотивированных именами существительными, отмечены суффиксальные дериваты, характеризующие героя по внешним особенностям:

Солдат любил девочку со своей улицы, обнимал ее *восьмеркины* округлости, родил с ней ребенка, не хотел ничего другого [16. С. 302].

В контексте раскрывается значение данного образования:

Фигура походила на цифру восемь: один кружок на другом. Нижний побольше [16. С. 266–267].

Образную функцию авторских слов могут усиливать изобразительно-выразительные средства и приемы. Так, интерес представляет пример, в котором авторское слово наряду с необычным сравнением передает особенности речи героя:

Разговаривал утробным *роботным* голосом, как чрево вещатель [17. С. 230].

Примечательно, что производящее слово *робот* является индивидуально-авторским новообразованием (придумано чешским писателем Карелом Чапеком), однако затем оно прошло процесс узуализации, т.е. языкового закрепления.

При создании отыменных прилагательных, образованных в том числе от сложных основ, продуктивным является суффикс *-н-*, например:

Зубы у нее белые, крупные, *кинозвездные* [23. С. 72].

Среди суффиксальных отыменных новообразований особое место занимают отантропонимические прилагательные. От фамилий персонажей или известных

личностей при помощи суффикса *-ск-/- (ев)ск-* создается значительное количество новообразований, например:

Хотя *нечаевское* противостояние — тоже не метод [17. С. 120]; Один архитектор строил, — мягко нажал Мельников и простодушно посмотрел в прозрачные «*боттичеллеские*» глаза Вероники [17. С. 81]; В тот, *киреевский*, период — от восемнадцати до двадцати — разговаривала как помешанная [17. С. 221].

Прилагательное *нечаевский* характеризует силу и упорство героя, «*боттичеллеские*» глаза выражают внешнюю красоту и простоту Вероники, авторское слово *киреевский* передает особый период в жизни пианистки Артамоновой — время первой безответной любви, девичьих страданий, мечтаний о конкретном молодом человеке. При замене новообразования узуальным прилагательным не в полной мере раскрываются необходимые автору смысловые нюансы.

Выразителем уникальности героя становится отантропонимическое прилагательное *егоровский*, которое неоднократно повторяется в тексте:

Вероника снова услышала *егоровское* «да» [17. С. 105]; *Егоровская* рука легла на ее плечо [17. С. 114]; Он бы взял ее в свой *егоровский* клан, она бы чувствовала себя в нем уверенно и спокойно, как в родительском доме [17. С. 130].

Для главной героини весь мир наполнен Егоровым, поэтому в тексте довольно часто встречаются прилагательные, образованные от этой фамилии.

Отметим высокую словообразовательную активность суффикса *-ск-* в других словообразовательных моделях:

Но Ирина Дмитриевна послала ответное письмо на адрес горono, где возмущалась *мерзавским* (она так и написала — «*мерзавским*») поведением педагога Павла Петровича Руденко, который влезает в сердце ее семьи и может разрушить ячейку общества, созданную с таким трудом [16. С. 142].

Вставной конструкцией автор обращает внимание читателя на необычность этого оценочного новообразования. Инновация *мерзавский* становится производящей базой для адвербиального новообразования:

Паше стало «*мерзавско*» на душе [16. С. 144].

Сложные и сложносуффиксальные прилагательные. Языковой материал свидетельствует о высокой продуктивности сложения при образовании индивидуальных авторских прилагательных, например:

Никакой обреченности в нем нет, — заключил Колька. — Для *стovосьмидесятирублевого* инженера он неплохо приспособился [21. С. 134]; Финал — *самоигральный*. Провалиться невозможно. Так что уже можно сказать: ты выиграл этот фильм [18. С. 172—173].

Автор довольно часто создает на базе словосочетания сложносуффиксальные инновации с суффиксом *-н-*, например:

Небольшой экскурс в прошлое: мы познакомились с ней пять лет назад в *скоропомощной* больнице, где лежали по поводу острого аппендицита [23. С. 105].

Как свидетельствует языковой материал, в прозе В. Токаревой достаточно широко представлены как узуальные, так и авторские колоративные прилагательные. Среди узуальных прилагательных можно выделить такие продуктивные основы, как *светло-*, *темно-*, *черно-*, *ярко-*:

Моя роза — *темно-бордовая*, бархатная, юная, только что выплеснувшая из бутона свою красоту, на длинном крепком стебле [17. С. 193]; Мир с некоторых пор стал казаться ему *черно-белым*, а не цветным [17. С. 109].

Для сложных индивидуально-авторских прилагательных характерны свободные объединения собственно колористических и эмоциональных характеристик, за счет чего создается необычный чувственно-наглядный образ номинируемого предмета, например:

За забором росла высокая трава с *радостно-желтыми* лакированными цветочками куриной слепоты [17. С. 272].

Особой смысловой насыщенностью отличаются сложные прилагательные-новообразования, которые создаются автором для характеристики эмоционального состояния героя, например:

Егоров улыбнулся. Улыбка у него была детская, *изумленно-радостная* [17. С. 130]; Севка выпрямил спину, «посадил ее на позвоночник», выстроил *каменно-презрительное* выражение лица и пошел обратно, угадывая дорогу [23. С. 250].

Необычность отдельных новообразований заключается в объединении основ с разной стилистической окраской, что приводит к юмористическому эффекту:

Иногда телевизионный оператор переводил свою камеру на зрителей, и тогда были видны болельщики: веселые старики в значках, тщательно причесанные старухи, *изысканно-патлатые* красавицы... [22. С. 209].

Широкие сочетаемостные возможности позволяют автору создавать неограниченное количество оригинальных сложных прилагательных, например:

Пианино было новое, клавиши *безупречно-пластмассовые*, как искусственные зубы [17. С. 207].

Данное новообразование интересно тем, что его компоненты разнородны в семантическом плане: первый компонент характеризует степень проявления определенного признака, второй компонент называет материал.

Семантические новообразования. К группе семантических новообразований-прилагательных относятся слова, зафиксированные в узусе, но имеющие в текстах В. Токаревой иное значение. А.А. Брагина пишет о том, что довольно часто происходят «новые осмысления старых слов, обогащение их новыми значениями» [24. С. 21]. Примером семантического новообразования-прилагательного может служить слово *подсолнечный*, имеющее в контексте необычное значение, ср.:

Все повторяется по спирали. Ничто не меняется в подлунном, *подсолнечном* мире [25. С. 44].

Неузуальные грамматические формы. Яркой особенностью художественной прозы В. Токаревой является использование неузуальных грамматических форм.

Среди отмеченных примеров наибольший интерес представляют отсубстантивные компаративы, например:

Самый центр, *центрее* не бывает [26. С. 113].

Как отмечает А.А. Потебня, формы подобного рода широко представлены в памятниках древнерусской литературы [27. С. 43]. Е.О. Борзенко указывает на то, что отсубстантивные компаративы функционируют в разговорной речи XXI в., представляют собой экспрессивную замену отсутствующего прилагательного, «описывают более высокий уровень всего обозначаемого существительным комплекса свойств» [28. С. 226].

От относительных имен прилагательных автор образует формы сравнительной степени, например:

Он не только не отличался от иностранцев, но был еще *иностраннее*: сухой, элегантный, в белом костюме из рогожки, с малиновым платочком в кармашке и таким же малиновым галстуком, пахнувший дорогим табаком и дорогим парфюмом [29. С. 165].

Неузуальная форма *иностраннее* призвана усилить впечатление от образа. В другом примере нестандартная форма завершает ряд прилагательных в сравнительной степени, передающих внешние и внутренние изменения героя:

С ней он казался себе сильнее, умнее, *суперменистее* [16. С. 207].

Отдельные новообразования представляют собой форму-ошибку, необходимую автору для выражения оценочного значения, например:

Это был ЕЕ костюм — *идучий* и очень удобный [20. С. 32].

Неузуальные грамматические формы в значительной степени повышают экспрессивность текста. Эта особенность обуславливает в необходимых случаях непринужденность и эмоциональную насыщенность художественной прозы В. Токаревой, сближая ее с разговорным стилем.

Заключение

Количество зафиксированных новообразований-прилагательных, их структурно-семантическая необычность и функциональная значимость позволяют считать их яркой приметой идиостиля В. Токаревой.

Индивидуально-авторские новообразования-прилагательные в художественных текстах В. Токаревой созданы по продуктивным словообразовательным моделям. Ясность значения слов подобного рода способствует более живому восприятию текста. Наиболее активными способами образования индивидуально-авторских слов являются префиксация, суффиксация и сложение.

Новообразования-прилагательные могут быть мотивированы разными частями речи. Особый интерес представляют отсубстантивные компаративы и неузуальные формы сравнительной степени.

Таким образом, индивидуально-авторские новообразования-прилагательные являются важным средством, позволяющим вербализовать мироощущение и миропонимание писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Фатеева Н.А.* Языковые особенности современной женской прозы. Подступы к теме // Русский язык сегодня: сб. статей. Вып. 1 / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2000. С. 573–585.
- [2] *Бикбулатова К.Ф.* Токарева В.С. // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиогр. словарь: в 3 т. / под ред. Н.Н. Скотова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3.
- [3] *Жуховицкий Л.А.* Неудачливость? Нет — человечность!: рецензия на сборник «Летающие качели» // Знамя. 1980. № 1. С. 245–246.
- [4] *Зубакова Н.В.* Интертекстуальность в рассказах В. Токаревой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). Ч. 2. С. 90–93.
- [5] *Афанасьева Ю.М.* Библиейские цитаты в прозе Виктории Токаревой // Русская речь. 2009. № 1. С. 38–40.
- [6] *Щурова И.В.* Автологические и металогические приемы в прозе Виктории Токаревой // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21. С. 170–175.
- [7] *Тертычная Н.Н.* Психологизм прозы В. Токаревой (о некоторых аспектах проблемы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1 (27). С. 161–165.
- [8] *Бекетова Е.А.* Подтекст и субъективная авторская модальность как способы выражения аргументации в художественном тексте: на примере повести В. Токаревой «Птица счастья» // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 4. С. 84–87.
- [9] *Калашникова Н.М.* Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Дону, 2004. 246 с.
- [10] *Холомеевко О.М.* Гендерные доминанты и их языковая репрезентация в «женской прозе»: на материале произведений В. Токаревой: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Дону, 2013. 24 с.
- [11] *Стрельцова Е.А.* Языковые особенности художественных текстов В. Токаревой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3 (56). С. 137–140.
- [12] *Русинова Л.В.* Концепт «любовь» в современной женской прозе (на материале текстов В. Токаревой, Л. Улицкой и Н. Горлановой): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 30 с.
- [13] *Зеленукин Р.О.* Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.
- [14] *Бартенева М.Ю.* Синтаксические и семантико-стилистические средства организации текста современной художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой и Т. Толстой): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2000. 25 с.
- [15] *Ковтуненко И.В.* Текстообразующая функция русских и французских сочинительных союзов в сложном синтаксическом целом: на материале прозы В. Токаревой и Ф. Саган: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Дону, 2009. 18 с.
- [16] *Токарева В.С.* Перелом. М.: АСТ, 2004. 315 с.
- [17] *Токарева В.С.* Гладкое личико. М.: АСТ, 2011. 397 с.
- [18] *Токарева В.С.* Между небом и землей. М.: АСТ, 2014. 320 с.
- [19] *Токарева В.С.* Птица счастья. М.: АСТ, 2011. 380 с.
- [20] *Токарева В.С.* Лиловый костюм. М.: АСТ, 2011. 315 с.
- [21] *Токарева В.С.* Просто свободный вечер. М.: АСТ, 2011. 299 с.
- [22] *Токарева В.С.* Первая попытка. М.: АСТ, 2011. 284 с.
- [23] *Токарева В.С.* Звезда в тумане. М.: АСТ, 2011. 348 с.
- [24] *Брагина А.А.* Неологизмы в русском языке: пособие для студентов и учителей. М.: Просвещение, 1973. 224 с.
- [25] *Токарева В.С.* Тихая музыка за стеной. М.: АСТ, 2014. 350 с.
- [26] *Токарева В.С.* Короткие гудки. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 240 с.

- [27] *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М.: Учпедгиз, 1958. 535 с.
[28] *Борзенко Е.О.* Семантическая специфика отсубстантивных компаративов («звездее», «центрее») // *Русский язык: исторические судьбы и современность* // V Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 225—226.
[29] *Токарева В.С.* Сальто-мортале. М.: АСТ, 2011. 318 с.

© Киреева Ю.Н., Плотникова Л.И., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 октября 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Киреева Ю.Н., Плотникова Л.И. Специфика словотворчества Виктории Токаревой // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 1. С. 40—50.

Сведения об авторах:

Плотникова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Педагогического института БелГУ. *Область научных интересов:* функциональное словообразование, неология, речевая деятельность, психолингвистика. Л.И. Плотникова является автором более 180 научных работ, в том числе четырех монографий. *Контактная информация:* e-mail: plotnikova@bsu.edu.ru

Киреева Юлия Николаевна, аспирант кафедры филологии Педагогического института БелГУ. *Сфера научных интересов:* семантика, способы образования и особенности функционирования лексических инноваций. Автор 13 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: Neverreplay@rambler.ru

WORD CREATION BY PROSE V. TOKAREVA

Y.N. Kireeva, L.I. Plotnikova

Institute of Pedagogy Belgorod National Research University
Victory, 85, Belgorod, Russia, 308015

The article considers adjectival neologisms of V. Tokareva, through which the author verbalizes her attitude and aesthetic views. The paper presents a typology of such neologisms considering the ways of word formation and derivation formants. It is noted that the predominantly words, created according to productive word-formation models have clear meaning shown in their structure. The authors note that prefixes sub-, super- and suffixes -ovat-, -sk-, n- are the most productive ones. Among active prepositional formants are super-, semi-. The specific feature of V. Tokareva's prose is the use of grammar forms. The article also identifies and analyzes structural, semantic, and functional features of neologisms. Special attention is drawn to the subjects and objects of reality receiving non-standard definitions.

Key words: lexical neologisms, word creativity, adjectives, productive way of word formation, motivation, connotation

REFERENCES

- [1] Fateeva N.A. Yazyikovyye osobennosti sovremennoy zhenskoy prozy. Podstupyy k teme. Russkiy yazyik segodnya: sb. statey. Vyip. 1 / Otv. red. L.P. Kryisin. Moscow: Azbukovnik, 2000. P. 573–585. (In Russ.)
- [2] Bikbulatova K.F. Tokareva V.S. Russkaya literatura XX veka: Prozaiki, poetyi, dramaturgi: biobibl. slovar: v 3 t. / Pod red. N.N. Skatova. Moscow: OLMA-PRESS Invest, 2005. T. 3. P-Ya. P. 500–502. (In Russ.)
- [3] Zhuhovitskiy L.A. Neudachlivost? Net — chelovechnost!: retsenziya na sbornik «Letayushchie kacheli». Znanya. 1980. № 1. P. 245–246. (In Russ.)
- [4] Zubakova N.V. Intertekstualnost v rasskazah V. Tokarevoy [Intertextuality in V. Tokareva's short stories]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 3 (45). Ch. 2. P. 90–93. (In Russ.)
- [5] Afanaseva Yu.M. Bibleyskie tsitaty v proze Viktorii Tokarevoy. Russkaya rech. 2009. № 1. P. 38–40. (In Russ.)
- [6] Schurova I.V. Avtologicheskie i metalogicheskie priYomy v proze Viktorii Tokarevoy. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 21. P. 170–175. (In Russ.)
- [7] Tertychnaya N.N. Psihologizm prozy V. Tokarevoy (o nekotoryih aspektah problemy) [Psychologism of V. Tokareva's prose (On some aspects of problem)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 9-1 (27). P. 161–165.
- [8] Beketova E.A. Podtekst i sub'ektivnaya avtorskaya modalnost kak sposoby vyirazheniya argumentatsii v hudozhestvennom tekste: na primere povesti V. Tokarevoy «Ptitsa schastyia». Voprosy gumanitarnykh nauk. 2007. № 4. P. 84–87. (In Russ.)
- [9] Kalashnikova N.M. Aforistichnost kak cherta idiosilya V. Tokarevoy: dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-on-Don, 2004. 246 p. (In Russ.)
- [10] Holomeenko O.M. Gendernyye dominanty i ih yazyikovaya reprezentatsiya v «zhenskoy proze»: na materiale proizvedeniy V. Tokarevoy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-on-Don, 2013. 24 p. (In Russ.)
- [11] Streltsova E.A. Yazykovyye osobennosti hudozhestvennykh tekstov V. Tokarevoy, L. Petrushevskoy, L. Ulitskoy. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 3 (56). P. 137–140. (In Russ.)
- [12] Rusinova L.V. Kontsept lyubov v sovremennoy zhenskoy proze (na materiale tekstov V. Tokarevoy, L. Ulitskoy i N. Gorlanovoy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2012. 30 p. (In Russ.)
- [13] Zelepukin R.O. Partselyatsiya v hudozhestvennoy proze V. Tokarevoy: struktura, semantika, tekstoobrazuyushchie funktsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2007. 26 p. (In Russ.)
- [14] Barteneva M.Yu. Sintaksicheskie i semantiko-stilisticheskie sredstva organizatsii teksta sovremennoy hudozhestvennoy prozy (na materiale proizvedeniy V. Tokarevoy i T. Tolstoy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Mahachkala, 2000. 25 p. (In Russ.)
- [15] Kovtunenkov I.V. Tekstoobrazuyushchaya funktsiya russkikh i frantsuzskikh sochinitelnykh soyuzov v slozhnom sintaksicheskom tselom: na materiale prozy V. Tokarevoy i F. Sagan: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-on-Don, 2009. 18 p. (In Russ.)
- [16] Tokareva V.S. Perelom [Broken]. Moscow: AST, 2004. 315 p. (In Russ.)
- [17] Tokareva V.S. Gladkoe lichiko [Plain little face]. Moscow: AST, 2011. 397 p. (In Russ.)
- [18] Tokareva V.S. Mezhdru nebom i zemlyoy [Between Heaven and Earth]. Moscow: AST, 2014. 320 p. (In Russ.)
- [19] Tokareva V.S. Ptitsa schastyia [Bird of happiness]. Moscow: AST, 2011. 380 p. (In Russ.)
- [20] Tokareva V.S. Lilovyy kostyum [The Lilac suit]. Moscow: AST, 2011. 315 p. (In Russ.)
- [21] Tokareva V.S. Prosto svobodnyy vecher [Just free evening]. Moscow: AST, 2011. 299 p. (In Russ.)
- [22] Tokareva V.S. Pervaya popytka [First try]. Moscow: AST, 2011. 284 p. (In Russ.)
- [23] Tokareva V.S. Zvezda v tumane [A Star in the fog]. Moscow: AST, 2011. 348 p. (In Russ.)
- [24] Bragina A.A. Neologizmy v russkom yazyike: posobie dlya studentov i uchiteley. Moscow: Prosveschenie, 1973. 224 p. (In Russ.)

- [25] Tokareva V.S. Tihaya muzyka za stenoy [Gentle music behind the wall]. Moscow: AST, 2014. 350 p. (In Russ.)
- [26] Tokareva V.S. Korotkie gudki [Short beeps]. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus, 2013. 240 p. (In Russ.)
- [27] Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1-2. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 535 p. (In Russ.)
- [28] Borzenko E.O. Semanticheskaya spetsifika otsubstantivnyih komparativov («zvezdee», «tsentree»). *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: V Mezhdunar. kongress issledovateley russkogo yazyka: Trudy i materialy / Sost. M.L. RemnYova, A.A. Polikarpov, O.V. Kukushkina.* Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2014. P. 225—226. (In Russ.)
- [29] Tokareva V.S. Salto-mortale [Flip-flap]. Moscow: AST, 2011. 318 p. (In Russ.)

Article history:

Received: 8 october 2016

Accepted: 20 november 2016

For citation:

Kireeva Y.N., Plotnikova L.I. (2017) Word Creation in V. Tokareva's Prose. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages of Research and Teachin*, 15 (1), 40—50.

Bio Note:

Plotnikova L., Doctor of Philology, Professor Department of Philology, Institute of Pedagogy, Belgorod National Research University. L.I. Plotnikova studies word creation, main tendencies of the modern word derivation, psycholinguistics, language and speech (an abstract group of elements and its implementation by individuals). L.I. Plotnikova is the author over 180 scientific publications, including four monograph. *E-mail:* plotnikova@bsu.edu.ru

Kireeva Y., Post-graduate Department of Philology, Institute of Pedagogy, Belgorod National Research University. Y.N. Kireeva analyzes the semantics, the ways of formation and peculiarities of the functioning of lexical innovations. Y.N. Kireeva has published 13 scientific works. *E-mail:* Neverreplay@rambler.ru

УДК 81'42

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-51-65

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДИСКУРСИВНОЙ АНАФОРЫ В МОНОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Г.Д. Скнар

Ростовский государственный медицинский университет
пер. Нахичеванский, 29, Ростов-на-Дону, Россия, 344022

И.А. Кудряшов

Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, Россия, 344006

Цель статьи — определить прагматическую специфику тематической организации монологического текста с опорой на модели дискурсивной анафоры. Указанная цель предопределила решение задач, связанных с изложением концепции темы как текстового сегмента, проявляющего устойчивую зависимость от дискурсивной схемы художественного монологического текста; рассмотрением монологической сферы художественного текста с опорой на то, какую роль играют в ней тематические компоненты; выявлением того, какие последовательности анафорических (зависимых в референциальном отношении) языковых выражений формируют тематические компоненты в рамках дискурсивных схем монологического текста с учетом коммуникативной специфики этого текста. Выводы, полученные в работе, позволяют приблизиться к более полному пониманию того, как отношения когезии и анафорические отношения, моделируемые тематическими компонентами, облегчают интеграцию дискурсивных характеристик высказываний в более глобальную интерпретативную структуру. Доказывается, что оба феномена, образуя симбиоз, выполняют функцию поддержания континуальности значения и референтного плана связанных высказываний в рамках монологического текста. В этом видится теоретическая значимость проведенного исследования. Практическая значимость статьи определяется возможностью использования ее основных результатов для дальнейшей разработки проблемы «информационной упаковки» высказываний, принадлежащих к монологическим жанрам общения, для выявления закономерностей организации художественного текста как целого. Теоретические выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в вузовском преподавании современного русского языка, стилистики декодирования, спецкурсах по филологической герменевтике, а также в спецкурсах по вопросам дискурсивных оснований организации монологического текста.

Ключевые слова: монологический текст, дискурсивная анафора, отношения когезии, дейк-сис, референт, мыслительный антецедент, дискурсивная схема

Введение

Монологический текст имеет непосредственное отношение к текущей физической и перцептивной деятельности участников творческой коммуникации,

которая является эмоциональной по своей сути. Данная деятельность предполагает не только вербально выраженное содержание художественного высказывания, но и такие явления, как умалчивание, графическое и позиционное выделение значимой информации [1; 2]. Адресат текста апеллирует к данным текстуальным характеристикам с целью активного участия в конструировании художественного дискурса совместно с его автором. В данном смысле дискурс моделируется как иерархически структурированный феномен непрерывно порождаемых высказываний, иллокутивных, пропозициональных и индексальных актов, совместно манифестируемых участниками дискурса [3].

Дискурсивная анафора в функции темы монологического высказывания представляет собой реализуемую через текст процедуру актуализации некоторой информации, предварительно заложенной в дискурсивную память читателя и вследствие этого обладающей минимальным уровнем активизации внимания. Это существенный способ «управления» вниманием, который наделяется автором функцией поддержания высокого уровня активации и характеризует некую дискурсивную репрезентацию как предварительно установленную в качестве фокуса читательского внимания на данном сегменте высказывания.

Проблема дискурсивной анафоры активно исследуется, в частности, Френсисом Корнишом, который, как будет показано ниже, выделяет в ее действии три составных компонента, разграничивает антецедент, непосредственно проектирующий анафору, и мыслительный антецедент, который отражает функционирование анафоры в виде дискурсивных схем.

Цель

Цель исследования — выявление того прагматического потенциала дискурсивной анафоры, который является значимым для определения конституирующего статуса тематических компонентов в художественном монологическом тексте.

Материалы и методы

Достижение цели, обозначенной в публикации, потребовало применения следующих методов исследования, актуальных для прагматического анализа сегментов высказывания, маркируемых как «дискурсивная анафора»:

- контекстуального метода, детерминируемого потенциальной возможностью извлечения темы из контекста сообщения, ее программируемостью говорящим субъектом и пресуппозициональной обусловленностью в дискурсивном процессе;
- метода функционального анализа, предполагающего разграничение темы / ремы и выявление тематической прогрессии как метафункции языка;
- метод моделирования тематических цепочек с опорой на фактор субъективности: выбор темы со стороны автора определяется в его направленности на межличностный характер общения, который задает точку зрения в художественной коммуникации и предопределяет когерентный характер коммуникативного общения.

Результаты

В результате проведенного анализа мы пришли к следующему пониманию темы в прагматическом ключе: тема — это «данное», которое выражается форическими средствами (т.е. предварительно актуализованными в вербальном и / или ситуационном контексте). В этом отношении нами задействовались такие дифференциальные признаки темы, как соотношение с моделями связывания, в частности с субституцией и референцией; функционирование в качестве информативного компонента в отношении к «новому», не извлекаемому из предшествующего контекста компоненту, фокусу высказывания; имманентная способность вводить «свежую» или контрастную по отношению к известному информацию.

С учетом данных дифференциальных признаков на прагматическом уровне анализа мы определили тему как анафорический компонент текста, реализующий отношения когезии и предполагающий выбор особого референциального выражения в определенный момент развития текста, в специфических контекстуальных условиях.

Указанное определение темы в прагматическом аспекте дало нам возможность проецировать дискурсивную анафору как средство структурирования последовательностей референций, развиваемых в рамках монологического текста в плане формирования тематических цепочек, их исчислением в конкретном тексте и выявлением доминирующих и вспомогательных.

В результате оказалось возможным определение дискурсивной схемы монологического текста и роли анафоры в ее формировании. Мы, в частности, пришли к заключению, что анафора проявляет свои прагматические характеристики в рамках текущего конструирования текста, а не в статических измерениях текста. Тема является строительным материалом отношений когезии в процессе материализации и интеграции прагматического потенциала этих отношений.

Обсуждение

Дискурсивную анафору формирует не только соответствующее выражение (как правило, местоимение третьего лица), но и сегмент высказывания, в котором это выражение обнаруживается. Данное предикативное содержание функционирует в качестве указания, ориентирующего читателя к тому сегменту дискурсивной репрезентации, который уже активирован на когнитивном уровне повествования и который «расширяется» в плане оптимальных в данном контексте отношений когезии. Ср.:

(1) Джон глупо улыбался. Больше всего он боялся, что из носа потечет кровь. Так и случилось... — Само пройдет, — сказал он. — Какое само! — воскликнула Вера. — Запрокинь голову. Заражения бы не было... (П. Басинский. Полуденный бес).

В данном случае мы имеем дело с косвенно выраженной анафорой, которая предстает иллокутивным акцентом в реплике первого собеседника. Ситуация общения и лексико-семантическая структура глагольного предиката *само пройдет* обеспечивают условия оптимальной интерпретации неявно выраженной дис-

курсивной анафоры для второго собеседника, который также не актуализует предмет общения, поскольку он ясен из коммуникативного контекста. Приведенный пример выявляет то, как импликации, основывающиеся на обнаруживаемых в общении дискурсивных репрезентациях, общих пресуппозиционных знаниях собеседников, мобилизуются в дискурсивном действии анафоры, не требующей присутствия эксплицитно выраженного текстового antecedента.

В следующем примере обнаруживаются различные явно выраженные дискурсивные анафоры при разных предикатах:

(2) К дому лесничего была послана коляска. Коварный князь знал, что отец Ольги Павловны уехал в губернский город и *бедная девушка* находится дома одна. Знал *он* и о том впечатлении, какое производил на *несчастную*, томящуюся в лесной глуши под неусыпным взором отца-тирана. В записке, посланной с кучером, *он* бессовестно признавался *ей* в любви и просил немедленного свидания... (П. Басинский. Полуденный бес).

Во втором высказывании вводятся два аргументных референта (*князь, Ольга Павловна*), которые в последующих высказываниях замещаются анафорическими местоимениями третьего лица, выражениями описательного характера. Линия повествования смещается к событиям, которые имели место до факта, о котором говорится в первом высказывании и который манифестирует текущий план повествования. Другими словами, дискурсивные анафоры «расширяют» информацию, содержащуюся в первом высказывании, в иных временных и пространственных плоскостях.

Дейксис представляет собой такую процедуру, которая основывается на способности контекста употребления высказывания направлять внимание читателя к характеристикам, существенным для данного контекста. Эти характеристики ассоциируются с контекстом (потенциально знакомы читателю), а поэтому воспринимаются как должное [4]. В прагматико-семантических исследованиях отмечается, что дейксис является причиной намеренного прерывания текста непосредственно в той точке, в которой он актуализуется.

Достигается определенный эффект: читатель поощряется «выйти» из данного дискурсивного контекста с целью «увидеть» в рамках текущей ситуации употребления высказывания новый референт или запечатлеть в своей когнитивной памяти иной аспект того же самого референта, на котором уже фокусировалось внимание [5]. Таким образом, дейксис служит средством введения нового референта в текст на основе определенных характеристик контекста употребления высказывания. Он ориентирует фокус читательского внимания к новому объекту текста (новому аспекту предварительно введенного объекта).

Анафора, в свою очередь, служит сигналом поддержания фокуса читательского внимания. В этом отношении анафоры, занимающие не сильную фонологическую позицию, получают высокую степень внимания. В современных исследованиях анафора рассматривается как контекстуальная актуализация дейктического основания центрального объекта текста. Анафора предполагает отношения референтной и / или семантической зависимости между индексальным выражением, употребленным в определенном контексте, и референтом, извле-

каемым читателем из дискурсивной (контекстуальной) актуализации этого выражения. В случае анафоры потенциально могут возникать отношения кореференции, когда два выражения в референтном плане указывают на одну и ту же сущность. Между кореферентными выражениями не всегда возникают отношения семантической и / или референтной зависимости, как это имеет место в случае анафоры. Ср.:

(3) ...Я познакомился с *Семеном Александровичем* в 1926 году, был я тогда еще молодой учитель и увидел *его* впервые у Ксенофонта Павловича Счастливецва, нашего заведующего подкурсами. Я увидел, как мне показалось, молодому, *старика*, но очень быстро, высокого, худого (И. Крупник. Жить долго).

Обе выделенные номинации предстают независимыми в референтном плане. В аспекте читательской идентификации одного и того же персонажа, о котором ведется повествование, каждая из них является информативно достаточной. Между анализируемыми номинациями не обнаруживается референтной зависимости друг от друга (каждая из них может быть извлечена из текста без существенных последствий). Это случай кореференции без анафоры.

Анафора, предполагающая кореференцию, приводится в следующем примере:

(4) ...В жадных и хитрых глазах *Долидзе* промелькнуло облачко беспокойства. *Он* знал: иногда успех может превратиться в поражение... (Р. Ивнев. Богема).

Местоимение *он* обладает референтной сущностью, его характер зависит от предшествующего тематического компонента в повествовании (в данном случае *Долидзе*), заявленного в предшествующем предложении. Поэтому это местоимение характеризуется анафорическим употреблением в отношении к предварительно актуализованному референту. Вместе с тем оно вступает в отношения кореференции с антецедентом, который моделирует анафору. Анафора, таким образом, предполагает семантическую и / или референциальную — но не текстуальную — зависимость. В случаях дейксиса и анафоры имеет место концептуализация (т.е. психологическая, ментальная репрезентация) референтов, вне зависимости от того, получает ли читатель доступ к референтам через внешнюю ситуацию или в результате анализа ближнего и дальнего контекста употребления высказывания. Обнаруживаются различные домены референции, в рамках которых действуют как дейктические, так и анафорические процедуры [6. С. 61–67].

Текстуальный — как и дискурсивный — дейксис обеспечивает переход от понятия «дейксис» к понятию «анафора», поскольку данные понятия предполагают использование дейктических процедур с целью указания сегментов предшествующих и последующих текстуальных и когнитивных репрезентаций. При этом не всегда есть необходимость задействовать дополнительные средства активации этих репрезентаций в памяти читателя.

Читатель, следовательно, призван приложить определенные когнитивные усилия с целью восстановления последовательности этих репрезентаций. Лежащая в основе этих усилий читательская интерпретация предполагает конструирование некоторой сущности на основе актуальной для постижения данного фрагмента

текста дискурсивной репрезентации с целью принять ее в качестве субъекта предикации, сильной позиции для введения новой информации. В частности, если при более детальной интерпретации между первым и вторым референтом не устанавливается рема-тематических отношений, то в данном случае имеет место дискурсивная дейктическая процедура, а не анафорическое соотношение указанных референтов. Ср. два примера:

(5) Также и отец потом будет исчезать в сумерках своей новой жизни, новой семьи, совсем без меня. *Наша непродолжительная встреча, осеннее свидание. Это почти все...* (Н. Кононов. Нежный театр);

(6) Мне кажется, что я нахожусь в таком же состоянии, как *мой молодой отец, собравшийся жениться на матери. Это* не принесло ему счастья... (Н. Кононов. Нежный театр).

В (5) референт *это* является обобщающей дискурсивной репрезентацией референта *наша непродолжительная встреча, осеннее свидание*, фактически дублируя его в смысловом отношении. Поэтому между данными отношениями устанавливаются рема-тематические отношения (второй компонент предстает темой первого). В (6) с целью установления референта *это* читатель призван извлечь следующую авторскую импликацию: если молодой отец в определенный период времени t^0 собирался жениться на матери персонажа-рассказчика, то в последующий период времени t^1 ($t^1 > t^0$) отец выполнил данное действие. В отличие от неявно / явно выраженных референтов в (5) и (6) имплицитный референт в данном случае не приобретает статуса потенциальной темы к моменту переработки первого высказывания. Подобным статусом обладает референт *отец*, известный из предшествующего хода монологического текста. Местоимение *это* сосредотачивает внимание читателя на референте, который он призван конструировать на основе авторской импликации, а также своих знаний языка и объективного мира. Подобным референтом предстает результат того состояния, который отмечает персонаж-рассказчик для своего отца в момент повествования. Другими словами, оба референта соотносятся как процесс и результат этого процесса. Между данными процессами обнаруживается временной разрыв. В данном случае мы имеем дело с дейксисом, а не анафорой.

Дейксис и анафора — это дискурсивно-референциальные процедуры, которые задействуются автором текста с целью совместного с читателем моделирования, модификации содержания ментальных моделей текста. Обе процедуры обеспечивают координацию внимания автора и читателя в процессе совместной коммуникации.

В действии дискурсивной анафоры Φ . Корниш выделяет три составных компонента:

- 1) антецедент, который непосредственно проектирует анафору;
- 2) мыслительный антецедент;
- 3) анафору [6. С. 79—85].

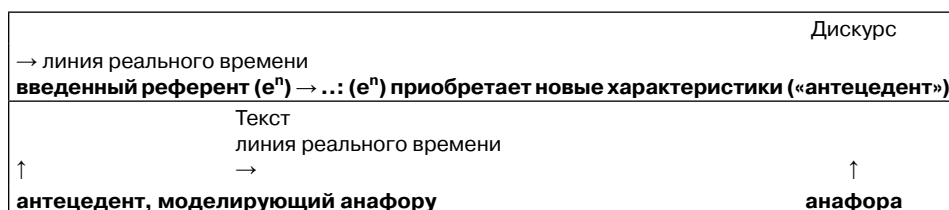
В более широком контексте Φ . Корниш представляет репрезентацию различий между антецедентом, который непосредственно проектирует анафору, и мысли-

тельным antecedентом с учетом различных доменов, в которых они функционируют, в виде следующей схемы [6. С. 89].

Антецедент, проектирующий анафору, является частью конструируемого автором текста и может инициировать референт, который ментально репрезентируется в рамках текста (схема 1). На этот факт в схеме указывает соответствующая стрелка, направленная к расположенной выше дискурсивной репрезентации. В результате дискурсивная репрезентация приобретает некоторые характеристики, предизируемые в последующем ходе текста. Анафора, актуализуемая в последующем тексте, дает читателю доступ к дискурсивной репрезентации, поскольку она «дублирует» референт в определенной точке текста.

Схема 1

Дискурс, текст и взаимоотношения между antecedентом, который проектирует анафору, референтом, мыслительным antecedентом и анафорой (Discourse, text and interrelations between antecedent projecting anaphora, referent, ideational antecedent and anaphora)

Антецедент, который непосредственно проектирует анафору, вносит определенный вклад в определение онтологической категории или типа анафорического референта. В целом, референт и его характеристика в художественном тексте предопределяются широким диапазоном факторов: тем, что будет содержаться в предикации референта до момента его вторичной актуализации, природой отношений когеренции при интеграции двух дискурсивных объектов, особым характером анафорической предикации.

Анализируемый тип antecedента не всегда получает эксплицитное выражение в тексте. Как отмечает Ф. Корниш, он может обнаруживаться на уровне восприятия текста или функционировать в качестве невербального сигнала [6. С. 93]. В частности, в примере (1) анализируемый antecedент проявляется как ситуативно обусловленный элемент, который «запускает» соответствующую дискурсивную репрезентацию в предикативном выражении *само пройдет*. В (2) в качестве такового выступают номинативы *князь, Ольга Павловна*.

Мыслительный antecedент как компонент действия дискурсивной анафоры представляет собой дискурсивную репрезентацию когнитивного характера, психологическую сущность, в рамках которой анафора реализует свою референтную функцию, выступает средством обозначения чего-либо. Согласно подобному определению, мыслительный antecedент является сегментом дискурса, а не текста и может быть конструирован через прямую интерпретацию контекста, фонд общих знаний автора и читателя. Ср.:

(7) Совершенно не важно, что вы никогда не прибегали к эпистолярному жанру, дабы общаться с кем-то через тысячи верст. *В этом деле начать никогда не поздно...* (Д. Липскеров. Пространство Готлиба).

В приведенном контексте мыслительный антецедент выражения *в этом деле* можно обозначить как «сочинение и отсылка писем адресату, который их с нетерпением ждет».

В дискурсивном плане мыслительный антецедент может манифестироваться десемантизированным анафорическим компонентом, что порождает контекстуальную размытость первого. Данный факт, возможно, предопределяется несущественностью мыслительного референта для адекватной интерпретации художественного повествования читателем. С другой стороны, размытость дискурсивной репрезентации мыслительного антецедента становится неявным средством характеристики персонажа-рассказчика, например:

(8) Она дала мне впервые почитать «Песнь о Нибелунгах». Там были телефоны жэка и рецепт, как солить сало... (Д. Бортников. Свинобург).

В данном случае анафорический компонент *там* не реализует пространственного значения, определяет мыслительный антецедент как «страницы книги», а возможно и «листки бумаги, вложенные между страницами книги». Читатель определяет данные интерпретативные варианты исходя из фонда своих знаний: в частности, в приведенном примере мыслительный антецедент не может быть описан как «составная часть сюжета книги». Другими словами, в монологическом тексте антецедент, который непосредственно проектирует анафору, способен порождать несколько дискурсивных репрезентаций мыслительных антецедентов.

Анафора — зависимый в референтном отношении индексальный языковой знак. В данном контексте употребления анафора сама по себе не «восстанавливает» дискурсивный референт, этому способствует анафорическая предикация в целом. Выявляются разнообразные типы анафоры — обладающие нулевой формой выражения, передаваемые местоимениями, принадлежащих к местоимениям различных разрядов, именами собственными, эллипсисом и т.д. [7]. Каждая из выделяемых разновидностей, проявляя чувствительность к дискурсивному контексту, обладает специфическими индексальными характеристиками, устанавливает различные виды анафорических структур.

В рамках монологического текста различные виды анафорических структур образуют тематические цепочки. Тематическая цепочка — это структурированная последовательность референций, развиваемых в рамках текста из одного и того же дискурсивного референта. В тексте обнаруживаются цепочки как макротематические, так и второстепенные, менее значимые, определяемые как микротематические [6. С. 105—108]. Макротематические цепочки получают развитие как в главных, так и во второстепенных дискурсивных сегментах. Микротематические цепочки проявляют тенденцию к обнаружению в периферийных дискурсивных сегментах текста. В целях иллюстрации данного положения проанализируем рассказ Людмилы Петрушевской «Через поля», который написан одним абзацем от первого лица [8. С. 227—229]. В тексте рассказа обнаруживается несколько тематических цепочек, главным образом представляющих собой последовательность анафорических (зависимых в референциальном отношении) языковых выражений, которые обозначают тот же самый референт. Этот референт, в свою очередь,

предстает субъектом нескольких предикаций в рамках определенного сегмента текста.

Анализируемый референт эксплицитно вводится в монологический текст, в частности, посредством автономных в референциальном отношении выражений, таких как имя собственное, личное местоимение. Эти выражения формируют ядро цепочки, анафорические же выражения, обозначающие их референт, рассматриваются как связующие средства. В основу нашего анализа положено определение тематической цепочки, предложенное С.К. Диком. Исследователь рассматривает эти цепочки как анафорические, признавая, что они формируются тремя функциональными в дискурсивном отношении компонентами:

1) ядром, которое вводит тематический референт в текст;

2) связующим компонентом, занимающим вторую позицию (имеющим место только в макротематических цепочках), функция которого заключается в том, чтобы вторично подтвердить актуализацию референта темы (т.е. он обладает исключительно ориентированной на адресата текста функцией);

3) компонент, который может обладать множественным заполнением, состоять из чисто анафорических обозначений тематического референта, функция которых заключается в том, чтобы поддержать повышенный фокус внимания адресата текста к этому референту. Благодаря данному компоненту выявляемый в сегменте текста референт получает статус темы дискурса [9. С. 218].

В анализируемом нами тексте выявляются следующие тематические цепочки:

— девушка-повествователь, которая по пути на «далекую дачу» — через поля — встречает Вовика;

— Вовик, сопровождающий девушку-повествователя через поля на «далекую дачу»;

— дорога через поле, по которой персонажи во время грозы добираются до «далекой дачи»;

— отношение женщин к проявлению естества;

— обитатели «далекой дачи», которые «разъединили» персонажей.

Указанные тематические цепочки формируются в тексте рассказа следующими последовательностями языковых выражений:

(9) Я... мы с ним... Ø... мы... мы... мы... я... я... мы... нас... моя... мое... мы... я... мы... Ø... я... я... мы... нам... от меня... я... мне... мы... мы... мне... мы... мой... наши... у меня... я... мне... меня... я... нас... меня... нас... в мою сторону... я... не мое... мое... я... меня... мне;

(10) мы с ним... мы... мы... мы... он... его... Вовика... мы... он... Вовик... мы... он... он... мы... нам... он... он... его... он... мы... мы... он... мы... его... наши... у него под носом... он... его... нас... его... нас... он... все это... им... они... его... Вовику... Вовиковой...;

(11) оно (голое поле)... на краю леса... молнии... поле... голое... Голая... голая... земля... ливень и молнии... на этом поле... в этом голом поле... дорога... ливень... под дожем по глине... дорогу... это... поле... молнии... по волам глинистой земли... молния... на этих земляных волах... четыре километра по глине... под дожем... эти четыре километра... по глинистому полю... под дождем...;

(12) в том же самом... не ходивших босыми... одна... ноги... другие... они-то...;

(13) они... невеста... Вовиковой невесте...

рединная позиция в рамках абзаца), четвертая и пятая цепочки ограничены периферийным употреблением во вспомогательных сегментах (серединная и конечная). Об этом свидетельствует и длина тематических цепочек: цепочки 1, 2, 3 представлены большим количеством компонентов, чем цепочки 4 и 5.

В рамках дискурсивной схемы рассказа в целом рассмотрим взаимоотношения между языковыми выражениями, реализующими отдельную тематическую цепочку, и дискурсивной функцией сегмента текста, в котором данная цепочка реализуется. Схема 3 представляет схему текста анализируемого нами рассказа как продукта отдельно взятого дискурса. Для целей анализа мы разделили текст рассказа на шесть сегментов (поскольку рассказ написан одним абзацем).

Схема 3

Дискурсивная схема, манифестируемая текстом рассказа Л. Петрушевской «Через поля»
(Discursive scheme manifested by L. Petrushevskaya's story «Through the fields»)

- (1) Введение глобальной дискурсивной темы: совместная дорога девушки-рассказчицы и персонажа Вовика на «далекую дачу».
- (2) Описание дороги и череда событий, последующая (1).
- (3) Лирическое отступление, отражающее размышления девушки-рассказчика по поводу проявления естества.
- (4) Возвращение к теме сегмента (2).
- (5) Размышления девушки-рассказчицы по поводу совместной с Вовиком дороги, приводящие к философским выводам.
- (6) Заключение. Девушка-рассказчица и Вовик достигают дачи, их «пути» расходятся, что порождает философские размышления девушки-рассказчицы.

Структура первых трех тематических цепочек может быть представлена следующим образом. Заглавие рассказа априорно задает глобальную тему художественного повествования: знакомство двух персонажей и их путешествие «через поля» на «далекую дачу». В предваряющем рассказ сегменте эти два аспекта глобальной темы эксплицитно реализуются в сложном предложении. Выступая в функции вводного, данное предложение начинает обладать «тематическим» характером, информация, которую оно реализует, представляется читателю как абсолютно новая.

Сегмент (2) является развитием ситуации, о которой было сказано в сегменте (1), при этом информация уточняется: более детально представляется дорога, по которой следуют персонажи, сами персонажи получают динамические характеристики. Данный сегмент содержит последующую идентификацию глобальной темы, заявленной в сегменте (1). Однако он не может рассматриваться как катафора, при которой антецедент, проецирующий анафору, следует в катафорической позиции, таким образом наделяя референциальным автономным характером местоимения третьего лица, используемые в данном случае. В связи с этим не достигается референциальной зависимости между анафорой и антецедентом, проецирующим анафору.

Сегмент (3) содержит отступление от темы, которая была предварительно установлена. Однако референты, содержащиеся в нем, косвенно связаны с глобальной темой повествования, способствуют ее более глубокому представлению в тексте.

Сегменты (4), (5) продолжают темы текста, актуализованные в сегментах (1), (2) с превалированием анафорического местоимения *мы / нам*, которое объеди-

няет девушку-рассказчицы и персонажа Вовика. Персонажи «находят» общий язык, обнаруживают друг в друге родственные души. В данных сегментах «сходятся» две доминирующие темы текста: взаимоотношение персонажей и дорога, по которой они добираются до «далекой дачи», таким образом раскрывается глобальная тема текста.

В сегменте (б) анафорическое местоимение *мы / нас* снова «расщепляется» на *я* и *он*, что косвенно указывает на тот факт, что «пути» девушки-рассказчицы и персонажа Вовика расходятся, они начинают жить в непересекающихся мирах. Глобальная тема «рассыпается», уступая место двум независимым друг от друга микротемам.

Заключение

Актуализация различных типов тематических компонентов, исполняющих роль неавтономных анафорических выражений, определяется в монологическом тексте дискурсивной функцией сегмента дискурса, в котором они имеют место, а также своей позицией в рамках этого сегмента. Начальная позиция высказывания маркируется, как правило, личными местоимениями, именами собственными, поскольку анафорическое выражение в данной позиции служит средством поддержания фокуса читательского внимания, установленного в предшествующем ходе текста. Соприсутствие «конкурирующих» анафорических выражений (*мы / нам — я / он*) несет в тексте дополнительный смысл. Дискурсивные анафоры оказываются чувствительными к иерархической структуре монологического текста, контексту своего употребления. Другими словами, анафора проявляет свои прагматические характеристики в рамках текущего конструирования текста, а не в статических измерениях текста.

Актуализация авторского смысла как результат взаимодействия компонентов высказывания основывается на признании того, что смысл высказывания, будучи результатом линейной организации языковой системы, в иконическом отношении кодируется в акте предикации в отношении к предикату предложения, т.е. реме. Моделируя, какой компонент высказывания будет нести известную информацию, т.е. выполнять функцию темы данного повествования, автор определяет, в какой семантической перспективе необходимо рассматривать данное повествование.

Осуществляя выбор определенной точки отсчета (множественной / немножественной, маркированной / немаркированной, метафорической / неметафорической), автор намеренно избирает конкретные текстовые средства, поскольку они предполагают различный способ упаковки информации, а следовательно, и авторского смысла. Референциальная актуализация авторского смысла осуществляется на стыке взаимодействия референта высказывания с данным текстом как целостной категорией, интерактивная актуализация авторского смысла репрезентирует перспективы авторского дискурса относительно того, что предстает актуальным в данный момент повествования.

Читательская идентификация анафорических отношений, моделируемых тематическими компонентами высказываний, осуществляется в два этапа, связанных с анализом конкретных отношений когерентности: на этапе первоначаль-

ного восприятия текста и на этапе установления действительности предварительно спрогнозированных отношений когезии как элемента дискурсивного контекста. На начальной стадии интерпретации анафорических компонентов читатель выдвигает гипотезу относительно того, являются ли анафоры результатом выбора отношений когезии, что определяет референциальные характеристики анафорического компонента, задействованного для реализации данных отношений во втором высказывании. После того как данные отношения были установлены читателем как действенные, анафоры получают окончательную интерпретацию. Анафорические компоненты, выполняющие функцию темы высказывания, рассматриваются нами не как подобный продукт реализации данных отношений когезии между двумя высказываниями, а как строительный материал этих отношений в процессе материализации и интеграции их прагматического потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Глаголев Н.В.* Вычленение семантических элементов коммуникативной стратегии в тексте // *Филологические науки*. 1985. № 2. С. 55–62.
- [2] *Долинин К.А.* Имплицитное содержание высказывания // *Вопросы языкознания*. 1983. № 6. С. 37–73.
- [3] *Cavins J.* *Text World Theory. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 193 p.
- [4] *Гончарова Е.А.* Антропоцентризм хронотопа как концептуальная основа художественного текста // *Категоризация мира: пространство и время: Материалы науч. конф. М.: Диалог — МГУ*, 1997. С. 40–43.
- [5] *Пушмина С.А.* Текстовое многомирие и вход в него через ворота дейксиса: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.
- [6] *Cornish F.* *Anaphora, Discourse and Understanding. Evidence from English and French*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 297 p.
- [7] *Фатеева Е.Д.* О некоторых проблемах изучения дискурсивной анафоры: в поисках новых подходов // *Язык и коммуникация: изучение и обучение*. Вып. 11. Орел: ОрГУ, 2003. С. 18–27.
- [8] *Петрушевская Л.С.* *Собрание сочинений в 5 т.* Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. Т. 1. 256 с.
- [9] *Dik S.C.* *Anaphora // The Theory of Functional Grammar. Part 2: Complex and Derived Constructions*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 1997. P. 215–228.

© Скарн Г.Д., Кудряшов И.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 октября 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Скарн Г.Д., Кудряшов И.А. Прагматические модели дискурсивной анафоры в монологическом тексте // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2017. Т. 15. № 1. С. 51–65.

Сведения об авторах:

Скарн Галина Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и культуры русской речи Ростовского государственного медицинского университета. *Сфера научных интересов*: прагматические и когнитивные аспекты тематической связности монологического и диалогического текстов, кодирование информации и обе-

спечение обратной связи в диалогическом тексте, методика преподавания русского языка как иностранного. Автор более 50 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: vitsknar@aanet.ru

Кудряшов Игорь Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и русского языка Южного федерального университета. *Сфера научных интересов:* когнитивный подход к исследованию неявного знания, теория речевых актов, когнитивная поэтика, категория эвиденциальности в диалогическом тексте, язык современных СМИ. Автор более 120 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: igalk@mail.ru

DISCURSIVE ANAPHORA PRAGMATIC MODELS IN MONOLOGIC TEXT

G.D. Sknar

Rostov State Medical University
Nahichevansky Lane, 29, Rostov-on-Don, Russia, 344022

I.A. Kudryashov

Southern Federal University
Bolshaya Sadovaya str., 105/42, Rostov-on-Don, Russia, 344006

The aim of the article is to determine the pragmatic particularities of the monologist text thematic organization based on the discursive anaphora models. This aim predetermines the tasks connected with 1) outlining the conception of the theme as a textual segment manifesting sustained dependence on the fictional monologist text discursive scheme; 2) considering the fictional text monologist sphere based on the role the thematic components play in it; 3) revealing the referentially dependent anaphoric linguistic expression sequences which form the thematic components within the frameworks of the monologist text discursive scheme with regard to the communicative specifics of the text. The conclusions made in the article allow to get closer to a fuller understanding of how the cohesion relations and the anaphoric relations modeled by the thematic components facilitate the reader's task on integrating the utterance discursive characteristics into a more global interpretative structure. It is proved that both phenomena forming the symbiosis realize the function of sustaining the meaning continuity and the referential plane of the connected utterances in the monologist text. This statement outlines the scientific significance of the research conducted. The practical significance of the article is determined by the possibility of using its basic results for further development of the problem of the «informational packing» for the utterances belonging to the monologist conversational genres, for revealing the mechanisms of the fictional text organization as the whole. The theoretic deductions achieved in the article could be used in teaching the contemporary Russian language in higher educational establishments, stylistics of decoding, special courses in philological hermeneutics and the courses devoted to the discursive basics of the monologist text organization.

Key words: monologist text, discursive anaphora, cohesion relations, deixis, referent, mental antecedent, discursive scheme

REFERENCES

- [1] Glagolev N.V. Vychlenenie semanticheskikh jelementov kommunikativnoj strategii v tekste [Extracting semantic elements of the communicative strategy in the text]. *Filologicheskie nauki*. 1985. № 2. P. 55–62. (In Russ.)
- [2] Dolinin K.A. Implicitnoe sodержanie vyskazyvanija [The utterance implicit content]. *Voprosy jazykoznanija*. 1983. № 6. P. 37–43. (In Russ.)
- [3] Cavins J. *Text World Theory. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 193 p.
- [4] Goncharova E.A. Antropocentrizm hronotopa kak konceptual'naja osnova hudozhestvennogo teksta [Hronothrope anthropocentrism as the fiction text conceptual basis]. *Kategorizacija mira: prostranstvo i vremja: Materialy nauch. konf. M.: Dialog — MGU, 1997. P. 40–43. (In Russ.)*
- [5] Pushmina S.A. Tekstovoe mnogomirje i vhod v nego cherez vorota dejksisa [Textual multi-world and the entry in it through the deixis gate]: dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2009. (In Russ.)
- [6] Cornish F. *Anaphora, Discourse and Understanding. Evidence from English and French*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 297 p.
- [7] Fateeva E.D. O nekotoryh problemah izuchenija diskursivnoj anafory: poiskah novyh podhodov [On some problems of discursive anaphora investigation: in the search of new approaches]. *Jazyk i kommunikacija: izuchenie i obuchenie. Vyp. 11. Orel: OrGU, 2003. P. 18–27. (In Russ.)*
- [8] Petrusheskaja L. S. *Sobranie sochinenij v 5 t. [Collective works in 5 vol.] Har'kov: Folio; M.: TKO AST, 1996. T. 1. 256 p. (In Russ.)*
- [9] Dik S.C. *Anaphora. The Theory of Functional Grammar. Part 2: Complex and Derived Constructions*. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 1997. P. 215–228.

Article history:

Received: 23 October 2016

Accepted: 20 November 2016

For citation:

Sknar G.D., Kudryashov I.A. (2017) Discursive Anaphora Pragmatic Models in Monologic Text. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages of Research and Teachin*, 15 (1), 51–65.

Bio Note:

Sknar Galina Dmitrievna, doctor of philological science, head of the Russian language and Russian speech culture department, Rostov State medical University. *The sphere of scientific interests*: pragmatic and cognitive aspects of thematic cohesion in the monologist and dialogic texts, information coding and feedback providing in the dialogic text, methodology of teaching Russian as a foreign language. The author of more than 50 scientific publications. *Contact information*: e-mail: vitsknar@aaanet.ru

Kudryashov Igor Alexandrovich, doctor of philological science, professor of the language theory and the Russian language department, Southern Federal University. *The sphere of scientific interests*: cognitive approach to implicit knowledge, speech act theory, cognitive poetics, the category of evidentiality in the dialogic text, the language of contemporary Mass-Media. The author of more than 120 scientific publications. *Contact information*: e-mail: igalk@mail.ru

УДК 81'243

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-66-76

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СПОСОБНОСТИ К АВТОНОМНОМУ АУДИРОВАНИЮ У СТУДЕНТОВ 1-2 КУРСОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

С.В. Дудушкина

Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, Москва, Россия, 129225

Высокая степень самостоятельности и готовности к самопознанию и самосовершенствованию у обучающихся рассматривается в статье как отличительная особенность современного этапа развития высшего образования. Анализ научных исследований выявляет обращение ученых к проблеме автономии студентов при обучении различным аспектам и видам речевой деятельности на иностранном языке. Автор впервые определяет принцип автономной деятельности обучающихся как основу для обучения аудированию студентов языкового вуза, обосновывает необходимость актуализации принципа автономии в процессе формирования аудитивной способности обучающихся расширением международного сотрудничества, требованиями программных документов, возможностями информационных технологий. На основе проведенного исследования предлагается технология формирования способности к автономному аудированию у студентов начального этапа обучения в языковом вузе. Данная технология включает в себя принципы, методы, приемы и средства формирования и развития способности к автономному аудированию. Автор выделяет последовательные этапы взаимодействия между преподавателем и студентами, определяя общие стратегии педагога, побуждающие обучающихся к автономному прослушиванию аудиоматериалов с целью их самостоятельного понимания и переработки информации, к возможным формам само- и взаимоконтроля для установления качественного уровня использования в учебной деятельности умений автономного аудирования.

Ключевые слова: принцип автономной деятельности студентов, автономное аудирование, способность к автономному аудированию, аудитивная способность, успешность иноязычного общения

Введение

На современном этапе автономная деятельность студентов как важная составляющая высшего профессионального образования становится неотъемлемой частью процесса формирования будущего специалиста, готового к самопознанию и саморазвитию. Проблема автономии обучающегося в вузе остро волнует современных методистов. В области обучения иностранным языкам (ИЯ) рассмотрены вопросы формирования стратегий автономного чтения [1], методика формирования учебного умения активизировать языковой материал [2], проблемы управления самостоятельной учебной деятельностью студентов и контроля за качеством ее реализации [3; 4], подготовки студентов языкового вуза — будущих

учителей к профессиональной автономии [5]. Однако в современных условиях увеличения аутентичной иноязычной информации, представленной в аудио- и видеоформатах, а также расширения международных связей перед профессиональным языковым образованием остро ставится проблема повышения эффективности обучения пониманию иноязычной аутентичной речи на слух, что определяет интерес исследователей к данной проблеме. В последние годы появляются работы, связанные с изучением особенностей обучения аудированию в языковом и неязыковом вузах [6]; исследованием психофизиологической и речеведческой основ аудирования [7; 8]; выявлением и классификацией трудностей понимания аудиосообщений [9]; изучением проблем взаимосвязанного обучения аудированию с другими видами речевой деятельности [10]; разработкой систем упражнений и учебных пособий по обучению смысловому восприятию на слух.

Требования ФГОС ВО, связанные с профессионально значимым устным взаимодействием на межкультурном уровне, выдвигают новые требования к уровню сформированности аудитивной способности выпускников языковых вузов. Данная способность должна обладать параметрами автономной деятельности субъекта. Актуализация принципа автономной деятельности студентов, методическая ценность которого проявляется в формулировке обучающимся собственных целей овладения иноязычным общением, выработке им самим индивидуального стиля учебной деятельности, достижении высокой степени самостоятельности при анализе результатов собственного труда и рефлексии над возможными способами повышения его эффективности, призвана способствовать решению данной проблемы. Именно этот принцип составляет основу способности к автономному аудированию (САА), предполагающей самостоятельные действия обучающегося по отбору и прослушиванию аутентичных звучащих текстов на ИЯ с целью их понимания, интерпретации, использования по собственному усмотрению в процессе иноязычной коммуникации.

Цель — представление технологии формирования способности к автономному аудированию у студентов начального этапа обучения в языковом вузе. Данная технология основывается на принципах личностно ориентированного обучения и содержит методы, приемы и стратегии преподавателя для каждого из трех этапов обучения.

Материалы и методы

Материалами для исследования и анализа явились результаты опытно-экспериментального обучения (ОЭО), в котором приняли участие 53 студента 1-2 курсов Института иностранных языков МГПУ, обучающихся по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование», профиль «Иностранный язык (французский)» (квалификация (степень) бакалавр) и 035700 «Лингвистика» (квалификация (степень) бакалавр), профиль «Теория и практика межкультурной коммуникации». Обучение проводилось преимущественно на аудиовизуальных аутентичных материалах сети Интернет, требующих от обучающегося знания языка не ниже уровня В1. К теоретическим методам исследования относятся изучение, анализ и обобщение отечественной и зарубежной литературы по данной

теме, систематизация полученной информации, теоретическое моделирование, прогнозирование хода и результатов исследования.

Использовались эмпирические методы — изучение и анализ нормативных документов по организации иноязычного профессионального образования, наблюдение за деятельностью студентов и учебным процессом, изучение педагогического опыта. К числу психодиагностических методов относятся тестирование, анкетирование, опросы, опытно-экспериментальное обучение, методы анализа данных.

Результаты

Гипотеза о том, что обучение студентов аудированию на основе принципа автономии согласно авторской технологии обеспечит повышение эффективности процесса восприятия и понимания иноязычной речи на слух и положительно повлияет на общий уровень владения иноязычным общением, подтверждена данными четырех срезов ОЭО. Положительное влияние автономного аудирования на мотивационную составляющую в отношении к обучению аудированию (личностный компонент) как значимому виду речевой деятельности в изучении ИЯ подтверждена данными анкет и бесед-опросов со студентами начального этапа обучения. Данные статистической и математической обработки результатов ОЭО показали состоятельность технологии формирования и развития САА, эффективно влияющей на развитие аудитивной способности обучающихся.

Обсуждение

Система принципов формирования и развития САА опирается на позиции лично-ориентированного обучения, нацеленного на продуктивную образовательную деятельность обучающегося и его активную личностную позицию. Свод дидактических принципов, сформулированных А.В. Хуторским [11. С. 97–105], соотносится с целью формирования САА следующим образом:

— принцип личностного целеполагания обучающегося — учет самим студентом (на основе осознания и самооценки) своих личных интересов и мотивов, и на этой основе постановка (формулировка) им самим учебно-коммуникативных целей в области аудирования;

— принцип выбора индивидуальной образовательной траектории — на основе поставленных целей определение самим обучающимся организационно-технологических мероприятий по их (целей) достижению в процессе саморазвития САА, обеспечение самоконтроля и оценки полученных результатов;

— принцип метапредметных основ образовательного процесса — привлечение и развитие студентом собственного жизненного, учебного, лингвокультурного опыта, необходимого для развития САА информации, связанной с иной языковой и концептуальной картинами мира;

— принцип продуктивности обучения — в ходе развития САА осознание и оценка студентом собственного прогресса (значимой позитивной динамики) в области овладения способностью к межкультурному общению как искомого продукта лингвистического образования;

— принцип первичности образовательной продукции обучающегося и вторичности изучения готовых известных результатов — приоритет САА при оценке студентом и преподавателем уровня сформированности умений восприятия и понимания аудиотекстов;

— принцип ситуативности обучения — создание и использование системы проблемных вариативных ситуаций иноязычного общения, в условиях которых требуется применение студентами стратегий автономного аудирования для принятия решений с позиций разнообразных точек зрения;

— принцип образовательной рефлексии — обеспечение осознания студентом результатов деятельности, предполагающего оценку положительного и анализ отрицательного опыта с выявлением причин неудачи и определением способов ее устранения.

Технология формирования САА опирается на систему названных принципов и предполагает «совокупность наиболее рациональных способов научной организации труда, обеспечивающих достижение поставленной цели обучения за минимальное время с наименьшей затратой сил и средств» [12. С. 345]. Каждый из этапов технологии представлен совокупностью методов и приемов обучения, т.е. способами организации деятельности студентов и преподавателя сообразно заданной целевой установке — формированию способности студентов к автономному аудированию.

Основные методы обучения в предлагаемой технологии соотносятся с реестром продуктивных методов обучения, сформулированных И.Я. Лернером [13] и М.Н. Скаткиным [14]. Выбор исследовательского, эвристического методов и метода проблемного изложения обусловлен активным характером учебно-познавательной и коммуникативной деятельности обучающихся.

Первый этап — диагностика и мотивирование, — имеющий целью формирование у обучающихся убеждения в важной роли аудирования для овладения ИЯ и необходимости самостоятельной (автономной) работы над совершенствованием собственной аудитивной способности, базируется преимущественно на исследовательском методе обучения. Задачей исследовательского метода обучения является познание студентом собственных психических и личностных характеристик, а также определение таких базовых характеристик аудитивной способности, как уровень кратковременной памяти, внимание, способность к распределению внимания, умение вероятностного прогнозирования. Студенты самостоятельно находят приемы для самоанализа, оценки собственной аудитивной способности. Одновременно с этим исследовательский метод задает параметры для исследовательско-поисковой деятельности, направленной на самостоятельное выявление студентами источников аудиотекстов, анализ их достоверности и степени полезности для решения коммуникативных и иных задач учебно-познавательной деятельности.

В рамках данного метода на первом этапе преподаватель проводит беседу о необходимости автономной учебной деятельности студента уже с 1 курса для успешного овладения ИЯ, связывая автономию и аудирование, выводя студентов на понимание и принятие идеи автономного аудирования. Студенты активно обсуждают общее понятие автономии и его отличие от понятия самостоятель-

ности, высказываются о проявлении собственной автономии в учебном процессе, констатируют недостаточность автономии или ее отсутствие, признают актуальность идеи автономии при современном обучении и овладении ИЯ, приходят к пониманию важности автономного аудирования. Задачей преподавателя на данном этапе является проведение анкетирования с целью определения степени мотивации студентов как ключевого компонента в актуализации принципа автономной деятельности при обучении ИЯ; преподаватель предлагает студентам самостоятельно пройти тесты Айзенка, Кеттелла для определения степени развития собственных механизмов восприятия и понимания, свойств личности и характера. Обучающиеся проходят тесты Айзенка и Кеттелла, определяя собственные интровертные/экстравертные особенности, а также проводят поиск в ресурсах Интернета и проходят различные тесты на объем слуховой/визуальной памяти, на выявление степени развития внимания, умения распределения внимания, на определение продолжительности поддержания внимания при слушании на ИЯ и т.п.

По окончании этого этапа после суммирования и анализа полученных результатов преподаватель предлагает студентам оценить работу своих механизмов аудирования с точки зрения успешности аудитивной способности, а также проводит коллективное обсуждение результатов анализа, направляя его в русло понимания необходимости развития аудитивной способности путем активизации автономной деятельности. Итоговым результатом данного этапа становится понимание обучающимися недостаточной степени развития собственных механизмов, обеспечивающих успешное аудирование и возможности их эффективного совершенствования при автономном аудировании, базирующемся на индивидуальных особенностях личности.

На втором этапе — информирования и ориентирования — используется преимущественно метод проблемного изложения, реализуя который преподаватель лишь обозначает проблему, а изучение материала, его анализ, оценка, переработка и воспроизведение в том или ином виде осуществляются самими обучающимися. Особенности данного метода обусловлены тем, что понимание места и роли обучения автономному аудированию в овладении иноязычным общением должно исходить не от преподавателя, а от самих студентов, самостоятельно определяющих аудирование как вид сложной мыслительно-мнемической деятельности. Задача обучающего — организовать деятельность студентов для последующего обсуждения всем коллективом и формулировки выводов, соответствующих задачам формирования САА.

Цель второго этапа — ознакомление обучающихся с психофизиологическими механизмами аудирования, теоретический анализ трудностей понимания текстов на ФЯ, определение стратегий по отбору аудиотекстов.

На данном этапе преподаватель предлагает студентам изучить теоретический материал по обучению аудированию, механизмам, обеспечивающим его эффективность. Проникнувшись идеей сложности функционирования процесса аудирования, обучающиеся признают необходимость развития речевого слуха и памяти, внимания, а также осознают роль умения вероятностного прогнозирования

как важного компонента успешного понимания, степень развития которого определяется рядом параметров, в том числе и наличием богатого аудитивного опыта.

Для определения трудностей понимания звучащей речи преподаватель рекомендует прежде всего обратиться к учебникам и научным исследованиям, а также прослушать подобранные им материалы для формирования собственного списка трудностей, который выносится на коллективное обсуждение.

На втором этапе преподаватель организует беседу-обсуждение возможных критериев для подборки аудиотекстов: наличие визуальной поддержки, привлекательность материала (определяется по названию), его продолжительность, качество звука, отсутствие ненормативности, валидность интернет-источника отбора. Студенты анализируют важность данных критериев и добавляют собственные значимые критерии: степень развития собственной аудитивной способности; наличие свободного времени; наличие комментариев (или реферата) к аудиовизуальному материалу; вид представления материала (репортаж, интервью и т.п.). В результате обсуждения основной тематикой для автономного аудирования обучающимися обозначены собственные интересы и увлечения, затем актуальные и сенсационные события современной жизни, тематика учебника.

Итогом данного этапа становится самостоятельная подборка каждым обучающимся аудиоматериалов, их представление в группе с объяснением выбора тематики, критериев отбора и возможных трудностей понимания. В группе обсуждается успешность/ неуспешность подборки.

Третий этап — формирование и развитие индивидуальных аудитивных стратегий — основан преимущественно на эвристическом методе обучения, который предполагает формирование и формулирование самим студентом стратегий (шагов) для успешности осуществления аудирования на основе принципа автономии. На этом этапе преподаватель обеспечивает обучающимся регулярное обращение к самостоятельному (автономному) аудированию, сопровождающемуся выявлением стратегий успешного понимания текстов на ИЯ, предлагаемых учебником, с целью их возможного индивидуального использования, а также формирования и развития собственных стратегий аудирования.

На данном этапе студентам предлагается, основываясь на заданиях по аудированию базового учебника, а также учебника, пройденного в школе, или других учебных пособий, выявить основные стратегии, определяемые авторами для успешного восприятия и понимания речи на ИЯ. Итогом беседы-обсуждения с демонстрацией заданий учебных пособий для повышения эффективности стратегий аудирования является принятие решения о возможности их использования каждым из студентов при автономном аудировании как базы для формирования собственных аудитивных стратегий. В рамках данной беседы студенты, проанализировав свой собственный аудитивный опыт, представляют свои стратегии по пониманию звучащей речи на ИЯ.

Ознакомление с тремя группами умений САА, выделенными в [15], преподаватель сопровождает анкетированием студентов с целью определения исходного и итогового (по окончании опытно-экспериментального обучения) уровня развития данных умений.

В рамках автономного аудирования студенты слушают с целью понимания и участия в коллективных работах группы (создание аудиоситографии по темам базового учебника, постоянный взаимообмен и обсуждение актуальных аудионОВОСТЕЙ), а также участвуют в обсуждениях просмотренных фильмов, материалов по отдельным темам и проблемам. Задачей каждого обучающегося на данном этапе является активное участие в беседах, обсуждениях, демонстрирующих владение информацией прослушанных аудиоматериалов, ее интерпретация на занятиях. При этом между обучающимися происходит регулярный обмен мнениями по использованию эффективных стратегий для наиболее полного понимания материала. Следует отметить важность роли преподавателя на этом этапе и необходимость использования им стратегий побуждения студентов к самостоятельному прослушиванию, которые условно можно поделить на две подгруппы:

— стратегии постоянного действия, определяющие регулярные действия обучающихся в области аудитивной деятельности (подборка аудиоматериалов для аудиотеки базового учебника; обсуждение художественных, документальных и мультипликационных фильмов на ИЯ; обмен аудиовизуальной информацией, обнаруженной студентами в сети Интернет, исходя из своих личных интересов и предпочтений);

— стратегии разового действия, обеспечивающие выполнение определенного задания в аудитивной деятельности обучающихся (обсуждение сенсационных событий и явлениях, вызывающих споры и неоднозначные толкования; актуальные новости различных сфер жизни).

Заключение

Эффективность технологии формирования и развития САА у студентов языкового вуза на начальном этапе обучения подтверждена результатами опытно-экспериментального обучения на базе ИИЯ МГПУ в 2012–2014 гг., в котором приняли участие 53 студента 1-2 курсов.

Данная технология представлена тремя этапами, каждый из которых базируется на определенных методах и приемах. Так, первый этап соотносится с исследовательским методом, реализуемым благодаря использованию таких приемов, как дискуссия, беседа, анкетирование, прохождение тестов, хронометрирование и анализ (самоанализ). Второй этап связан с методом проблемного изложения и приемами теоретического и практического обобщения, анализа, обобщения коллективного и индивидуального опыта. Третий этап базируется на эвристическом методе, воплощенном на практике при помощи таких приемов, как обсуждение-беседа, анализ (самоанализ), коррекция (самокоррекция).

Формирование способности к автономному аудированию и ее развитие происходит в течение трех этапов по трем уровням, скорость прохождения которых будет разной для каждого обучающегося. Ключевым критерием для детализации уровней данной способности (низкого, среднего и высокого) выступила степень мотивации обучающегося. Способность к автономному аудированию представлена аффективным, личностным, иницирующим, инструментальным, когнитивным, продуктивным, рефлексивным, целеполагающим компонентами. Вы-

сокий уровень способности к автономному аудированию определяется количеством освоенных умений, а также успешностью их применения на практике.

Высокий уровень сформированности САА способствует не только формированию положительного отношения к аудитивной деятельности на ИЯ и совершенствованию аудитивной способности студентов, но и развитию иноязычной коммуникативной компетенции в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Трофимова И.Д.* Методика формирования стратегий автономного чтения студентов языкового вуза (Немецкий язык, I курс): дисс. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2003. 222 с.
- [2] *Апанович Е.В.* Методика формирования учебного умения самостоятельно активизировать языковой материал: Начальный этап, языковой вуз: дисс. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2003. 189 с.
- [3] *Биккулова Г.Р.* Методика дистанционного формирования коммуникативной компетенции студентов естественных факультетов университета (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2008. 21 с.
- [4] *Тарева Е.Г.* Концепция развития учебно-познавательной самостоятельности студентов. Иркутск: ИГЛУ, 2003. 24 с.
- [5] *Гаврилюк О.А.* Педагогические условия формирования готовности будущего преподавателя к профессиональной автономии: дисс. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2005. 133 с.
- [6] *Тулнина О.В.* Методическая организация обучения аудированию в условиях индивидуализации (начальный уровень краткосрочного обучения английскому языку по методу активизации возможностей личности и коллектива): дисс. ... канд. пед. наук. М., 2004. 228 с.
- [7] *Бржозовская К.М.* Методика обучения аудированию полемических текстов студентов старших курсов языкового педагогического вуза): дисс. ... канд. пед. наук. М., 2003. 133 с.
- [8] *Киронова М.С.* Речеведческие основы аудирования учебных лекций языкового профиля: дисс. ... канд. пед. наук. Самара, 2002. 233 с.
- [9] *Абрамовская Н.Ю.* Выявление трудностей при обучении аудированию, обусловленных стилевой принадлежностью звучащих текстов: на материале английского языка для младших курсов языкового вуза: дисс. ... канд. пед. наук. М., 2000. 166 с.
- [10] *Колесникова Е.А.* Обучение аудированию с письменной фиксацией существенной информации студентов первого курса языкового педагогического вуза (английский язык): дисс. ... канд. пед. наук. М., 2009. 240 с.
- [11] *Хуторской А.В.* Современная дидактика. М.: Высшая школа, 2007. 639 с.
- [12] *Шукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. 746 с.
- [13] *Лернер И.Я.* Дидактические основы формирования познавательной самостоятельности учащихся при изучении гуманитарных дисциплин: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 1971. 38 с.
- [14] *Скаткин М.Н.* Руководство самообразованием школьников: Из опыта работы. М.: Просвещение, 1983. 143 с.
- [15] *Дудушкина С.В.* Интегральные составляющие способности к автономному аудированию студентов, изучающих иностранный язык // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец: ЧГУ. 2014. № 8. С. 112–115.

© Дудушкина С.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16 августа 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Дудушкина С.В. Технология формирования способности к автономному аудированию у студентов 1-2-х курсов языкового вуза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 1. С. 66—76.

Сведения об авторе:

Дудушкина Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: методика преподавания иностранных языков, обучение аудированию. Автор более 10 научных публикаций. Контактная информация: e-mail: Sepia3@yandex.ru

TECHNOLOGY OF FORMING THE ABILITY FOR AUTONOMOUS LISTENING OF LANGUAGE UNIVERSITY STUDENTS OF 1-2 YEAR

S.V. Dudushkina

Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University
2-oj Sel'skoxozajstvennyj proezd, d. 4, k. 1, Moskva, Russia, 129225

In the present article the high degree of self-dependence and capability for self-knowledge and self-improvement of the students is considered as a differential characteristic of the present step of higher education development. During the analysis of scientific researches the necessity of students autonomy during language courses was found out. For the first time the author defines the principle of students autonomy as basis of autonomous listening in educational process. The author proves the necessity of autonomy principle actualization in forming capability for listening by widening international cooperation, requirements of program documents and information technology. On the basis of the conducted research the author provided the technology of forming the capability for autonomous listening of students during basic language course. The principles, the methods, the strategies and the means of forming the capability for autonomous listening are presented in this article. The author distinguishes successive steps of cooperation between teacher and student defining common strategies of teacher which stimulate students for autonomous listening of audio materials for the purpose of self-consistent comprehension and information processing, and also for potential forms of self- and inter-control in order to establish a high level of using the skills of autonomous listening in educational process.

Key words: students' autonomy principle, autonomous listening comprehension, ability to autonomous listening, listening comprehension ability, success of foreign-language education

REFERENCES

- [1] Trofimova I.D. Metodika formirovaniya strategiy avtonomnogo chteniya studentov yazikovogo vuza (nemesckiy yazik, I kurs) [Methods of forming the strategies of autonomous reading of students of language universities]: diss. ... kand. ped. nauk [Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. Ulan-Ude, 2003. 222 p. (in Russ)

- [2] *Apanovich E.V.* Metodika formirovaniya uchebnogo umeniya samostoyatel'no aktivizirovat' yazikovoy material: nachal'niy etap, yazikovoy vuz [Methods of forming the educational ability for autonomous activization of language material]: diss. ... kand. ped. nauk [Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. Irkutsk, 2003. 189 p. (in Russ)
- [3] *Bikkulova G.R.* Metodika distanscionnogo formirovaniya kommunikativnoy kompetenscii studentov yestestvennix fakul'tetov universiteta (na material'e angliyskogo yazika) [Methods of distant forming the communicative competence of students of science faculty (on basic of English language)]: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk [Synopsis of Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. Saint-Petersburg, 2008. 21 p. (in Russ)
- [4] *Tareva E.G.* Konsepcsiya razvitiya uchebno-poznavatel'noj samostoyatel'nostu studentov [The conception of educational autonomy development of students]. Irkutsk, 2003. 24 p. (in Russ)
- [5] *Gavrilyuk O.V.* Pedagogicheskiye usloviya formirovaniya gotovnosti buduchhego prepodavatel'a k professional'noj avtonomii [Pedagogic conditions of forming the readiness of future teacher for professional autonomy]: diss. ... kand. ped. nauk [Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. Irkutsk, 2005. 133 p. (in Russ)
- [6] *Tunina O.V.* Metodicheskaya organizatsiya obucheniya audirovaniyu v usloviyax individualizatsii (nachal'niy uroven' kratkosrochnogo obucheniya angliyskomu yaziku po metodu aktivizatsii vozmozhnostej lichnosti i kollektiva) [Methodic organization of comprehension education in the conditions of individualization]: diss. ... kand. ped. nauk [Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. M., 2004. 228 p. (in Russ)
- [7] *Brjuzovskaya K.M.* Metodika obucheniya audirovaniyu pol'emicheskix tekstov studentov starshix rursov yazikovogo vuza [Methods of comprehension education of polemic texts of students of advanced level in language pedagogic universities]: diss. kand. ped. nauk [Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. M., 2003. 133 p. (in Russ)
- [8] *Kironova M.S.* Rechevedcheskiye osnovi audirovaniya uchebnix lektsij yazikovogo profil'a [Speech studies basis of comprehension of educational language lectures]: diss. ... kand. ped. nauk [Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. Samara, 2002. 233 p. (in Russ)
- [9] *Abramovskaya N.Yu.* Viyavleniye trudnostej pri obuchenii audirovaniyu, obuslovlennix stilevoj prinadlejnost'yu zvuchachhix tekstov: na material'e angliyskogo yazika dl'a mladshix kursov yazikovogo vuza [The detecting of difficulties during the comprehension education based on stylistic tenancy of the texts: based on the English language material for junior language university students]: diss. ... kand. ped. nauk [Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. M., 2000. 166 p. (in Russ)
- [10] *Kolesnikova E.A.* Obucheniye audirovaniyu s pis'mennoj fiksatsiyej suchhestvennoj informatsii studentov pervogo kursa yazikovogo pedagogicheskogo vuza (angliyskij yazik) vuza [The comprehension education with written fixation of essential information of junior pedagogic language university students]: diss. ... kand. ped. nauk [Thesis for a Master's Degree in Pedagogy]. M., 2009. 240 p. (in Russ)
- [11] *Xutorskoj A.V.* Sovremennaja didaktika [Contemporary didactics]. M.: Vyschaja shkola, 2007. 639 p. (in Russ)
- [12] *Chhukin A.N.* Lingvodidakticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguvodidactics encyclopaedic dictionary]. M.: Astrel: AST: Chranitel, 2008. 746 p. (in Russ)
- [13] *Lerner I.Ya.* Didakticheskiye osnovy formirovaniya poznavatel'noj samostoyatel'nostu uchachhixsa pri izuchenii gumanitarnyx discipline [Didactics' main forms of forming the independent work of students while studying humanitarian disciplines]: avtoref. diss. ... d-ra ped. nauk [Synopsis of Thesis for a Doctor's Degree in Pedagogy]. M., 1971. 38 p. (in Russ)
- [14] *Skatkin M.N.* Rukovodstvo samoobrazovaniem shkol'nikov: iz opyta raboty [The direction for schoolboy's autoeducation]. M.: Prosvechhtnije, 1983. 143 p. (in Russ)
- [15] *Dudushkina S.V.* Integral'nye sostavljajushhiye sposobnosti k avtonomnomu audirovaniyu studentov, izuchajuchhix inostrannyj yazyk [The integral components of ability for autonomous listening of students studying a foreign language]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Cherepovets state university]. Cherepovets, 2014. No. 8. Pp. 112–115. (in Russ)

Article history:

Received: 16 august 2016

Accepted: 20 november 2016

For citation:

Dudushkina S.V. (2017) Technology of forming the ability for autonomous listening of language university students of 1-2 year. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages of Research and Teachin*, 15 (1), 66–76.

Bio Note:

Dudushkina Svetlana Viktorovna, PhD (Pedagogy), senior assistant professor of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, Moscow state pedagogical university. *Sphere of scientific interest*: methodology of teaching languages, listening comprehension teaching. *E-mail*: Sepia3@yandex.ru

УДК 81'243

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-77-90

АУДИТОРНЫЙ ДИСКУРС КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА ПО РАЗВИТИЮ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ИНОФОНА

Х. Чайлак, Л.П. Мухаммад

Караденизский технический университет, Трабзон, Турция
Трабзон, Турция, 61080

Проблематика данной статьи связана с созданием инновационных технологий обучения, а именно с личностно ориентированным преподаванием русского языка иностранцам. Актуальность работы состоит в исследовании аудиторного дискурса как инновационной площадки для развития гармоничной языковой личности в учебном процессе на неродном языке. Результатом данного исследования является создание инновационной антропологически ориентированной обучающей модели по русскому языку для турецких студентов начального этапа обучения. Уникальность данной модели в том, что исходной точкой ее конструирования является личность, языковая личность учащегося-инофона в его коммуникативном взаимодействии с иными участниками коммуникативного акта, в том числе и преподавателем. Цель работы — показать, как учет особенностей дискурса стимулирует методиста к осуществлению стратегии обучения, основанной на реальном коммуникативном взаимодействии преподавателя и студента. Основными методами исследования являются методы практического характера: наблюдение за коммуникативным взаимодействием участников учебного процесса, беседы со студентами и преподавателями, обобщение личного практического опыта в учебной аудитории. Материалом исследования является реально протекающий в аудитории турецких студентов учебный процесс обучения русскому языку, а также видео- и аудиозаписи данного процесса.

Новизна исследования состоит в том, что авторы находят интегральные и дифференциальные признаки педагогического/аудиторного дискурса, протекающего в турецкой аудитории. Выделение данных признаков может помочь методисту использовать феномен аудиторного дискурса в качестве инновационной площадки для создания принципиально новых методик, в том числе и методик, основанных на сконструированной нами обучающей модели, ориентированной на языковую личность турецкого студента начального этапа обучения.

В исследовании выявлен некоторый минимум весьма важных для лингводидактики дифференцирующих компонентов аудиторного дискурса, развертывающегося в аудитории турецких студентов начального этапа обучения. Данная работа позволяет сделать вывод о целесообразности дальнейшего изучения аудиторного дискурса с точки зрения перспектив развития языковой личности инофона.

Ключевые слова: аудиторный дискурс, турецкие студенты, личностно значимое обучение, коммуникативное взаимодействие

Введение

Предмет нашего исследования — аудиторный дискурс как инновационная площадка в целях формирования и развития языковой личности инофона — турецкого студента, начинающего изучать русский язык (РЯ).

Актуальность данного исследования состоит в потребности современной лингводидактики, в частности методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ), в эффективной обучающей модели применительно к начальному этапу обучения. Данная модель, как мы полагаем, может быть создана с привлечением инструментария современной коммуникативной лингвистики, а именно с учетом в процессе моделирования особенностей аудиторного дискурса, развертывающегося в конкретной иностранной аудитории, в нашем случае — в аудитории турецких студентов начального этапа обучения.

Безусловно, решение проблем повышения эффективности учебного процесса на начальном этапе обучения в методике преподавания иностранных языков (ИЯ), в том числе и русского как иностранного, было актуальным во все периоды становления и развития данной науки. Так, в период главенствования грамматико-переводного метода весьма остро стояла проблема формирования умений и навыков устной речи, в период «процветания» прямого метода возникла проблема осознанного употребления единиц языка и речи в учебном процессе по ИЯ/РКИ и, наконец, все эти проблемы, казалось, были решены при использовании современных методов, реализуемых на основе системно-функционального интегрирования учебных материалов коммуникативно-деятельностного и коммуникативно-поведенческого подходов к обучению [1–8]. Однако, несмотря на мощнейший методологический и методический аппарат (в том числе и существенно значимый психолингвистический компонент), которым обеспечена современная российская лингводидактика, в рамках ее практической реализации до сих пор не разрешены как минимум следующие проблемы: 1) эффективный в настоящее время феномен «коммуникативно-деятельностное обучение» многие преподаватели интерпретируют, как нам кажется, весьма странно: так, мы не однажды слышали от своих коллег, что ошибки на начальном этапе исправлять не нужно, поскольку такое исправление мешает коммуникации, учащиеся после этого боятся говорить; 2) употребление в лингводидактике термина «субъект обучения» часто носит декларативный характер, особенно это касается учащихся начального этапа обучения в силу специфики данного контингента; 3) языковой материал начального этапа обучения не дифференцирован по признаку рецепция/продукция, что существенно тормозит коммуникативно-языковое продвижение учащегося «по индивидуальной траектории». Предлагаемый нами ниже вариант коммуникативно-деятельностной модели обучения призван если не в полной мере, то хотя бы частично решить поставленные проблемы.

В качестве *методологической основы* для построения высокоэффективной обучающей модели мы используем один из вариантов коммуникативно-деятельностной модели, базирующийся на трех взаимосвязанных принципах: 1) антропологическом; 2) коммуникативном; 3) когнитивном [3; 7]. Наш вклад в лингводидактику как науку на современном этапе ее развития состоит в переосмыслении значимости основополагающих принципов с выделением в качестве базового антропологического принципа. Таким образом, личность, языковая личность (ЯЛ), с ее субъектным статусом становится центром, исходным компонентом обучающей модели. Предлагаемая исследовательская стратегия позволяет нам строить методику на основе индукции: *от ЯЛ — через образующийся в общении*

дискурс — к обобщению практического и теоретического опыта. Предлагаемая модель верифицирована практикой преподавания РЯ в иностранной аудитории [6; 7], а также обогащена данной практикой с рассмотрением аудиторного дискурса в качестве инновационной площадки для развития ЯЛ инофона, в нашем случае — турецкого студента начального этапа обучения.

Цель

Цель данной работы — сконструировать современную эффективную обучающую модель на основе инновационной площадки, образующейся в процессе развертывания аудиторного дискурса в учебном общении турецких студентов начального этапа обучения. Данная инновационная площадка образуется в результате реального (а не формального, как это часто бывает) коммуникативного взаимодействия преподавателя и студента, поскольку стимулирует методиста, преподавателя к реализации стратегий обучения, соответствующих личности, ЯЛ студента. Таким образом, в качестве целевой модели мы видим трехкомпонентную модель, на одном полюсе представленную антропологическим принципом (в его взаимодействии с коммуникативным и когнитивным), на другом — реальной ЯЛ иностранного (турецкого) студента, в центре же — аудиторным дискурсом, представляющим результат взаимодействия всех иных компонентов модели, прежде всего результат взаимодействия участников учебного общения. При таком подходе образующийся в процессе коммуникативного взаимодействия аудиторный дискурс становится, во-первых, инновационной экспериментальной площадкой по созданию новых методик обучения, во-вторых (как результат), реальным инструментом достижений иностранных (турецких) учащихся при формировании их ЯЛ, включая также и овладение ими РЯ.

Материалы и методы

При определении признаков и параметров аудиторного дискурса в качестве основного метода мы использовали метод обобщения собственного педагогического опыта в аудитории турецких студентов начального этапа обучения. Безусловно, этот метод использовался наряду с иными методами исследования практического характера: наблюдением за реальным учебным процессом и развитием аудиторного дискурса, беседой с учащимися и преподавателями-коллегами, опросом учащихся, методом интроспекции. Однако на методологическом уровне исследования возникла необходимость в применении методов теоретического характера: индуктивно-дедуктивного метода, метода анализа и синтеза и, безусловно, метода моделирования.

В качестве материалов исследования послужили: а) сценарий учебного пособия по РЯ (русскому языку) «Скоморошина. Или приключения Боря...» [6]; б) видео- и аудиозаписи занятий по РЯ в аудитории турецких студентов, начинающих изучать РЯ.

Наш многолетний опыт работы в учебной аудитории иностранных (в том числе турецких) студентов показал, что наиболее эффективным вариантом коммуникативно-деятельностной методики является вариант, учитывающий именно

антропологический принцип как базовый при построении обучающей модели. Это позволило нам как методистам и преподавателям РКИ пойти в обучении от личности, ЯЛ учащегося (а не от теории). В процессе исследования мы обнаружили, что успех (или неуспех) учащихся в учебном общении (в коммуникативном взаимодействии преподавателя и студента) во многом зависит от таких его природных качеств, как экстраверсия/интроверсия. Эти личностные свойства человека связаны прежде всего с его природной стороной, на что указывал еще К.Г. Юнг [9]. Методика, основанная на антропологическом принципе как базовом, была описана нами в прежних, ориентированных на ЯЛ, работах [7; 10]. Как показывает практика преподавания РКИ в иностранной аудитории, указанные выше явления универсальны и относятся в том числе к турецким студентам. Однако практика также показывает, что одних только методических инструментов, включая методы, для развития и совершенствования предлагаемой нами модели недостаточно. Развитие и совершенствование предлагаемой методики мы видим в привлечении в методический конструкт психолингвистического и лингвистического инструментария, в частности, таких феноменов, как дискурс, педагогический дискурс, аудиторный дискурс. Именно данные феномены позволяют нам дифференцировать при обучении турецких студентов весьма важные понятия: с одной стороны, текст [4; 5; 7; 10–12], с другой — дискурс [12–21] в целях использования последнего с его гибкими и «мимолетными» характеристиками в качестве экспериментальной, инновационной, площадки для выявления необходимых параметров коммуникативного взаимодействия студента и преподавателя в целях создания эффективной обучающей модели и, как результат, эффективной ЯЛ студента, способной осуществлять коммуникацию на РЯ по оптимальным параметрам.

Результаты

Поиск эффективной в отношении турецкого студента обучающей модели, а также исследование в данном процессе особенностей аудиторного дискурса, его признаков и параметров, способствующих (или тормозящих) развитие ЯЛ данного студента, позволил построить высокоэффективную развивающую систему обучения, в процессе реализации которой формируется гармоничная ЯЛ студента, способная эффективно и грамотно общаться на РЯ; раскрывается творческий потенциал ЯЛ, прежде всего применительно к усвоению особенностей коммуникации на РЯ; происходит перенос умений эффективно общаться на РЯ в сфере речевой деятельности (РД) на родном языке.

Обсуждение

Из затрагиваемых в исследовании проблем и способов их решения наиболее актуальными и дискуссионными, на наш взгляд, являются следующие. Первая проблема, вызывающая множество дискуссий, связана с коммуникативно-деятельностной лингводидактикой, которая в идеале рассматривает личность студента в качестве субъекта учебной деятельности (поскольку базовым термином данного направления методической науки является термин «деятельность»). Без-

условно, осуществление деятельности, общения как деятельности невозможно без носителя этой деятельности, в частности личности/ЯЛ учащегося [1–7; 10]. Однако часто при практическом осуществлении рассматриваемой модели (в силу множества различных обстоятельств) получается так, что свой субъектный статус реализует в основном преподаватель, а студент его либо совсем не реализует, либо реализует минимально. Особенно это касается начального этапа обучения. При всей эффективности традиционной коммуникативно-деятельностной модели (при ее психолингвистической и собственно методической разработанности) она тем не менее уязвима с точки зрения реализации в ее рамках именно субъектного статуса студента. Практика показывает, что компонент «студент как субъект изучения РКИ» в целом носит декларативный характер. В силу сказанного уже на уровне методологии следует заложить такой базовый принцип, который обязывает методистов, авторов программ и учебников, а также преподавателей строить учебный процесс не «сверху» («от теорий», даже если они верифицированы и успешны), «а снизу» («от студента», от его личностных особенностей, от особенностей ЯЛ). В качестве такого базового принципа мы предлагаем принцип антропологический (в его взаимосвязи с иными методическими принципами) [7; 10].

Вторая проблема, вызывающая множество дискуссий, связана с лингвистическим и лингводидактическим понятием «дискурс». Как известно, ни в лингвистике, ни в лингводидактике это понятие окончательно не сформировалось, а термин, его обозначающий, зачастую носит расплывчатый характер [14]. Мы же в своей работе опираемся на понимание этого термина такими учеными, как Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Ю.Е. Прохоров, Х.И. Мухаммад и др. [12; 13; 15–21].

Поскольку нас интересуют и такие производные термина «дискурс», как «аудиторный дискурс» и «педагогический дискурс», в данной работе коснемся также и этих терминов.

Так, по Н.Д. Арутюновой, дискурс — это связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [13]. Анализируя данное определение, мы приходим к выводу, что Н.Д. Арутюнова подходит к дискурсу со стороны текста.

Совсем с иной точки зрения (чем это предлагает Н.Д. Арутюнова) рассматривает феномен дискурса Ю.Е. Прохоров. Он предлагает модель дискурса «от действительности» [12]. Насколько мы понимаем, данная «действительность» может быть представлена (зафиксирована) как вербальными, так и невербальными средствами общения. В связи со сказанным дискурс, его содержание и структура зависят в том числе и от речи участников коммуникации, а последняя (речь), в свою очередь, зависит от множества компонентов ситуации общения: от темперамента и типа личности говорящих, от способа протекания речевого действия, поступка, от того или иного отрезка времени, в рамках которого протекает нарождающийся и совершенствующийся дискурс.

Новый подход характеризует исследование Х.И. Мухаммада. Ученый не видит во взглядах на дискурс Н.Д. Арутюновой и Ю.Е. Прохорова существенных противоречий. Принимая во внимание такой критерий, как рецепция/продукция

при порождении и протекании дискурса, исследователь полагает, что Н.Д. Арутюнова подходит к феномену дискурса со стороны рецепции, т.е. со стороны восприятия «текста» как изначально структурированного и оформленного по специальным правилам источника информации. Ю.Е. Прохоров же подходит к дискурсу с противоположной стороны, а именно со стороны ЯЛ, порождающей речь, а точнее, дискурс [12; 13; 18]. На наш взгляд, такой подход (когда мы дифференцируем различные модели феномена «дискурс» исключительно в аспекте его рассмотрения) совершенно справедлив, однако только при условии, когда автор, производитель дискурса, осуществляет речевую деятельность (РД), а именно спланированное и развивающееся по правилам порождения текста «речетворчество». Именно в этом случае дискурс, по сути, допустимо определить как «*текст* с учетом самых разнообразных экстралингвистических факторов и характеристик». Таким образом, дискурс, представленный формулой «текст плюс...», моделирует ситуацию, которую допустимо представить через «деятельностные» (поведенческие) характеристики ЯЛ, а именно: речевые действия продуцирующей дискурс ЯЛ определяются динамикой ее сознания, в котором аккумулируется определенное представление о тексте; данный «текст» (в нашем случае виртуальный) актуализируется и вербализуется в соответствии с коммуникативным намерением, а также с условиями протекания коммуникативного акта.

Иная ситуация складывается при условии, если речь участников коммуникации не запланированная, если она спонтанна и свободна, в том числе и от обязательств классического «текстообразования», правил речевой культуры и т.д. В данном случае дискурс в понимании Ю.Е. Прохорова и Х.И. Мухаммада в принципе отличается от дискурса в понимании Н.Д. Арутюновой. В связи со сказанным, как мы полагаем, в качестве наиболее корректного определения дискурса можно рассматривать следующее: дискурс — это актуализированная действительность, представленная эксплицитными и имплицитными средствами общения [18].

Именно в последнем случае явление дискурса — это не совсем то, что называют «текст плюс...», а возможно, это и весьма далеко от феномена «текст плюс...».

Мы, безусловно, понимаем, что сформулированный выше вывод может стать исходной позицией для новой дискуссии в лингвистике; однако здесь наша цель не чисто лингвистическая, а в большей мере прикладная: именно таким образом мы хотим подойти к решению наших лингводидактических задач и прежде всего к нашим базовым понятиям — «аудиторный дискурс» и «педагогический дискурс».

Как мы думаем, представленные выше взгляды на дискурс позволяют нам рассмотреть понятия «аудиторный дискурс» и «педагогический дискурс» с помощью характеристик вступающей в коммуникацию ЯЛ, а именно *адресанта* и *адресата* в их коммуникативном взаимодействии. Разумеется, при порождении речи адресант — это пишущий/говорящий в общении (в идеальном случае — в коммуникативном взаимодействии), а адресат — воспринимающий («реципирующий»).

В целом, мы опираемся на понимание аудиторного дискурса, предложенное Х.И. Мухаммадом: *аудиторный дискурс* — это дискурс, который реализуется в аудитории, в коммуникативном взаимодействии [18]. С другой стороны, в со-

временной лингвистике существует и еще одно, казалось бы, синонимичное понятие, а именно понятие «педагогический дискурс» [15; 16; 18]. Педагогический дискурс, по В.И. Карасику, это разновидность институционального дискурса. А если институциональный дискурс — это, по сути, фиксирование разнообразными коммуникативными средствами трудовой деятельности, следовательно, педагогический дискурс — это не что иное, как фиксирование разнообразными по своей природе коммуникативными средствами (и не только вербальными средствами) коммуникативной деятельности участников учебного процесса. Все сказанное позволяет согласиться с точкой зрения Х.И. Мухаммада, что понятие «аудиторный дискурс» более широкое, чем понятие «педагогический дискурс» (поскольку оно учитывает все и лингвистические, и экстралингвистические характеристики аудитории). В практике речепорождения (в подавляющем большинстве случаев, однако, не всегда) феномен «педагогический дискурс» — это некоторая часть аудиторного дискурса. Безусловно, с данными утверждениями лингвистов [18] мы согласны, тем не менее, хотелось бы проанализировать их утверждения с позиции современной лингводидактики. Прежде всего, используя дифференцируемые выше понятия, мы хотели бы выяснить плюсы и минусы двух, весьма различных по своей «идеологии», педагогических стратегий:

— стратегии, ориентирующейся на жесткий стиль развития образовательного дискурса. В этом случае участники учебного процесса, а именно и преподаватель, и студент могут быть представлены моделью *педагогического дискурса*.

— стратегии, ориентирующейся на «не жесткий» (ниже мы попытаемся определить, какой именно) стиль развития образовательного дискурса. В этом случае участники учебного процесса, а именно и преподаватель, и студент могут быть представлены моделью *аудиторного дискурса*.

Выше с помощью феномена «дискурс» мы частично описали «жесткость» / «нежесткость» как критерии реализации двух (противоположных по своей сути) педагогических стратегий, в результате которых формируется в одном случае педагогический, в другом — аудиторный дискурс. Безусловно, каждому из этих двух типов дискурса присущи свои отличительные признаки. Так, педагогический дискурс в силу жесткости его реализации строго организован и структурирован, т.е. обладает жесткой структурой. По данному признаку педагогический дискурс приближен к тексту и в своем инварианте (по признаку «текст/дискурс») обладает всеми теми характеристиками, которые свойственны тексту: завершенностью, цельностью, структурированностью, связностью и т.д. [4; 11; 13; 15; 16; 18]. Педагогический дискурс — это дискурс, который, в отличие от текста, можно охарактеризовать по Н.Д. Арутюновой: «текст плюс...». Аудиторный же дискурс может быть самым разнообразным по способам своего развертывания и, следовательно, по своей структуре. Он происходит в учебной аудитории, которая по определению включает преподавателя как одного из участников (и в той или иной мере организатора) учебного процесса, следовательно, как мы уже отмечали, в его структуру в качестве компонента входит и педагогический дискурс. Этот компонент может быть центральным, системообразующим, а может быть и «локальным», «периферийным». В первом случае аудиторный дискурс (с учетом степени жесткости его развертывания) допустимо характеризовать по Н.Д. Арутюновой.

Во втором случае его можно охарактеризовать с помощью самых различных признаков: 1) наиболее обобщенный вариант — «нежесткость структуры»; 2) конкретизированные варианты: а) спонтанность и гибкость структуры (при сохранении такой его характеристики, как цельность), б) спонтанность и «мозаичность» структуры (при сохранении такой его характеристики, как цельность), в) спонтанность и «мозаичность» структуры (без сохранения цельности самого дискурса). Под понятием «мозаичность структуры» мы понимаем такую структуру спонтанного и в целом «неорганизованного» дискурса, в которую включены «организованные речевые микрообразования» (по сути, микротексты), а также иного рода составные части.

Таким образом, в содержание *аудиторного дискурса* входят все обнаруженные с помощью современного научного аппарата компоненты разветвляющегося в аудитории реального учебного процесса; в содержание *педагогического дискурса* — эксплицитно и имплицитно представленные единицы, организованные на основе первоначального (заранее подготовленного) плана преподавателя. Уместность данных единиц оценивается первоначальным (входящим в структуру «плана») критерием педагогической целесообразности.

С позиции психологических и педагогических теорий мы не можем оценить роль феномена аудиторного дискурса, поскольку в данных науках такого серьезно проработанного и теоретически выверенного понятия не существует. Однако дать оценку некоторым базовым компонентам данного понятия (в теоретическом его смысле) мы, вслед за учеными, можем. Так, по мнению А.А. Леонтьева, такой компонент учебного общения, как спонтанные творческие действия, заслуживает особого внимания исследователей [3]. Исходя из данных, с одной стороны, лингвистики и лингводидактики, с другой — психологии и педагогики, мы полагаем, что только интегрированный подход к исследованию аудиторного дискурса позволит определить его природу, а также природу его главных отличительных компонентов — спонтанности и воле к новизне, творчеству.

Рассмотрим все сказанное на примерах реализации педагогического/аудиторного дискурса в учебном процессе турецких студентов-филологов начального этапа обучения РЯ (русскому языку).

На практике в аудиторном/педагогическом дискурсе в качестве адресанта обычно выступает методист (как автор учебника, или учебного материала в рамках избранной педагогической концепции); преподаватель, главными функциями которого является объяснение (в том числе и описание) всего того, что необходимо усвоить студенту при формировании его коммуникативной компетенции, и организация учебного процесса. Адресатом в нашем случае является турецкий студент, начинающий изучать РЯ. Так, адресант-методист в педагогическом дискурсе может реализовываться, с одной стороны, через учебную РД, предусмотренную коммуникативно-деятельностной моделью обучения РКИ, с другой — посредством национально ориентированного учебного пособия, в данном конкретном случае — посредством созданного нами учебного пособия «Скоморошина. Или приключения Боры. Урок-спектакль» [6].

Учебное пособие «Скоморошина. Или приключения Боры. Урок-спектакль» реализует все ту же коммуникативно-деятельностную модель обучения, однако

по-новому: с учетом базового антропологического принципа, ориентирующего педагога на ЯЛ турецкого студента, начинающего изучать РЯ. Например, при создании рассматриваемого пособия нами, авторами, учитывалось такое яркое свойство национальной/турецкой ЯЛ, как экстраверсия [6; 9; 10].

Исходя из экстравертивного способа общения турецкой ЯЛ, мы организовали учебное пособие таким образом, чтобы студент мог усваивать РЯ в непринужденном общении. Ниже приведем пример микродиалога рассматриваемого учебного пособия.

БУКВА О: Мой папа Алфавит знает всё! А я его дочка! Маленькая точка!

БОРА: Какая ты круглая!

БУКВА О: Спасибо за комплимент!

БОРА: Пожалуйста, извини! Я не это хотел сказать. Я плохо говорю по-русски [6].

Обратим внимание, что в данный (необычный, сказочный и веселый по своему характеру) диалогический «микротекст» включены далеко не случайные с точки зрения коммуникативно-деятельностной модели реплики: включенный в микротекст языковой материал — это материал, представляющий фрагмент «коммуникативно-деятельностной основы обучения» [5].

Адресант-преподаватель в рамках рассматриваемого педагогического дискурса призван вывести ЯЛ студента сначала на уровень рецепции (чтения и понимания данного микротекста), затем на уровень репродукции (репродуцирование реплик микродиалога), а в конечном итоге — на уровень продуцирования, что связано с формированием умений коммуникативного взаимодействия в заданных условиях. Все это при жестком исполнении «сценария» учебной деятельности и будет представлять «организованную речь» в учебных условиях, т.е. педагогический дискурс.

Адресант-преподаватель, не жестко следующий «задуманному плану», на каждом шагу его исполнения будет допускать в развивающемся аудиторном дискурсе различного рода коммуникативные «вольности», спонтанно возникающие в процессе его взаимодействия со студентами. Например: студентка, исполняющая роль БУКВЫ О, приносит в учебную аудиторию подушку и «оформляет» с ее помощью свою фигуру. В турецкой аудитории начального этапа обучения, привыкшей со школьной скамьи к различного рода «строгостям», сначала возникает замешательство, а затем, при поддержке «виновной» преподавателем, возникает и развивается нестандартная для турецкой аудитории ситуация... и все это в результате ведет к подлинному интересу к сцене, к творчеству, к лицедейству и учебному процессу, в котором нужные реплики усваиваются непроизвольно и на подлинном взаимодействии.

В нашем (описанном выше) случае развившийся аудиторный дискурс сохранил целостность, заданную педагогическим дискурсом. Однако в результате он вышел не только на решение тех педагогических задач, которые ставил адресант (педагог) перед учебным процессом, но еще и привнес в этот процесс творческий компонент. Формула данного дискурса — «текст плюс...» свидетельствует также и о том, что его участник, ЯЛ турецкого студента, безусловно, в процессе развертывания дискурса данного типа значительно обогащается. Особенно это касается развития

творческого потенциала включенной в реализацию аудиторного дискурса ЯЛ. В подтверждение сказанному приведем пример, когда ЯЛ турецкого студента настолько корректно и творчески проявляет себя в аудиторном дискурсе, развившемся из текста «Скоморошины», что преподаватель (а также авторы данного учебного пособия) меняют и некоторые части текста пособия. Сравним старый вариант текста пособия и новый вариант:

Старый вариант, предложенный авторами учебного пособия:

ДЕВУШКА: Меня зовут Аня. А Вас?

ЮНОША: А меня — Саня!

БОРА: Я тоже так могу: «Меня зовут Бора».

СКОМОРОХ: Бора, ты делаешь успехи.

Жаль только, нет девушки.

Новый вариант, предложенный ЯЛ турецкого студента на основе уже имеющегося варианта (элементы, которые предложили студенты, выделены курсивом):

ДЕВУШКА: Меня зовут Аня. А Вас?

ЮНОША: А меня — Саня!

БОРА: *(становится впереди юноши, закрывая его)*: Я тоже так могу: «Меня зовут Бора».

ДЕВУШКА: *(подходит к юноше и берёт его под руку)*: Бора? Саня, какое интересное имя! *(девушка с юношей уходят под руку)*.

СКОМОРОХ: Бора, ты делаешь успехи.

Жаль только, нет девушки.

Из примеров, а именно фраз, слов, мизансцен, жестов, а также иных эксплицитных и имплицитных средств аудиторного дискурса мы видим, что рождение и развитие данного дискурса происходит именно в тех случаях, когда учебное общение (заданное методической системой и преподавателем) на основе реального коммуникативного взаимодействия преподавателя и студентов превращается в настоящую живую коммуникацию, порождающую новые идеи, смыслы и новые фрагменты развивающегося аудиторного дискурса.

Заключение

Выше мы представили только часть того аудиторного дискурса, который обрывается в турецкой аудитории при работе по учебному пособию «Скоморошина. Или приключения Боры. Урок-спектакль». На конкретных примерах, взятых из реального учебного процесса, мы попытались показать, что феномен аудиторного дискурса намного богаче феномена педагогического дискурса — богаче не только по содержанию, но и в плане развития ЯЛ инофона (турецкого студента), особенно развития его творческой, дискурсивной деятельности. Безусловно, все разнообразие феномена «аудиторный дискурс» не сводится исключительно к тем моделям, которые мы представили выше. Однако даже описанного выше материала достаточно, чтобы заключить: заданный антропологической лингводидактикой аудиторный дискурс, его формирование и исследование могут стать незаменимой инновационной площадкой по развитию и совершенствованию ЯЛ инофона, в нашем случае — турецкого студента начального этапа обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
- [2] *Арутюнов А.Р.* Коммуникативный интенсивный учебный курс РКИ для заданного контингента учащихся: методическое пособие. М.: ИРЯП, 1989. 99 с.
- [3] *Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.; Воронеж, 2001. 448 с.
- [4] *Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Одинцова Т.В.* Структура научного текста и обучение монологической речи. М.: Русский язык, 1981. 141 с.
- [5] *Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г., Вятютнев М.Н., Сосенко Э.Ю., Степанова Е.М.* Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 269 с.
- [6] *Мухаммад Л.П., Аичи М., Чайлак Х.* Скоморошина. Или приключения Боря. Урок-спектакль: учебное пособие по обучению русской разговорной речи турецких студентов-филологов (начальный этап обучения). Стамбул, 2016. 124 с.
- [7] *Мухаммад Л.П.* Языковая личность иностранного студента-нефилолога начального и среднего этапов обучения. М.: ИРЯП, 2003. 240 с.
- [8] *Chomsky N.* *New Horizons in the Study of Language and Mind.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 230 p.
- [9] *Юнг К.Г.* Психологические типы. М.: АСТ, 2008. 761 с.
- [10] *Мухаммад Л.П., Чайлак Х.* Интерактивные особенности языковой личности и проблема функционирования механизмов антиципации в процессе работы с текстом // Электронный научно-образовательный журнал «Avrasya Uluslararası Araştırmalar Dergisi». № 8. 2016. С. 31—50. URL: <http://www.avrasyad.com/OncekiSayilarDetay.aspx?Sayi=8>
- [11] *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 148 с.
- [12] *Прохоров Ю.Е.* Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. М.: Флинта, 2011. 224 с.
- [13] *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [14] *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров.* М.: ИНИОН РАН, 2000. 232 с.
- [15] *Карасик В.И.* О типах дискурса. URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
- [16] *Карасик В.И.* Речевая коммуникация: дискурсивный аспект // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 1 (21). 2013. С. 32—34. www.grani.vspu.ru
- [17] *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
- [18] *Мухаммад Х.И.* Прагматический компонент «взаимодействие» в аудиторном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
- [19] *Седов К.* Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
- [20] *Ситуационная и личностная детерминация дискурса / под ред. Н. Павловой, И. Зачесовой.* М.: Институт психологии РАН, 2007.
- [21] *Van Dijk Teun A.* *Discourse and Context. A sociocognitive approach / A. Van Dijk.* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 22–72.

© Чайлак Х., Мухаммад Л.П., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 октября 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Чайлак Х., Мухаммад Л.П. Аудиторный дискурс как инновационная площадка по развитию языковой личности инофона // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 1. С. 77–90.

Сведения об авторах:

Чайлак Ханифе, кандидат филологических наук, преподаватель отделения русского языка и литературы факультета гуманитарных наук Караденизского технического университета, Турция. *Сфера научных интересов:* межкультурная коммуникация, русская филология, языковая личность, дискурс, методика преподавания русского языка как иностранного. Автор более 20 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: caylakhanife@gmail.com

Мухаммад Людмила Петровна, доктор педагогических наук, профессор отделения русского языка и литературы факультета гуманитарных наук КТУ (Караденизского технического университета), Турция. *Сфера научных интересов:* межкультурная коммуникация, языковая личность иностранного студента, текст и дискурс, языковая картина мира, национально ориентированная методика преподавания РКИ. Автор более 70 научных публикаций. *Контактная информация:* Karadeniz Teknik Üniversitesi, 61080, Trabzon/Türkiye. e-mail: ludmilamuh@mail.ru

CLASSROOM DISCOURSE AS INNOVATIVE PLATFORM FOR DEVELOPING FOREIGN STUDENT LINGUISTIC PERSONALITY

H. Caylak, L.P. Muhammad

Karadeniz Technical University
Trabzon, Turkey, 61080

The issue of this article is creating innovative learning technologies, specifically, student-oriented teaching Russian to foreigners.

The significance of the research lies in the fact that its study of classroom discourse as an innovative platform for developing harmonious linguistic personality acquiring a foreign language. The expected result of the study is creating an innovative anthropologically oriented Russian language training model for Turkish students at the primary training stage. Placing the inofon linguistic personality, its interaction with other participants of communication, including teacher as the reference point of the design, makes the model unique.

The aim of this study is to show that consideration of discourse properties might encourage instructors to implement learning strategies based on communicative interaction between teacher and students.

The main research methods of the study are practical methods: observation of communicative interaction between participants during the educational process, interviews of students and teachers and personal teaching experience. Real Russian language educational process for Turkish students, as well as video and audio recordings of the process are the main material for the current study.

The authors have found integrating and distinctive features of pedagogical/classroom discourse in Turkish classroom. The distinction between those attributes can help teachers to use the phenomenon of classroom discourse as an innovative platform for the creation of fundamentally new techniques, including methods based on our learning model focused on linguistic personality of Turkish students at the primary training stage.

The study reveals the importance of linguistic and didactic differentiating components of classroom discourse of Turkish students at the primary training stage. It allows to draw a conclusion about feasibility of further studies of classroom discourse from the perspective of inofon linguistic personality developing.

Key words: Classroom discourse, pedagogical discourse, Turkish students, student-oriented teaching, communicative interaction

REFERENCES

- [1] Azimov Je.G., Shukin A.N. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (the theory and practice of language teaching)]. Moscow: Ikar, 2009. 448 p.
- [2] Arutjunov A.R. *Kommunikativnyj intensivnyj uchebnyj kurs RKI dlja zadannogo kontingenta uchashhihsja (metodicheskoe posobie)* [Intensive communicative teaching course of Russian as a foreign language for a specific enrollment of students: resource book]. Moscow: IRJAP, 1989. 99 p.
- [3] Leont'ev A.A. *Jazyk i rechevaja dejatel'nost' v obshhej i pedagogicheskoj psihologii* [Language and speech activity in general and aducational psychology]. Moscow — Voronezh, 2001. 448 p.
- [4] Mets N.A., Mitrofanova O.D., Odincova T.V. *Struktura nauchnogo teksta i obuchenie monologicheskoj rechi*. [The structure of scientific text and monologue speech teaching]. Moscow: Rus. jazyk, 1981. 141 p.
- [5] Mitrofanova O.D., Kostomarov V.G., Vjatjutnev M.N., Sosenko Je.Ju., Stepanova E.M. *Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo*. [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow: Rus. jazyk, 1990. 269 p.
- [6] Muhammad L.P., Ashchi M., Chajlak H. *Skomoroshina. Ili priključenija Bory. Urok-spektakl'. Uchebnoe posobie po obucheniju russkoj razgovornoj rechi tureckih studentov-filologov (nachal'nyj jetap obuchenija)*. [“Skomoroshina” or the adventure of Bora. Lesson play. Teaching materials related with the spoken Russian for the Turkish philology students (primary training stage)]. Istanbul, 2016. 124 p.
- [7] Muhammad L.P. *Jazykovaja lichnost' inostrannogo studenta-nefilologa nachal'nogo i srednego jetapov obuchenija*. [Linguistic personality of the foreign non-philology student at primary and secondary stages of education]. M.: IRJAP, 2003. 240 p.
- [8] Chomsky N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 230 p.
- [9] Jung K.G. *Psihologicheskie tipy* [Psychological types]. M.: AST, 2008. 761 p.
- [10] Muhammad L.P., Chajlak H. *Interaktivnye osobennosti jazykvoj lichnosti i problema funkcionirovanija mehanizmov anticipacii v processe raboty s tekstom*. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal* [Interactive features of the linguistic personality and problem of functioning of the anticipation mechanisms in the process of working with a text. *Electronic Journal of Research and Education*]. «Avrasya Uluslararası Ara t rmlar Dergisi». № 8. 2016. P. 31–50. <http://www.avrasyad.com/OncekiSayilarDetay.aspx?Sayi=8>
- [11] Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovanija* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: KomKniga, 2007. 148 p.
- [12] Prohorov Ju.E. *Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs: Ucheb. Posobie*. [Reality. Text. Discourse: textbook]. Moscow: Flinta, 2011. 224 p.
- [13] Arutjunova N.D. *Diskurs. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Discourse // Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaja encyclopedija, 1990. P. 136–137.
- [14] *Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost': funkcional'nye i strukturnye aspekty: Sb. obzorov / Redkol.: Romashko S.A. i dr.* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: Sb. Reviews collection]. Editorial board.: Romashko S.A. and etc. M.: INION RAN, 2000. 232 p.
- [15] Karasik V.I. *O tipah diskursa* [About types of discourse]. *Rezhim dostupa: http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/ material2/*

- [16] Karasik V.I. Rechevaja komunikacija: diskursivnyj aspekt. Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal. [Speech communication: discursive aspect. Electronic Journal of Research and Education] VGSPU «Grani poznanija». № 1 (21). 2013. P. 32–34. www.grani.vspu.ru
- [17] Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Foundations of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p.
- [18] Muhammad H.I. Pragmaticseskij komponent «vzaimodejstvie» v auditornom diskurse. [The pragmatic component of “interaction” in classroom discourse]. Avtoref. diss. ... kand. filolog. nauk. M.: Gos. IRJA im. A.S. Pushkina, 2006. 24 p.
- [19] Sedov K. Diskurs i lichnost': Evoljucija kommunikativnoj kompetencii [Discourse and personality. The evolution of the communicative competence]. Moscow: Labirint, 2004. 320 p.
- [20] Situacionnaja i lichnostnaja determinacija diskursa / Pod. Red. N. Pavlovoj, I. Zachesovoj. [Situational and personal determination of discourse. Ed. N. Pavlova, I. Zachesova]. M.: Institut psihologii RAN, 2007. P. 205–224.
- [21] Van Dijk Teun A. Discourse and Context. A sociocognitive approach / A. Van Dijk. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 22–72.

Article history:

Received: 18 Oktober 2016

Accepted: 20 November 2016

For citation:

Muhammad L.P., Chaylak H. (2017) Classroom discourse as innovative platform for developing foreign student linguistic personality. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages of Research and Teaching*, 15 (1), 77–90.

Bio Note:

Muhammad Ludmila Petrovna, Doctor of pedagogical sciences, Professor of department Russian language and Literature of Humanities Faculty at KTU (Karadeniz Technical University), Turkey. *Research interests*: intercultural communication, linguistic personality of the foreign student, text and discourse, language picture of the world, national-oriented methods of teaching Russian as foreign language. Author of more than 70 scientific publications. *Contact Information*: Karadeniz Technical University, 61080, Trabzon/Turkey. E-mail: ludmilamuh@mail.ru

Chaylak Hanifa, candidate of philological sciences, lecturer of department of Russian language and literature of the Faculty of Humanities of KTU (Karadenizskogo Technical University), Turkey. *Research interests*: intercultural communication, Russian philology, linguistic personality, discourse, methods of teaching Russian as foreign language. Author of more than 20 scientific publications. *Contact Information*: Karadeniz Teknik University, 61080, Trabzon / Turkey. E-mail: caylakhanife@gmail.com

УДК 811.134.2

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-91-102

КОМПЛИМЕНТ И ПОХВАЛА КАК ПРОЯВЛЕНИЯ ЭМПАТИИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Шалюхина

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В статье объясняется роль эмпатии в коммуникации на испанском языке. Описаны комплимент и похвала как культурно обусловленные вербальные способы выражения эмпатии в испанском и русском языках и их реализация в процессе диалогического общения. Отмечаются жанровые различия этих двух видов реплик в рамках речеактового подхода. На материале испанского языка такого вида анализ проводится впервые. Материалом исследования послужили примеры использования средств испанского языка для выражения эмпатии из романа современного испанского писателя Торкуато Лука де Тена «Скрученные Богом линии судьбы» (Torcuato Luca de Tena «Los renglones torcidos de Dios»). В статье делаются выводы о необходимости изучения коммуникативных функций комплимента и похвалы для обучения иностранному языку во избежание неудач в процессе общения.

Ключевые слова: эмпатия, межкультурная коммуникация, преподавание, диалог, теория речевых актов, экспрессивы, похвала, комплимент, пиропо (píropo), испанский язык

Введение

Для большинства ситуаций межличностного общения характерно естественное стремление понять другого, не обидеть, содействовать его намерениям. Такой тип общения и понимания собеседника называется эмпатическим. Термин «эмпатия» заимствован из английского языка (англ. empathy) и означает «вчувствование». Эмпатия строится на умении представить происходящее во внутреннем мире партнера по коммуникации, понять, что он чувствует, к чему стремится, как воспринимает и оценивает себя и окружающих.

Понятие «эмпатия», получившее широкое использование в философии, психологии и других науках, до сих пор почти не привлекало к себе внимание филологов вообще и лингвистов в частности. Вместе с тем явление, известное как эмпатия в речеповедении людей и в качестве инструмента, использует языковое поведение, поэтому оно заслуживает пристального изучения лингвистов с целью исследования языковых средств, имеющихся в языке.

Большое количество исследований эмпатии свидетельствует не только о сложности, неоднозначности и многоаспектности этого явления, но и о многообразии проявлений и многогранности поля для исследования. Эмпатия представляет

собой комплексное воздействие на лексико-грамматическом, интонационном, стилистическом и корпоральном уровнях.

Термин «эмпатия» был заимствован лингвистикой из психологии, которая изучает это явление для понимания психических качеств личности. Лингвисты обычно употребляют этот термин в том же смысле, но очевидно, что психологическая и лингвистическая эмпатия имеют одинаковую природу, но разные проявления.

В.И. Шаховской стал одним из основоположников изучения эмпатии в лингвистике. Разрабатывая понятийно-терминологический аппарат эмотивной лингвистики, он разграничил лингвистическое понятие эмоциональности, эмпатии и их психологических аналогов [1. С. 152].

Термин «эмпатия» применяется в лингвистике для обозначения одного из способов коммуникации с позиции говорящего или того, кто воспринимает информацию [2. С. 8].

Описывая лингвистическое понимание эмпатии, исследователи используют понятие вербальной эмпатии, которая является выражением понимания чувств другого с позиции говорящего, оказывает языковое воздействие на собеседника с целью предоставления ему психологической поддержки [3. С. 81].

Существуют целые дискурсы и речевые жанры, которые изначально предусматривают эмпатию адресанта по отношению к конкретному участнику определенного события. Можно сказать, что в подобных случаях структура дискурса или речевого жанра определяется эмпатией к какому-то из участников коммуникативного события, который находится в фокусе интеракции.

Эмпатия крайне важна для реализации любой, но особенно межкультурной коммуникации. Поведение представителей других культур необходимо рассматривать в рамках их культур (а не своей собственной культуры), т.е. следует стремиться проявлять эмпатическое отношение к партнеру по коммуникации.

Исследователи в области межкультурной коммуникации рассматривают эмпатию как способ преодоления преград в общении и как составляющую коммуникативного навыка, ведь наиболее явным когнитивным фактором, влияющим на эффективность общения с представителями других культурных обществ, является не только наше умение говорить на другом языке, но и знание другой культуры, что позволяет избежать коммуникативных сбоев [4].

В контексте межличностного общения эмпатия трактуется как особая способность понимания другого человека. При этом подразумевается не рациональное осмысление чужих проблем, а попытка эмоционально откликнуться на проблемы и переживания другого. Эмпатия основана на аффективном понимании. Ее эмоциональная природа выражается не столько «в осмыслении, сколько в прочувствовании» ситуации другого [5. С. 150].

Эмпатия проявляется в ситуациях общения и взаимодействия, является одним из регуляторов взаимоотношений людей. Способность личности к эмпатии проявляется, когда один индивид находит нужный подход к другому, как бы предвосхищая и оценивая его реакции, и правильно воздействует на него речеповеденческими средствами. Это является условием успешности любого диалога.

Важным условием диалогического общения является необходимость установления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного контакта между собеседниками, что позволяет организовать определенную деятельность, изменить или завершить ее протекание.

В целом, эмпатия служит для выражения симпатии, оказания помощи, достижения партнерства и установления искренних отношений.

Существует множество вербальных и невербальных проявлений эмпатии, как универсальных, так и культурно обусловленных. Широкий диапазон этих проявлений обусловлен влиянием определенных факторов межличностной аттракции, которая выражается в желании произвести хорошее впечатление на окружающих. Важным фактором межличностной аттракции является соответствующее коммуникативное поведение, т.е. вербальное или невербальное сообщение собеседнику о своих реакциях на положительно оцениваемые события, например, посредством комплиментов, похвалы и т.д.

Комплимент и похвала являются важнейшими проявлениями эмпатии, так как, говоря комплименты собеседнику или хваля его, мы демонстрируем ему свое расположение и интерес, что способствует поддержанию контакта.

Цель

Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что в условиях интенсификации межкультурного общения нарастает не только объем положительного опыта, но и возникает все больше ситуаций, когда диалог между сторонами не приводит к взаимопониманию, перерастает в конфликт, что зачастую делает невозможным дальнейшее общение. Изучение причин таких сбоев, рекомендации по их избежанию представляются необходимым условием при обучении иностранному языку.

Целью данной статьи является описание таких вербальных приемов эмпатии, как похвала и комплимент в коммуникации на испанском языке. Опыт преподавательской и переводческой работы свидетельствует о недостатке сравнительных русско-испанских исследований в этой области.

Материалы и методы

В романе современного испанского писателя Торкуато Лука де Тена «Скрученные Богом линии судьбы» («Los renglones torcidos de Dios») есть множество примеров использования комплиментов и похвалы, поэтому именно это произведение послужило материалом для нашего исследования [6].

В работе используется комплексная методика, в основу которой легла теория речевых актов, разработанная Дж. Остином и Дж. Серлем. Похвала и комплимент относятся к экспрессивным речевым актам, которые выражают психологическое состояние коммуникантов, имеют особую значимость в процессе межличностной коммуникации при социальном взаимодействии и рассматриваются как акты, используемые для выражения психологического состояния и оказания влияния на эмоции адресата.

Кроме этого, используется метод языкового сравнения. Для этого материалы на испанском языке сопровождаются переводом на русский, что помогает определить межъязыковые различия. Для исследования кинесических проявлений используется метод расшифровки имплицатур.

Результаты

Исследование комплимента и похвалы как национально-культурно обусловленного способа проявления эмпатии в испанском языке показало серьезные отличия функционально-эмпатийной составляющей этого речевого акта от его аналога в русском языковом поведении. В испаноязычном общении невозможно услышать опровержение или протест как реакцию на комплимент и похвалу, что нередко происходит в коммуникации на русском языке.

Следует уделять особое внимание такому явлению, как *rigor*, которое является разновидностью комплимента в испаноязычных странах. Хотя частотность *rigor* снижается, его присутствие в коммуникативном пейзаже релевантно для характеристики особенностей испаноязычного общения. Но в русском сознании это может быть воспринято как нечто обидное, хотя *rigor* никогда не имеет негативного намерения.

Обсуждение

Исследователи П. Браун и С. Левинсон рассматривали высказывание комплиментов и похвалы как «положительную стратегию вежливости» [7. С. 121]. По мнению авторов, каждый компетентный в сфере коммуникации индивид имеет самоуважение, которому можно угрожать или же оберегать его, т.е. партнеры кооперируются в процессе коммуникации, чтобы сохранить свое лицо и лицо партнера.

Комплимент и похвала как экспрессивы прочно закреплены в повседневном речевом общении. В большинстве лингвокультур, хотя и не во всех, обмен комплиментами и похвала собеседника представляют собой общепринятую стратегию вежливости, которая способствует эмпатийным проявлениям по отношению к собеседнику.

К одной из самых важных коммуникативных функций комплимента и похвалы как речевого действия относится психолого-эмоциональная функция: считается, что индивид, коммуницируя в обществе, может поддерживать свою идентичность только тогда, когда ее признают другие. Каждая психологически здоровая личность имеет тенденцию к мотивационному искажению представления о себе в положительную сторону. Это объясняет тот факт, что для подтверждения самооценки человек ищет признания, одобрения и уважения партнера. Комплименты способствуют созданию атмосферы взаимного доверия: один партнер может быть уверен в поддержке другого.

В многочисленных исследованиях, посвященных таким речевым жанрам, как комплимент и похвала, не всегда представляется возможным провести между ними четкую жанровую границу [8. С. 143].

Комплименты близки другим речевым актам с похожей формой: речевым актам похвалы, лести или поздравления-пожелания. Однако на констатации идентичности указанных речевых актов единодушие исследователей практически заканчивается, появляется множество разногласий. В.В. Леонтьев определяет комплимент как разновидность речевого акта похвалы [9. С. 8]. Н.И. Формановская не различает комплимент и лесть [5.С. 143].

Несмотря на структурное и тематическое сходство речевых актов комплимента и похвалы, следует отметить, что они все же отличаются друг от друга. Похвала имеет больше ограничений, чем иллокутивно независимое высказывание комплимента, поскольку всегда характеризуется статусной зависимостью. Поэтому следует разделять эти понятия с учетом элементов ситуации. Несмотря на отсутствие четких «предписаний» для употребления комплиментов, не следует забывать о «правилах поведения»: в определенных ситуациях (впервые увиденный новый предмет одежды, ювелирное украшение или необычная прическа) в ответ на определенные высказывания партнера следует реагировать произнесением комплиментов.

В одной и той же ситуации межличностного контакта в зависимости от преследуемой цели адресат может выбрать комплимент (для выражения симпатии к адресату с расчетом на ответное расположение) или похвалу (для проявления уважения к личным качествам и достижениям адресата). Вышестоящий может расхваливать подчиненного, но не наоборот — подчиненный не может высказать вышестоящему даже вполне обоснованную похвалу (но восхищенный комплимент). Поскольку похвала представляет собой оценку достижений, хвалящий должен обладать компетенцией оценивания. У подчиненного такой компетенции (по статусу) быть не может.

Коммуникативная цель также влияет на выбор языковых средств и стилистических приемов: похвала обычно исключает преувеличение достоинств адресата, иногда чрезмерную эмоциональность. Темой похвалы не может быть внешность, не имеющая прямого отношения к реальным положительным качествам или действиям адресанта. Похвала произносится для оценки заслуги, достижения в результате усилий ее адресата, т.е. тяготеет к образу предвосхищаемого нормативного и никак не неожиданного результата. Комплимент же включает ситуативную оценку, которая ориентирована не столько на заслуги, сколько на нестандартную, выходящую за рамки повседневности данность (например, внешность, вкус, характер). Всем участникам общения очевиден ритуальный характер комплимента, так как никто не принимает его всерьез. Похвала имеет, как правило, более весомые аргументы.

Но все же похвалу и комплимент объединяет выражение положительной оценки адресата. Однако важно понимать, что наличие различий похвалы и комплимента основано на жанровых особенностях этих явлений.

Несмотря на то, что оба жанра используются для выражения положительной оценки, сама оценка варьируется от уважения и признания до симпатии и поклонения.

При наличии общей композиционной составляющей — приветствие (обращение) — называние достоинств (качеств, отличительных признаков) — их оценка, — похвала и комплимент отличаются пусть и не диаметрально противоположно.

ложным, но все же разным лингвостилистическим наполнением. Степень положительной оценки (от объективности до гиперболизации) и прочие языковые особенности достаточно четко различают жанровые границы похвалы и комплимента.

Сравнивая похвалу и комплимент, нельзя не заметить, что комплимент успешно реализуется в непосредственном контакте с собеседником, а для выражения похвалы присутствие адресата не является обязательным условием. Если комплимент адресован слушающему, то он (слушающий) испытывает положительные эмоции, поскольку, во-первых, находит подтверждение, признание своих успехов, а во-вторых, его успех и, следовательно, он сам как личность находит признание у другого лица — говорящего. Вследствие этого создается социальная связь между индивидами, основанная на возникшей общности взглядов, интересов, вкусов, что способствует дальнейшему контакту, ведь таким образом говорящий солидаризируется со слушающим.

Ценность похвалы абсолютно не уменьшается, если она произносится в отсутствие адресата, поскольку подразумевается, что в похвале, в отличие от комплимента, выражается объективная оценка поведения или качеств адресата и увеличивается личностная ценность адресата похвалы третьими лицами.

Обычно похвала, произносимая в ситуации прямого контакта индивидов, обладает большей эмоциональностью, чем похвала, произнесенная в отсутствие адресата. Но в любом случае для похвалы недопустима излишняя экзальтация и гиперболизация, ведь тогда похвала будет воспринята как лесть. Однако преувеличение достоинств адресата вполне может быть уместно в комплименте [10. С. 407]. К. Адамчик определяет комплимент как ритуализированную (не обязательно искреннюю) оценку объектов, которая касается непосредственно партнера. Делая комплимент, говорящий стремится продемонстрировать адресату свое расположение и уважение [11. С. 269]. Такой комплимент «мифологизирует» адресата, возносит его до необыкновенных высот, указывает на исключительность его качеств.

Лестное признание достоинств друг друга повышает чувство собственного достоинства каждого участника общения. Ритуально-игровым реверсом естественного чувства превосходства говорящий снижает социальное напряжение, создает предпосылки для позитивной кооперации.

Обратимся к тексту романа Торкуато Лука де Тена «Скрученные Богом линии судьбы» («Los renglones torcidos de Dios»), чтобы проанализировать использование комплиментов и похвалы как средств выражения эмпатии в испанском языке. Примеры из текста романа позволяют увидеть, насколько разнообразно проявление описываемых речевых жанров в испанском языке.

— ¡Estás sensacional! Bueno, siempre lo fuiste... quiero decir que... ¡pero hoy estás deslumbrante!

— Ты великолепна! Ты всегда такая была... хочу сказать, что сегодня ты ослепительна [6. С. 120]!

Комплимент не претендует на объективность, он представляет собой экспрессивное выражение положительных эмоций, поэтому произносить комплимент в

отсутствие адресата не имеет смысла и не приводит к достижению коммуникативных целей.

Как было отмечено ранее, комплименты не всегда делаются искренне. Главная героиня романа Алисия находится в психиатрической больнице с целью расследовать убийство. Являясь пациенткой психиатра, она подозревает доктора в неискренности, так как считает, что в данном случае комплимент является частью его профессиональной деятельности:

- Observo además con gran satisfacción que esos traumas no afectan para nada a su belleza.
- Ya me lo dijo usted antes.
- Pero simuló no haberlo oído.
- Pensé y sigo pensando que sus palabras se debían a una deformación profesional.
- No es ése nuestro caso, Alicia. — respondió secamente Arellano.
- Я с удовольствием наблюдаю, что психические травмы никоим образом не затрагивают вашу красоту.
- Вы мне уже это говорили.
- Но вы сделали вид, что не слышали этого.
- Я посчитала и продолжаю считать, что ваши слова вызваны профессиональной деформацией действительности.
- Это не наш случай, — сухо ответил Арельяно [б. С. 130].

Если для комплимента преувеличение достоинств адресата и повышенная эмоциональность — норма, то для похвалы это не столь характерно.

Детектив Мария Луиса хвалит профессиональные качества детектива Элис Гоулд. В данном случае похвала делается имплицитно посредством описания собственных эмоций:

- Cuando quede usted en libertad, ¿volverá a abrir su despacho? ¡Me aterra competencia que puede hacerme! ¡Antes de tenerla como competidora ... prefiero asociarme con usted!
- Когда Вы выйдете на свободу, снова откроете свой кабинет? Меня пугает конкуренция, которую Вы можете создать мне. Я бы предпочла быть Вашим партнером, а не конкурентом [б. С. 302].

Комплименты зачастую субъективны, чего нельзя сказать о похвале, так как к тематике похвалы относятся общественно значимые явления: успехи в работе, положительные моральные качества, благородные поступки и т.п.

Важно также отметить, что и эффект, производимый комплиментом и похвалой, обычно различается. От произносящего похвалу обычно ожидают объективной оценки, признания реальных заслуг и достижений адресата, а комплимент воспринимают как лестный знак внимания и расположения или проявление вежливости.

И.Г. Дьячкова определяет похвалу как «высказывание, в котором говорящий выражает положительную оценку поступка (поведения) адресата, рассчитывая вызвать его положительную эмоциональную реакцию» [12. С. 56].

Алисия хвалит педагогические и профессиональные качества врача. По его реакции видно, что похвала ему приятна, и поэтому он позволяет Алисии продолжать задавать вопросы.

— Me ha dejado usted fascinada... ¡Qué bien me lo ha explicado, doctor! No sólo es usted un gran clínico, como dice Monserrat Castell, sino un gran profesor.

— Pues aproveche usted mis buenas cualidades docentes — rió don César — y siga preguntando.

— Вы меня очаровали... Как хорошо вы мне это объяснили, доктор! Вы не только выдающийся врач, как говорит Монсеррат Кастель, но и прекрасный преподаватель.

— Тогда пользуйтесь моим преподавательским талантом, — засмеялся доктор, — и продолжайте спрашивать [б. С. 92].

Основной темой комплимента является внешность, которая может рассматриваться только субъективно. Но комплимент и похвалу объединяет расчет на положительную реакцию — от простой вежливой благодарности до ответного комплимента:

— Ahora usted tiene excelente aspecto — la confortó Alicia.

— ¡Así me gusta verla, Alicia! ¡Animosa y dispuesta a vencer todo el mundo!

— Сейчас вы прекрасно выглядите — ободрила ее Алисия.

— Мне нравится видеть Вас такой воодушевленной и готовой победить всех! [б. С. 119]

Комплименты связаны с гендерными особенностями: чаще всего они высказываются в адрес представителей противоположного пола, как правило, их делают мужчины в адрес женщин [13. С. 122]. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что комплимент, адресованный мужчине, положительно оценивает его деятельность, профессию, хобби.

Изучая комплимент в межкультурном контексте, следует отметить различия в восприятии комплимента в испанском и русском коммуникативном сознании. В испанском языке для обозначения данного явления существуют два строго различаемых понятия, которые передаются словами *complido* и *piropo*.

В тексте романа наиболее часто встречаются примеры *complido*, но можно также привести пример эмпатийного общения с элементом *piropo*.

В благодарность за цветы женщина называет мужчину «душкой». Он обращается к ней, используя слово «дорогая», что говорит о высокой степени расположения друг к другу:

— ¿Es él quien me las envía? (ramo de flores)

— No, querida. Soy yo.

— Eres un amor.

— Это он мне их прислал?

— Нет, дорогая. Это я.

— Какой ты душка! [б. С. 116]

Различие направленности этих двух речевых жанров заключается в качестве положительной реакции в ее малейших деталях, а также в отличии коммуникативных целей, употребляемых языковых средствах и производимом эффекте.

В русском языке не существует аналога *rigoro*. Русский комплимент более схож с понятием *simplido*, особенностями которого является любезное действие, проявление вежливости, высказывание, адресуемое какому-либо лицу или принадлежащему ему предмету, похвала. Исходя из вышеперечисленных признаков можно дать следующее определение *simplido*: «лестные слова похвалы, адресуемые знакомому партнеру по коммуникации любого возраста и пола или принадлежащему ему предмету и реализуемые в качестве проявления вежливости и любезности» [14. С. 134].

Rigoro — неотъемлемая и уникальная черта самобытного характера испаноязычных этносов (в испанском языке даже есть глагол *rigorear*). *Rigoro*, в отличие от русского комплимента, обращен непосредственно к незнакомым представительницам прекрасной половины, и его темой всегда является внешность.

Rigoro представляют собой одночленные реплики — обращения, с синтаксической точки зрения занимающие промежуточное положение между обращением и восклицанием, являются наиболее емкой и лаконичной формой, так как все эмоции говорящего, впечатление, которое производит на него адресат, вкладываются в *rigoro*-обращение. Средства экспрессивной выразительности для произнесения *rigoro* часто представляют собой красочные сравнения [8. С. 133].

Для говорящего *rigoro* важен производимый им эффект: способность быстро, на ходу привлекать внимание незнакомой женщины. Но все же следует отметить двойственность *rigoro*: с одной стороны, мужчина возводит женщину на пьедестал и обожествляет ее, а с другой стороны, подобная реплика может интерпретироваться как оскорбление, поэтому нередко *rigoro* не предназначен для окружающих и говорится «на ушко», мимоходом адресату.

В последнее время использование *rigoro* претерпело некоторые изменения. В связи с серьезными трансформациями, произошедшими в испаноязычных обществах, становлением гендерного равенства в последние десятилетия произнесение *rigoro* перестало быть привилегией мужчин. Сейчас девушки и женщины используют его для обращения к мужчинам [15. С. 104].

Ответная реакция, как мы видим, в обоих случаях чаще всего положительная. Похвалу принимают во внимание, учитывают, ею гордятся, она является средством поощрения и мотивации. Успешно реализованный комплимент направлен на формирование соответствующего эмоционального состояния адресата, позволяет расположить его к себе и способствует развитию дальнейших отношений. *Rigoro*, будучи обращенным к незнакомке, не предполагает наличия каких-то дальнейших целей.

При общей эмпатийной направленности комплимента и похвалы комплимент все же имеет одну совершенно уникальную функцию — способствует гармонизации общения. Именно эта функция комплимента дает возможность использовать данный речевой жанр для повышения эффективности межличностной коммуникации, способствует созданию благожелательной атмосферы в обществе (как в ситуации делового, так и неформального общения).

Заключение

Эмпатия составляет основу любого успешного общения, ведь абсолютно все сферы жизни и деятельности человека в той или иной мере связаны с эмпатическими процессами. Способность видеть людей и воспринимать различные события как бы их глазами, сквозь призму их взглядов и оценок, имеет чрезвычайно важное значение для понимания мотивов и целей собеседников. Отсутствие эмпатии может быть вызвано как психологическими особенностями личности, так и психическим отклонением, т.е. «эмоциональной глухотой».

Похвала и комплимент входят в одну группу речевых жанров, однако обладают как общими, так и различительными особенностями. Установление межжанровых различий между ними позволяет выявить некоторые специфические черты межличностной коммуникации, достичь высокой эффективности общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008. 208 с.
- [2] Василюк Ф.Е. Семиотика и техника эмпатии // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3—14.
- [3] Кузнецова А.А. Лингвистический аспект эмпатии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Вып. 43. С. 80—82.
- [4] Chao Chen. Empathy in Language Learning and Its Inspiration to the Development of Intercultural Communicative Competence. Theory and Practice in Language Studies. Vol. 3. № 12 (2013).
- [5] Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета. М.: Русский язык, 1984. 198 с.
- [6] Luca de Tena. T. Los renglones torcidos de Dios. Barcelona: Planeta Bolsillo, 1992. 345 p.
- [7] Brown P., Levinson S. Politeness — Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- [8] Зверева Е.В. Формы обращения в комплиментах, используемых в испанском языке // Вестник Финансового университета. 2013. № 2. С. 76—83.
- [9] Леонтьев В.В. Похвала, лесть, комплимент в структуре английской языковой личности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 19 с.
- [10] Горобец О.Б. Похвала и комплимент: межжанровые границы // Учен. зап. Космопольского-Амуре гос. техн. ун-та. 2010. № 2II-(2). URL: [http://www.uzknastu.ru/files/pdf/II-2\(2\)2010/75-80.pdf](http://www.uzknastu.ru/files/pdf/II-2(2)2010/75-80.pdf) (дата обращения: 12.02.2016).
- [11] Adamzik K. Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt. Zur Integration der Kategorie „Beziehungsaspekt in einesprechakttheoretische Beschreibung des Deutschen. Tübingen, 1984. 365 s.
- [12] Дьячкова И.Г. Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ) // Вестник Омского университета. 1998. № 3. С. 55—58.
- [13] Leisi E. Paar und Sprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. 167 p.
- [14] Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1994.
- [15] Astakhova E. Proposición fenomenológica y sociocultural en el espacio español. [Cuadernos iberoamericanos], 2014. № 1(3). P. 99—108.

© Шалюхина А.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 сентября 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования: Шалюхина А.В. Комплимент и похвала как проявление эмпатии в испанском языке // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2017. Т. 15. № 1. С. 91–102.

Сведения об авторе:

Шалюхина Анна Владимировна, преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД, соискатель ученой степени кандидата филологических наук. *Сфера научных интересов*: психолингвистика, межкультурная коммуникация, методика преподавания иностранных языков. Автор четырех научных публикаций. *Контактная информация*: e-mail: shaliukhina.a@yandex.ru

COMPLIMENT AND PRAISE AS MANIFESTATIONS OF EMPATHY IN SPANISH

A.V. Shalyukhina

Spanish department
Moscow State Institute of International Relations (University)
of Ministry of Foreign Affairs of Russia
Prospekt Vernadskogo, 76, Moscow, Russia, 119454

This article shows the importance of empathy in Spanish communication, describes compliment and praise as culturally conditioned verbal ways of expressing empathy in Spanish and Russian and their role in dialogic communication. The author observes genre differences between these two types of replicas within rejectlog approach. The examples are taken from the novel by modern Spanish writer Torcuato Luca de Tena “Los renglones torcidos de Dios”. The author makes conclusion about the necessity of studying communicative functions of compliment and praise in teaching a foreign language to avoid failures in communication.

Key words: empathy, intercultural communication, teaching, dialogue, speech acts theory, expressives, praise, compliment, piropo, the Spanish language

REFERENCES

- [1] Shahovskij V.I. Kategorizaciyaehmocij v leksiko-semanticheskoy sistemeyazyka. [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Moscow: Nauka, 2008. 208 p. (in Russ)
- [2] Vasilyuk F.E. Semiotikaitekhnikaeempatii [Semiotics and technique of empathy]. *Voprosy psichologii. [Questions of psychology]*, 2007. № 1. P. 3–14. (in Russ).
- [3] Kuznecova A.A. Lingvisticheskij aspekt ehmpatii [The linguistic aspect of empathy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Chelyubinsk State University Vestnik]*. 2010. № 43. P. 80–82. (in Russ)
- [4] *Chao Chen*. Empathy in Language Learning and Its Inspiration to the Development of Intercultural Communicative Competence. [Theory and Practice in Language Studies]. 2013. № 12. P. 88–101.
- [5] Formanovskaya N.I. Upotrebleniye russkogo rechevogo etiketeta. [The use of the Russian speech etiquette]. Moscow: Russkiy yazyk, 1984. 198 p. (in Russ)
- [6] *Luca de Tena. T.* Los renglones torcidos de Dios. Barcelona: Planeta Bolsillo, 1992. 345 p.

- [7] *Brown P., Levinson S.* Politeness — Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- [8] Zvereva E.V. Formyobrashcheniya v komplimentah, ispol'zuemyh v ispanskomyazyke [Forms of address in compliments employed in the Spanish Language]. *Vestnik Finansovogo Universiteta [Financional University Vestnik]*, 2013. № 2. P. 76—83.(in Russ)
- [9] Leont'ev V.V. Pohvala, lest', kompliment v strukture anglijskojazykovojlichnosti: avtoref. ... kand. filol. nauk [Praise, flattery, a compliment in the structure of English language personality avtoref. ... kand. filol. sci] Volgograd, 1999. 19 p. (in Russ)
- [10] Gorobec, O.B. Pohvala i kompliment: mezhdzhanrovye granicy. *Uchen. zap. Komsomol'skogo-na-Amuregos. tekhn. un-ta*, 2010. № 2II-(2). URL: [http://www.uzknastu.ru/files/pdf/II-2\(2\)2010/75-80.pdf](http://www.uzknastu.ru/files/pdf/II-2(2)2010/75-80.pdf) (data obrashcheniya: 12.08.2014). (in Russ)
- [11] *Adamzik K.* Sprachliches Handeln und sozialer Kontakt. Zur Integration der Kategorie „Beziehungsaspekt“ in eine sprechakttheoretische Beschreibung des Deutschen. Tübingen, 1984. 365 p.
- [12] D'jachkova I.G. Pohvala i poricanie kak krechevye zhanry (pragmaticheskij analiz) [Praise and blame as speech genres (pragmatic analysis)]. *Vestnik Omskogo Universiteta. [Omsk University Vestnik]*, 1998. № 3. P. 55—58.(in Russ)
- [13] *Leisi E.* Paar und Sprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. 167 p.
- [14] Zemskaya E.A. Kategoriyavezhlivosti v konteksterechevyhdeystvij [Category of politeness in speech actions]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk rechevyhdeystvij / Pod red. N.D. Arutyunovoj.* Moscow: Nauka, 1994. P. 131—137.(in Russ)
- [15] *Astakhova E.* Piropocomo fenomeno lingüístico y sociocultural en el espacio español. [Cuadernos iberoamericanos]. 2014. № 1(3). P. 99—108.

Article history:

Received: 21 September 2016

Accepted: 20 November 2016

For citation:

Shalyukhina A.V. Compliment and Praise as Manifestations of Empathy in Spanish. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages of Research and Teaching*, 15 (1), 91—102.

Bio Note:

Shalyukhina Anna, teacher of Spanish Department of MGIMO University, PhD applicant in Philological Sciences. *Research interests:* psycholinguistics, intercultural communication, methods of teaching foreign languages. Author of 4 scientific publications. *Contact information:* e-mail: shaliukhina.a@yandex.ru

УДК 81'373

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-103-112

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПОЭЗИИ Е.А. ЕВТУШЕНКО

Е.С. Корнакова

Национально-исследовательский институт «Высшая школа экономики»
Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

В статье анализируются произведения Е.А. Евтушенко из сборников «Утренний народ», «Завтрашний ветер», поэма «Станция Зима», в которых нашли отражение острые социальные вопросы, актуальные для советского общества 1970-х гг.

Целью статьи является изучение и описание особенностей словесно-художественного воплощения концепта «гражданственность» в творчестве Е.А. Евтушенко, исследование структуры и вербальных реализаций концепта «гражданственность» на материале художественных произведений Е.А. Евтушенко.

Материалом исследования послужили стихи Е.А. Евтушенко разных периодов творчества, в которых репрезентуется концепт «гражданственность». Для раскрытия и уточнения лексического содержания концепта «гражданственность» использовался лексикографический материал. В связи с этим в качестве основного метода исследования применялся метод концептуального анализа, который включал в себя следующие приемы: контекстуальный анализ для выявления содержания концепта «гражданственность», словарный анализ лексической парадигмы слова «гражданственность». Из текстов была осуществлена сплошная выборка лексических единиц, апеллирующих к концепту «гражданственность».

На основе проведенного исследования автор предполагает, что слова с национально-культурным компонентом играют в произведениях Е.А. Евтушенко важную текстообразующую роль. Выявленные советизмы, элементы просторечия, диалектизмы и слова нового быта являются составными компонентами языка Е.А. Евтушенко, отображают богатый художественный мир поэта, образно передают информацию о жизни и быте советского народа.

Ключевые слова: языковая картина мира, безэквивалентная лексика, коннотативная лексика, эмоционально окрашенная лексика, национально-культурный компонент

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: возросшим вниманием отечественной науки к вопросам концептуального анализа текста; повышенным интересом к выявлению специфики художественной картины мира отдельных писателей; неизученностью данной темы в творчестве поэта.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов исследования при изучении приемов текстового концепта в спецкурсах по когнитивной лингвистике, лингвистическому анализу ху-

дожественного текста, а также спецкурсах и спецсеминарах, посвященных личности и творчеству Е.А. Евтушенко. Единой точки зрения на приемы изучения художественных концептов не сформировано, в связи с этим результаты статьи вносят определенный вклад в отечественную науку.

В России существуют когнитивные школы, которые основали В.А. Виноградов, Е.М. Позднякова, Е.С. Кубрякова, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.З. Демьянков, А.Е. и А.А. Кибрик, М.В. Пименова, И.М. Кобозева, Е.В. Рахилина, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Т.А. Фесенко, А.В. Кравченко, В.А. Степаненко. Данные школы стремятся объяснить языковые факты и языковые категории, соотнести языковые формы с ментальными репрезентациями.

На сегодняшний день существует три основных подхода к концепту: когнитивный, лингвистический и культурологический. Представители когнитивного подхода в понимании сущности концепта ориентируются на явления ментального характера. Так, представители воронежской школы, в частности, З.Д. Попова, И.А. Стернин определяют концепт как «глобальную мыслительную единицу» [1]. В Кратком словаре когнитивных терминов концепту дается следующее определение: «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*)» [2].

Лингвистический подход представлен в работах В.В. Колесова [3], С.А. Аскольдова [4], Д.С. Лихачёва [5], в которых изложены идеи концепта. По мнению Д.С. Лихачёва, концепт существует для каждого словарного значения, т.е. концепт возникает как «отклик на предшествующий языковой опыт человека» [5]. Таким образом, представители лингвистического направления понимают под концептом потенциал значения слова вместе с его коннотативными элементами.

Представители третьего подхода уделяют основное внимание культурологическому аспекту. Концепт, по мнению Ю.С. Степанова и его сторонников, является базовой единицей культуры, и ее когнитивным центром, «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [6. С. 43].

В настоящее время возрастает исследовательский интерес к творчеству Е.А. Евтушенко, в связи с этим появляется большое количество специальных работ, в которых рассматриваются различные особенности поэтического языка Е.А. Евтушенко. Эти исследования посвящены изучению новообразований и словотворческой деятельности [7]. В лингвистическом аспекте изучается также идеостиль Е.А. Евтушенко [8]. Творчество поэта послужило основой для создания Словаря рифм Евгения Евтушенко [9].

Творчество Е.А. Евтушенко становилось предметом анализа многих специалистов-дериватологов [10—12]. Также творчеству поэта посвящены многие литературные исследования [13]. Весомым вкладом в изучение творчества Е.А. Евтушенко является монография и диссертация В.П. Пришепы [14; 15].

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что тема гражданственности в творчестве Е.А. Евтушенко впервые становится предметом целостного изучения. В данном исследовании сделана попытка рассмотрения художественного концепта «гражданственность» в произведениях Е.А. Евтушенко.

Несмотря на значительное количество исследований, связанных с описанием концептов, концепт «гражданственность» не являлся объектом исследования в русском языке.

Цель

Целью статьи является изучение и описание особенностей словесно-художественного воплощения концепта «гражданственность» в творчестве Е.А. Евтушенко, исследование структуры и вербальных реализаций концепта «гражданственность» на материале художественных произведений поэта.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили стихи Е.А. Евтушенко разных периодов творчества, в которых реперезентуется концепт «гражданственность». Для раскрытия и уточнения лексического содержания концепта «гражданственность» использовался лексикографический материал. В связи с этим в качестве основного метода применялся метод концептуального анализа, который включал в себя следующие приемы: 1) проведение словарного анализа лексической парадигмы слова «гражданственность»; 2) проведение сплошной выборки из текстов лексических единиц, апеллирующих к концепту «гражданственность»; 3) проведение контекстуального анализа для выявления содержания концепта «гражданственность».

Результаты

На основе проведенного исследования автором установлено, что слова с национально-культурным компонентом играют в произведениях Е.А. Евтушенко важную текстообразующую роль. Выявленные советизмы, элементы просторечия, диалектизмы и слова нового быта являются составными компонентами языка Е.А. Евтушенко, отображают богатый художественный мир поэта, образно передают информацию о жизни и быте советского народа.

Обсуждение

Е.А. Евтушенко — один из выдающихся современных поэтов. Уникальность его как личности заключается не только в поэтическом даровании, но и во врожденном чувстве гражданственности, которое в России всегда имело большое значение. Очевидно, это связано с тем, что Россия — особая страна. Русский поэт и прозаик Е.Б. Рейн также подчеркивал, что Россия — «особая страна решительно во всех отношениях, даже под углом ее поэтического облика. Вот уже двести лет русскую поэзию представляет один великий поэт. Так было в восемнадцатом веке, в девятнадцатом и в нашем двадцатом. Только у этого поэта разные имена. И это неразрывная цепь. Вдумаемся в последовательность: Державин — Пушкин — Лермонтов — Некрасов — Блок — Маяковский — Ахматова — Евтушенко. Это — один-единственный Великий поэт с разными лицами. Такова поэтическая судьба России» [16. С. 3].

Российская литература — неотъемлемая часть европейской и мировой культуры. В XX веке значительно усилилось взаимовлияние культур, стала заметнее стилевая динамика. Демократический подъем, жанровый и стилиевой плюрализм, подспудная переоценка системы ценностей — все это было косвенным следствием поэтического бума в период «оттепели» в советском обществе. В те годы в стране появилось много новых авторов, которым суждено было выйти за рамки исключительно литературного творчества: А.А. Вознесенский, Б.А. Ахмадулина, Б.Ш. Окуджава, Е.А. Евтушенко, В.П. Аксёнов, Э.А. Рязанов и др. Именно в период «оттепели» появилось первое в истории советской страны либеральное течение интеллигенции — «шестидесятничество». Шестидесятники наполнили нравственным, эстетическим, политическим и философским смыслами частную жизнь, повседневность, быт.

В поэзии Е.А. Евтушенко в полной мере отразились национальные реалии — предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику советской и российской действительности. Произведения поэта переведены более чем на 70 языков, они издаются во многих странах мира.

Как известно, реалии национальной лингвокультуры в наибольшей степени отражает безэквивалентная лексика, представляющая большую трудность для переводчиков и иностранцев. В лингвострановедении под безэквивалентной лексикой понимаются лексические единицы, план выражения которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. К фоновой лексике относят слова с неполноэквивалентностью фонов [17. С. 41–45].

В основе нашего исследования безэквивалентной лексики в творчестве Евтушенко лежит классификация Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [17. С. 45–51]. В научной литературе для определения этого понятия используются разные термины: фоновая лексика, культурно-маркированные слова, национально-маркированные лексические единицы, фоновая информация, реалии. Метафорические (переносные) значения развились на основе различных представлений о называемых реалиях. Появление определенного фона трудно объяснить без специального исследования, без знания других культуры, быта и уклада народа [18. С. 106–107].

Чтобы воссоздать характерные особенности советской эпохи, Е.А. Евтушенко в сборниках «Утренний народ» и «Завтрашний ветер» использует широкий спектр советизмов: *Магнитка*, *Турксиб*, *КамАЗ*, *промфинплан*, *власовец*, *планово*, *райжилотдел*.

— Такие, в нашу старину, / дрожа, промокшие до нитки, / в грязи монтируя страну / срывались с балок на *Магнитке*. / И, подтянув свои ремни, / не за начальничиье спасибо / узлы истории они / вязали рельсами *Турксиба*. («Поэта вне народа нет») [19. С. 12].

Для творчества Е.А. Евтушенко характерно обращение к мельчайшим деталям, ибо они создают национально-исторический фон произведений, в которых присутствуют наименования предметов и явлений традиционного быта (*буханка*, *пустобрех*, *напралина*, *мещанство*). Поэт также прибегает к использованию историзмов (*лапти*, *портянка*, *смерд*, *кафтан*, *двустволка*, *кольчуга*, *шелом*, *лобазник*),

слов нерусского происхождения (*тальянка, кеды, грейдер*). Е.А. Евтушенко активно использует слова нового быта: *жилплощадь, жилпроблемы, кирзянки, детдомовка, детсад, пятилетка, общага, черняшка, столовка, недосластки, шабашка, кореш, самогон, алкаш, пьянчуга, портвешок*.

Каждый язык создает своеобразную языковую картину мира. Носители разных языков по-разному воспринимают факты и явления, так как они по-разному выражены и сформулированы на их языках. Такие слова, как *труд, рабочий, Революция, Родина, работа, семья, народ* имеют ярко выраженную положительную коннотацию, подчеркивают патриотизм советского народа. В свою очередь, слова *буржуй, царский, красивость, трус, лень, боярский, сыто, жлобство* в советское время имели диаметрально противоположную, негативную окраску. Переводчику художественного текста порой бывает очень трудно передать реалии (*высотка, землянка, полпреды*), эмоционально-экспрессивно-оценочную коннотацию (*заказуха, прихватизация, коммуналка, лохотрон, чайник*), адаптировать описательный перевод реалий, которым нет эквивалента в другом языке (*колхозник, самовар, пятилетка*), например:

— На проводе Пётр Сомневальч. / Его бы сдать в общепит! / Гражданским самоваром / он весь от сомнений кипит («Кабычегоневышлисты») [19. С. 72].

Большинство работ, затрагивающих проблему языка и культуры, свидетельствуют об актуальности изучения явлений языка в соотнесенности с его кумулятивной, культуруноносной функцией. Такой взгляд на процесс взаимодействия, взаимовлияния языка и культуры предполагает выявление национально-культурной специфики языковых единиц и прежде всего слова как комплексной единицы языка и культуры. Национально-культурный компонент охватывает определенную сумму исторических, культурологических сведений, без которых невозможно адекватное восприятие слова и его правильное употребление. Толковые словари содержат лишь основную информацию, вызывающую те или иные ассоциации и исчерпывающий семантический потенциал слова.

Отличительной чертой творчества поэта Е.А. Евтушенко является патриотизм. Лирический герой автора в поэме «Станция Зима» пытается найти нравственную норму, которая могла бы стать точкой отсчета. Для него эта далекая станция означает дорогу в светлое будущее России [21]. Рассуждения о русском менталитете — задача весьма трудная, но проблемы менталитета, будучи поняты как универсальные, раскрытые на культурологическом материале, несут важную смысловую и познавательную нагрузку. Русская ментальность в поэме выражена национально окрашенными лексическими единицами, характерными для русского языка и мышления, или «русского мировоззрения».

— Я выпил *водки* с близкими за близких. / В последний раз пошел я по Зиме. / Был день как день... / В дрожащих пестрых бликах («Станция Зима») [6. С. 73].

— Мы *пили* и болтали оживленно, / шутили, но когда сестренка вдруг / спросила, был ли в марте я в Колонном, / все как-то посерьезнели вокруг («Станция Зима») [21. С. 73].

Значение лингвокультуры «русская водка» в целом отражает ее роль в русской жизни, национальное познание мира. Это свидетельствует о том, что те или иные категории детерминируют значение и их систему.

— Хотелось мне опять к знакомым соснам, / свидетельницам давних тех времён, / когда в Сибирь за бунт крестьянский сослан / был *прадед мой* с такими же, как он («Станция Зима») [21. С. 73].

— Крыл унтер у огня червей крестями, / а *прадед мой* в раздумье до утра / брал пальцами, как могут лишь крестьяне, / прикуривая, угли из костра. / О чем он думал? («Станция Зима») [21. С. 73].

Лингвокультура «дед, прадед» обладает большим потенциалом, который реализуется в ряде производно-значимых понятий социального характера, означая старшинство, первенство, основание, отечество, родину, заботу о ком-либо (благодетеля, кормильца, покровителя), уважаемых лиц, связь с предшествующими поколениями.

— Но, как ни гнули спины, выходило: / *не сами ели хлеб, а хлеб их ел* / За молотьбой, косьбой, / уборкой хлеба, / за полем, домом и гумном своим, / что вдоволь правды там, где вдоволь хлеба, / и хватит с них вполне, / казалось им. / *И в хлеб, как в бога*, веривший мой прадед, / неурожаи знавший без числа, / наверное, мечтал об этой правде, / а не о той, которая пришла («Станция Зима») [21. С. 73].

В разных своих воплощениях символ имеет различные функции предмета в общем контексте культур. Когда мы произносим: «хлеб наш насущный», то понимаем, что это не просто хлеб как вещь, а это «пища, потребная для жизни». От названия «хлеб» образовалось большое число национально маркированных коннотаций, свидетельствующих о русском гостеприимстве, о выгодном, доходном деле.

Заключение

Все выделенные нами реалии являются разными по происхождению. Автор использует слова-реалии для воссоздания этнографических особенностей повествования, временного колорита, обращается к специфическим реалиям советского быта и общенациональным культурно-маркированным словам. Слова с национально-культурным компонентом играют в произведениях Е.А. Евтушенко важную текстообразующую роль, что свидетельствует о мастерском владении им словом. Читателю всегда следует соотносить определение какого-либо слова со всем строем образных средств автора, чтобы определить точность образа в применении к данному предмету или явлению.

Проведенный лингвистический анализ произведений Е.А. Евтушенко, в которых нашли отражение острые социальные вопросы 1970-х гг., выявил особенности языковой картины мира поэта, где большую роль играют советизмы, элементы просторечия, диалектизмы и слова нового быта. Стилистически преобразованные, они обогащают художественный мир поэта, становятся основополагающими для лирической ткани его стиха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Попова З.Д., Стернин И.А.* Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Серия «Концептуальные исследования». 2003. № 2. С. 6–16.
- [2] Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1997.
- [3] *Колесов В.В.* Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1992. Вып. 3 С. 30–40.
- [4] *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–280.
- [5] *Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. № 1. С. 4–10.
- [6] *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 2004.
- [7] *Намитоква Р.Ю., Нефляшева И.А.* Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко. Майкоп: Качество, 2009.
- [8] *Михайлова О.С.* Идиостиль Е. Евтушенко в аспекте теории мотивации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
- [9] Словарь рифм Евгения Евтушенко. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 335 с.
- [10] *Петриченко А.М.* Деривационная структура и стилистические функции речевых новообразований в современной советской поэзии (на материале поэзии А. Вознесенского и Е. Евтушенко): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981.
- [11] *Чумакова О.М.* Поэтические новообразования Е. Евтушенко // Словообразование и структура слова в русском языке. Ташкент: Ташкентский гос. пед. ин-т, 1980.
- [12] *Шахова И.Е.* Семантико-деривационная структура индивидуально-авторских имен существительных (на материале поэзии и прозы Евг. Евтушенко): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел, 1991.
- [13] *Сидоров В.Ю.* Евгений Евтушенко: Личность и творчество. М.: Художественная литература, 1987.
- [14] *Прищепа В.П.* Российского Отечества поэт (Е.А. Евтушенко: 1965—1995 гг.). Абакан: Изд-во Хакасского ун-та, 1996. URL: http://www.russofile.ru/articles/article_134.php Дата обращения: 12.11.2016.
- [15] *Прищепа В.П.* Парадигма идейно-эстетических поисков Е.А. Евтушенко (1949—1998 гг.): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1999. URL: http://www.russofile.ru/articles/article_133.ph Дата обращения: 15.11.2016.
- [16] *Межиров А.П.* Вступительная статья к книге Евтушенко Е.А. «Стихотворения и поэмы». М.: Молодая гвардия, 1990.
- [17] *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
- [18] *Воробьёв В.В., Саяхова Л.Г.* Русский язык в диалоге культур: М., 2006.
- [19] *Евтушенко Е.А.* Утренний народ. М.: Молодая гвардия, 1978.
- [20] *Евтушенко Е.А.* Завтрашний ветер. М.: Правда, 1987.
- [21] *Евтушенко Е.А.* Станция Зима // Евтушенко Е.А. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Эксмо, 2014.

© Корнакова Е.С., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 июня 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Корнакова Е.С. Национально-культурная специфика советской действительности и ее языковое отражение в поэзии Е.А. Евтушенко // Вестник Российского университета дружбы

народов Серия: *Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 1. С. 103—112.

Сведения об авторе:

Корнакова Екатерина Сергеевна, член-корреспондент Академии российской словесности, аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, преподаватель школы лингвистики факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета. *Сфера научных интересов:* когнитивная лингвистика, концепты, методика преподавания РКИ. Автор более десяти научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: ekornakova@hse.ru

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICS OF SOVIET REALITY AND ITS LINGUISTIC REFLECTION IN E.A. EVTUSHENKO'S POETRY

E.S. Kornakova

National Research University "Higher School of Economics"
Maysnitskaya str., 20, Moscow, Russia, 101000

The article analyzes E.A. Yevtushenko collections of "Utrennij narod", "Zavtrashnij veter" and the poem "Zima", which reflected the thorny social issues typical for the Soviet society of the 1970s.

The urgency of this article is determined by the following factors: 1) close attention of the modern science to the issues of the conceptual analysis of text; 2) an increased interest in identifying the specifics of World Art Picture of the individual writers; 3) poor attention to the legacy of the poet E.A. Yevtushenko and the lack of the research of this particular theme in his work. The article aims in studying and describing the features of verbal and artistic expression of the concept of "citizenship" in the works of E.A. Yevtushenko, to study the structure and the implementation of the verbal concept "citizenship" on the material of artworks E.A. Yevtushenko.

The material of this research are poems and prose by E.A. Yevtushenko of different creative periods. These poems and prose are objectifying the analyzed concept. In addition to the disclosure and clarification of the lexical content of the concept of "citizenship" in the system of the Russian language the following lexicographical material was used: "Explanatory Dictionary of Russian Language" V.I. Dahl; Dictionary of Russian language S.I. Ozhegova; Etymological dictionary of Russian Mikhail Vasmer, Dictionary of Russian ed. A.P Evgenyeva, Explanatory Dictionary of Russian ed. D.N. Ushakov and others.

The main research method is a special linguistic technique conceptual analysis method that includes the steps of: 1) the vocabulary analysis of lexical paradigm of the word "citizenship", 2) continuous sample of word lexical items appealing to the concept of "citizenship", 3) contextual analysis to identify the content of the concept of "citizenship". Also methods of theoretical research were used: the analysis, synthesis and deductive method (transition from general ideas about the concept "citizenship" to private terminals), a comparison, and also additional methods: descriptive component analysis method, the distribution method of analysis, the solid (from dictionaries) and partial sample material (of texts), word-forming analysis techniques, stylistic and frequency of the statistical characteristics of etymological analysis, a method of continuous sampling, analysis of dictionary definitions, conceptual analysis,

comparative-typological analysis and statistical analysis. System-based and text-based approach were used.

In conclusion author assumes that the words of the national cultural components play important text-forming role in the works of E.A. Yevtushenko. Identified sovietisms, vernacular elements, dialecticisms and words of the new way of life are the building the blocks of language of E.A. Yevtushenko, displaying a rich artistic world of the poet. Those elements express the way of life of the Soviet people.

Key words: linguistic picture of the world, non-equivalent vocabulary, connotative vocabulary, emotionally colored vocabulary, national and cultural component, E.A. Yevtushenko

REFERENCES

- [1] Popova Z.D., Sternin I.A. Problema modelirovanija konceptov v lingvokognitivnyh issledovanijah. *Mir cheloveka i mir jazyka: Serija «Konceptual'nye issledovanija»*. 2003. Vyp. 2. P. 6—16. (In Russ)
- [2] Kubrjakova E.S., Dem'janenko V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov*. Moscow: MGU, 1997. P. 89. (In Russ)
- [3] Kolesov V.V. Koncept kul'tury: obraz — ponjatie — simvol. *Vestnik SPbGU*. Ser. 2. 1992. Vyp. 3. P. 30—40. (In Russ)
- [4] Askol'dov S.A. Koncept i slovo. *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta*. Antologija. Moscow: Academia, 1997. P. 267—280. (In Russ)
- [5] Lihachjov D.S. Konceptosfera russkogo jazyka. *Izvestija RAN*. Ser. lit. i jaz. 1993. № 1. P. 4—10. (In Russ)
- [6] Stepanov Ju.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury*. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 2004. 158 p. (In Russ)
- [7] Namitokova R.Ju., Nefljashaeva I.A. *Slova pojeta: Opyt slovarja avtorskih novoobrazovanij Evgenija Evtushenko*. Majkop: Kachestvo, 2009.
- [8] Mihajlova O.S. *Idiostil' E. Evtushenko v aspekte teorii motivacii: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. Tomsk, 2005.
- [9] *Slovar' rifu Evgenija Evtushenko*. Tjumen': Izd-vo Ju. Mandriki, 2000. 335 p. (In Russ).
- [10] Petrichenko A.M. *Derivacionnaja struktura i stilicheskie funkcii rechevyh novoobrazovanij v sovremennoj sovetskoj poezii (na materiale poezii A. Voznesenskogo i E. Evtushenko)* [dissertation]. Alma-Ata, 1981.
- [11] Chumakova O.M. *Pojeticheskie novoobrazovanija E. Evtushenko. Slovoobrazovanie i struktura slova v russkom jazyke*. Tashkent: Tashkentskij gos. ped. in-t, 1980.
- [12] Shahova I.E. *Semantiko-derivacionnaja struktura individual'no-avtorskih imjon sushhestvitel'nyh (na materiale poezii i prozy Evg. Evtushenko)* [dissertation]. Orjol, 1991.
- [13] Sidorov V.Ju. *Evgenij Evtushenko: Lichnost' i tvorcestvo*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1987. (In Russ)
- [14] Prishhepa V.P. *Rossijskogo Otechestva pojet (E.A. Evtushenko: 1965—1995 gg.)*. Abakan: Izd-vo Hakasskogo un-ta, 1996. Available from: http://www.russofile.ru/articles/article_134.php (In Russ).
- [15] Prishhepa V.P. *Paradigma idejno-jesteticheskikh poiskov E.A. Evtushenko (1949—1998 gg.): avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk*. Moscow, 1999. Available from: http://www.russofile.ru/articles/article_133.php (In Russ).
- [16] Mezhirova A.P. *Vstupitel'naja stat'ja k knige Evtushenko E.A. «Stihotvorenija i pojemy»*. Moscow: Molodaja gvardija, 1990. (In Russ).
- [17] Vereshagin E.M., Kostomarov V.G. *Jazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo*. Moscow: Russkij jazyk, 1990. (In Russ).
- [18] Vorob'jov V.V., Sajahova L.G. *Russkij jazyk v dialoge kul'tur*. Moscow, 2006. (In Russ).
- [19] Evtushenko E.A. *Utrennij narod*. Moscow: Molodaja gvardija, 1978. (In Russ).
- [20] Evtushenko E.A. *Zavtrashnij veter*. Moscow: Pravda, 1987. (In Russ).
- [21] Evtushenko E.A. *Stancija Zima*. Evtushenko E.A. *Sobranie sochinenij v 4 t. T. 2*. Moscow: Jeksmo, 2014. (In Russ).

Article history:

Received: 23 june 2016

Accepted: 20 november 2016

For citation:

Kornakova E. National and Cultural Specifics of Soviet Reality and its Linguistic Reflection in E.A. Evtushenko's Poetry. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages of Research and Teaching*, 15 (1), 103—112.

Bio Note:

Kornakova Ekaterina, graduate student of the Department of General and Russian Linguistics of the Peoples' Friendship University of Russia, a teacher School of Linguistics, Faculty of Humanities of the National Research University "Higher School of Economics". *Research interests*: cognitive linguistics, concepts, methods of teaching trials. Author of more than ten scientific publications. Corresponding member of the Russian Academy of Literature. E-mail: ekornakova@hse.ru

УДК 81'272

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-113-125

ОБРАЗ ВЛАСТИ В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ 1990-Х ГГ.

А.Ю. Лонская

Российский университет дружбы народов
Миклухо-Маклая, 10, к. 2, Москва, Россия, 117198

Проблематика данной статьи связана с выявлением характерных особенностей стиля, лексических средств, фразеологизмов, использовавшихся при создании образа власти. Актуальность работы состоит в лингвокультурологическом анализе лексических единиц как средств выразительности, предназначенных для формирования эмоционально окрашенных представлений об образе власти в контексте лингвокультурной ситуации в России 1990-х гг. Результатом данного исследования является создание тематически организованного списка лексических единиц и фразеологизмов, способствовавших появлению образности в текстах СМИ рассматриваемого периода. Цель работы — выявить характерные черты стиля, лексических единиц, использовавшихся в текстах российских печатных СМИ для конструирования образа власти. Основными методами исследования являются лингвокультурологический анализ, метод наблюдения, описательный метод, метод классификации, сопоставительный метод, частотный метод, метод комплексного стилистического анализа. Материалом исследования являются тексты статей газет «Известия», «Московский Комсомолец», «Независимая газета», «Правда», «Завтра», посвященные деятельности российских политиков, политическим событиям, происходившим в России в период с 1990 по 1999 гг. Новизна исследования состоит в попытке автора вычленив из текстов лексические единицы и фразеологизмы, являющиеся характерными для политического языка СМИ последнего десятилетия XX в.; объединить их по темам; провести лингвокультурологический анализ.

Ключевые слова: образ власти, тексты СМИ, фразеологизмы, лексические единицы, язык, стиль

Введение

Предмет данного исследования — анализ лексических единиц и фразеологизмов, использовавшихся для создания образа власти в российской прессе в 1990-е гг.

Актуальность данного исследования обусловлена потребностью современной лингвокультурологии изучить язык образа власти 1990-х гг. как одну из важнейших тем в истории развития особенностей языка российских печатных СМИ.

Языковая ситуация последнего десятилетия XX в., основанная на обновлении русского языка, привела к появлению в печатных СМИ новых лексических единиц, фразеологизмов, способствовала реконструкции старой стилистики и языковых норм. Образ власти изучался как с точки зрения социально-политических наук, так и с точки зрения истории развития журналистики.

Социология и политология исследуют образ власти в СМИ в контексте его зависимости от политического режима, исторических этапов, кризисных периодов в жизни общества. Данный образ рассматривается здесь как один из признаков сосуществования двух различных социальных институтов — власти и СМИ, с течением времени меняющих свой характер. Исследователи, например, К.В. Космодемьянская, А.А. Калмыков, В.В. Русина отмечают, что на рубеже веков в массовом сознании российских граждан существовал неоднозначный образ власти [1—3]. А.В. Фадеев утверждает, что СМИ часто конструировали такой образ власти, который мог не совпадать с реальностью, вмещать в себя как желаемые, так и действительные черты. Исследователь пишет о взаимосвязи образа власти и самосознания общества: «Массовое сознание испытывает влияние глобальных макроэкономических и макрополитических процессов, так же как и мезо- и микросреды. Воздействия такого рода, а также искажения социальной картины мира, тотально симулированной СМИ, приводят к неадекватному восприятию действительности, что продуцирует соответствующие виды поведения, в том числе и политического» [4].

Журналистику как науку образ власти в СМИ в первую очередь интересует способ «позиционирования власти в публичном пространстве путем использования информационных ресурсов, которые в современных политических условиях должны стать эффективными инструментами формирования открытых и равноправных отношений власти и общества» [5]. Исследуются проблемы взаимодействия власти и общества в коммуникационном пространстве, анализируется публичный образ власти, рождающийся благодаря информационной деятельности СМИ [6—8].

Язык СМИ является одной из актуальных тем для исследования среди филологов. Отмечается, что новые социальные, политические, экономические реалии, появившиеся в последнее десятилетие XX в., оказали влияние на русский язык [9—13]. Это повлекло за собой языковые, стилевые, содержательные изменения в текстах СМИ. Переломный момент в жизни государства привел к зарождению нового языка, «позволил актуализировать процессы, которые в других условиях могли бы быть менее заметными, более сглаженными и которые нашли отражение в языке газет и журналов, телевидения и радиовещания» [14]. Кроме того, процессы внутреннего и внешнего заимствования, сдвиги в семантике слов, появление новых и переосмысление старых фразеологизмов являются характерными признаками языка СМИ 1990-х гг.

Исследователей, касавшихся в своих работах вопросов лингвокультурологии, интересует вопрос сосуществования в языке СМИ «реальности и текста как ее возможной интерпретации» [15—17]. Языковая политика конкретных медиа, риторическая коммуникация авторов медиатекстов, политическая пропаганда рассматриваются во взаимосвязи не только с языком СМИ, но и в контексте культурной информации.

Анализ литературы по рассматриваемому вопросу показал, что образ власти в языке СМИ 1990-х гг. не подвергался детальному изучению в качестве отдельной темы. Язык, с помощью которого создавался образ власти в российских печатных

СМИ 1990-х гг., был наполнен наиболее яркими, нестандартными, выходящими за рамки предшествующей традиции лексическими средствами и фразеологизмами, что позволяет выделить его в качестве специальной темы для исследования. Тема образа власти, на наш взгляд, позволяет максимально точно отразить языковой вкус последнего десятилетия XX в. на страницах газет. Исследование данной темы дает возможность обозначить некоторые особенности лексических единиц, использовавшихся в текстах российских СМИ, образа власти в печатных медиа.

В качестве методологической основы автор использует работы В.В. Воробьёва, В.М. Шаклеина, так как материал статьи изучается с позиции лингвокультурологического анализа [18–21]. Автор рассматривает процесс рождения образа власти с точки зрения изменений в стилистике, нормативного переосмысления употребления различных лексических единиц, фразеологизмов в языке СМИ 1990-х гг., основываясь на базе классификации, предложенной В.Г. Костомаровым [22].

Цель

Цель данной работы — рассмотреть особенности стиля, лексических единиц российских печатных СМИ, с помощью которых создавался образ власти в последнее десятилетие XX в.

Автором сделана попытка рассмотреть язык газетной публицистики 1990-х гг. как часть культурной парадигмы. Основное внимание в статье акцентировано на выделении и описании изменений в стиле статей, посвященных деятельности власти в России; конкретных лексических единиц и фразеологизмов, определивших как отношение к власти, так и языковой вкус десятилетия в целом.

В соответствии с заданной целью автором предпринята попытка проанализировать язык газетной публицистики, иллюстрирующий образ власти.

Материалы и методы

В качестве методов исследования использовались лингвокультурологический анализ, стилистический анализ, метод наблюдения, описательный метод, метод классификации, сопоставительный метод, частотный метод, комплексный анализ, стилистический анализ.

Материалом исследования послужили тексты статей из газет «Известия», «Московский Комсомолец», «Независимая газета», «Правда», «Завтра», посвященные деятельности российских политиков, политическим событиям в России с 1990 по 1999 г. Выбор газет обусловлен их идеологическими характеристиками: газеты «Известия», «Московский Комсомолец», «Независимая газета» являлись изданиями, положительно или индифферентно оценивавшими новую, демократическую власть, тогда как в газетах «Правда», «Завтра» создавался негативный образ власти. Для конструирования наиболее эмоционального образа власти в газетах использовались определенные средства языка, наиболее яркими из которых, на наш взгляд, оказались лексические единицы и фразеологизмы, впоследствии ставшие характерными для последнего десятилетия XX в.

Результаты

Автором статьи были исследованы материалы газетных статей, из которых были отобраны лексические единицы и фразеологизмы, использовавшиеся в 1990-х гг. для создания образа власти. В процентном соотношении лексические единицы занимают 90% из всего массива проанализированных лексических единиц. Собранные лексические единицы были проанализированы, классифицированы, описаны. Классификация и описание проводились с учетом использования материалов из Словаря-справочника лингвистических терминов Д.Э. Розенталя.

Обсуждение

Язык — один из наиболее значимых факторов в контексте изучения образа власти в российской бумажной прессе 1990-х гг. Исследователи данного периода в истории развития русского языка особое внимание уделяют лингвокультурологии, проблемам нормы, стиля, иноязычного влияния, фразеологии. Конец XX в. стал в России временем стремительных политических, экономических, социальных перемен, которые нашли свое отражение в языке. Исторический контекст, происходящие в государстве перемены оказали существенное влияние на эволюцию языка.

Принятый в середине 1990 г. Закон о печати провозглашал отсутствие цензуры, гласность, свободу слова. Печатные СМИ являлись одним из инструментов, оповещающих о действиях новой власти. Благодаря политике гласности газетная публицистика имела возможность освещать новую политику в независимой манере, поддерживать или обличать новую власть, используя для этого определенные языковые средства. Языковой вкус последнего десятилетия XX в., основанный на обновлении русского языка, способствовал реконструкции старой стилистики и языковых норм, привел к появлению на страницах газет новых лексических единиц, фразеологизмов.

Рассуждая о лингвокультурологическом аспекте языка прессы, важно отметить всеобъемлющее влияние культуры на его развитие и функционирование. Исторические, политические, культурные, социальные перемены в обществе всегда находили отклик в языке. Моральные устои общества менялись вместе с лингвистическими законами. Так как печатные средства массовой информации имеют большое влияние на общество, язык печатных СМИ отражает изменения в культуре языка и в языке культуры. Кроме того, язык прессы может оказывать воздействие на становление новшеств в лингвистике и культуре в целом. Основываясь на мнении В.В. Воробьева, о том, что лингвокультурология — это «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)», можно говорить о влиянии развития языка и культуры на язык прессы и влияние языка прессы на становление культурных ценностей и нормы языка в XX в. [18].

«Образ власти», присутствующий как идеологема в советской прессе, имел иную трактовку в российской печати последнего десятилетия XX в. Изменение политического строя повлияло на обновление взглядов, касающихся политической, экономической, социальной жизни страны и общества. Появление в 1990-х гг. многопартийности, рыночной экономики, гласности стало характерным признаком демократизации в России. Новая демократическая пресса формировалась постепенно вместе с новым политическим строем. Политические лидеры, их сторонники и противники представляли большой интерес для печатных СМИ, так как от их действий и решений зависело будущее обновленного государства, внешняя и внутренняя политика которого в конце XX в. были полны противоречий.

Стиль российских печатных СМИ 1990-х гг. был тесно связан с лингвокультурологическим аспектом развития русского языка, так как он являлся отражением отношения социума к языку и к измененной идеологии, культуре, морали. В своем исследовании мы придерживаемся мнения Н.И. Клушиной о том, что изменения стиля языка прессы основываются на связи между изменениями лексики русского языка, экстралингвистических факторов, языковых антиномий [10]. На протяжении всего существования феномена языка его развитие определялось борьбой противоположностей, присутствующих в нем, так называемыми языковыми антиномиями. Языковые антиномии служат причиной саморазвития языка, так как разрешение одной противоположности часто порождает другую: «...в период коренных, революционных преобразований, происходящих сегодня в нашем обществе и затрагивающих все сферы (материальную и духовную) его жизни, ведущую роль в изменении языка играют не несколько определенных факторов, а целая парадигма» [10]. Политические, экономические, социальные, культурные, психологические факторы оказывали влияние на эволюцию языка прессы, так как в нем наиболее быстро отражались изменения как в словарном составе языка, так и в семантико-стилистической окраске отдельных слов.

Стиль языка газеты стал своего рода отражением мировосприятия, философии современного ему общества. Демократизация, появившаяся во всех сферах деятельности человека, понималась как полная свобода, без учета морали и этики. Она повлекла за собой постепенное уничтожение однотипных условий, правил использования языка между различными сферами общения. Так, стиль языка печатных СМИ теряет свои границы, включает в себя все типы речи. Увеличился не только ритм жизни общества, но и своеобразный ритм жизни языка: в погоне за тем, чтобы «успеть все», стиль языка прессы постоянно пополнялся новой лексикой вне зависимости от ее нормативных характеристик. В 1990-е годы язык печатных СМИ поддерживал непрерывную связь с часто меняющимися реалиями жизни и настроениями общества, вбирая в себя все существующие изменения в языковой культуре и порождая новые [9; 10; 22].

В процессе развития языка прессы 1990-х гг. меняется представление о социокультурном осознании понятия «норма». Существовавшая система правления в СССР и присутствующая в ней невозможность отклонения от нормы в каких бы то ни было сферах послужили причиной тому, что общество предпочло максимально отказаться от каких-либо норм и правил старого строя. Одним из наи-

более ярких примеров максимальной индивидуализации можно считать язык прессы, в котором были нивелированы традиции прошлого и поощрялись все возможные нововведения [9; 6; 10; 12; 13; 17; 22].

Одной из существенных особенностей языка прессы 1990-х гг. является приверженность моде. Язык печатных СМИ того времени был противопоставлен старым лингвистическим традициям. Его характеризовали стремление к хаотической свободе по отношению к языковым и лексическим нормам. Чрезмерная языковая свобода в прессе последнего десятилетия XX в. стала ее характерной особенностью. В.Г. Костомаров отмечал, что в различные по смысловому содержанию тексты проникают одинаковые языковые единицы, которые приводят к снижению серьезного восприятия самих текстов: «В ход идут разного качества и приличия словесные игры, шутки, каламбуры, шутливые или даже издевательские расшифровки и подмены по созвучию, присловья, пустоговорки, “покупки”, окказиональные образования, новые типы сочетания слов, необычные стилистические объединения и т.д.» [22].

Подобная «карнавализация» в СМИ в 1990-х гг. привела к тому, что медиа стали частью индустрии развлечений, оказывающих в то же время большое влияние на сознание личности. Любая связь с юмором, негативная или позитивная коннотация, сарказм или комическое описание различных ситуаций достаточно редко встречались в языке советской прессы. Этот факт стал одной из причин укоренения добрых «подсмеиваний» и злых насмешек в языке печатных СМИ 1990-х гг., намеренного отказа от старой традиции [9; 10; 13; 17; 22].

Появление нового языка медиа было реакцией на всевозможные цензурные запреты, которые распространялись на СМИ в СССР. В.Г. Костомаров писал, что в советское время «мы пришли к весьма закостеневшей и строго насаждавшейся литературной норме, вполне отвечавшей социально-политической ситуации тоталитарного государства» [22]. Существовавшая в СССР цензура, строгие стилистические, языковые нормы, идеологические ограничения привели к тому, что в 1990-х гг. печатные СМИ отказывались от советских традиций. В стиле, языке российских медиа стала приветствоваться «установка ... на свободу, сопрягаемую у нас со стихийным потаканием, с разгулом своей воли ... с небрежностью, раскованностью и забвением того, что без подчинения она (свобода) есть хаос ... даже убежденные ревнители чистоты и неприкосновенности языковой традиции не могут не видеть, что в эпоху насаждения единомыслия масс-медиа (пропагандисты, агитаторы, организаторы) унифицировали и мумифицировали русский язык» [22].

В результате проведенного анализа нами были выделены следующие группы: лексические единицы, используемые в сравнениях (архаизмы, иноязычная лексика, жаргонизмы, просторечия); фразеологизмы. Обозначенные лексические единицы были выбраны из таких изданий, как «Известия», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Правда», «Завтра», выходивших в период с 1990 по 1999 гг. (всего 19 газет). Собранные нами лексические единицы, с нашей точки зрения, наиболее ярко отражают существующий в тот период в СМИ языковой и культурный вкус. Анализ выделенных групп слов и словосочетаний рассматриваемого периода может быть представлен следующим образом.

1. Лексические единицы

1.1. Лексические единицы, используемые в сравнениях. Множество разнообразных лексических единиц, используемых в сравнениях, встречается в текстах статей, посвященных власти в 1990-е гг. Благодаря частому использованию сравнений достигается ощущение того, что власть близка к народу, так как ее действия можно объяснить с помощью лексики, понятной не только политикам, но и представителям других профессий. Сравнения позволили расширить язык прессы, пополнить его новыми единицами. Узкая профессиональная лексика, таким образом, «уходит в народ», становится понятной массам. С помощью сравнений усиливается поэтичность образа власти (в независимости от негативной или позитивной его трактовки). На страницах печатных СМИ встречаются *исторические сравнения*: «собрать на смотрины»¹, «новые преторианцы», «руководство столичной милиции, вооружив солдат щитами, не научило их боевому искусству римских легионеров»², «коммунистические реваншисты»³; «...даже помоги он Ельцину выиграть в конституционном поединке, его просто за это поблагодарят...»⁴, «политические противоборства, схватки»⁵; «возрождение “духа Эльбы”»⁶, «наследники товарища Серго»⁷; *литературные сравнения*: «...подобно королю из сказки Андерсена, голой»⁸, «архипелаг кулак»⁹, *театральные сравнения* «драматические события»¹⁰; *медицинские сравнения*: «...въелась во все поры кремлевской политики, болезнь переходного периода», «главный симптом этой болезни — неведение правой руки о том, что делает левая...»¹¹; *геологические сравнения*: «раскол российского общества, углубление этого раскола»¹²; *зоологические сравнения*: «оппозиционная пресса ... все более убедительна, а официозная — все более рептильна»¹³. В процентном соотношении лексические единицы, используемые в сравнениях, занимают наибольшее количество от общего числа исследованных слов и словосочетаний (20%).

1.2. Архаизмы. Архаизмы, появившиеся в текстах печатных СМИ 1990-х гг., можно трактовать как языковое противопоставление новой и старой власти. Религия и многие события отечественной истории были отвергнуты советской властью, в то время как власть в России последнего десятилетия XX в. активно поддерживала восстановление религии в стране и возрождение памяти об историческом прошлом. Архаизмы способствовали расширению словарного запаса журналистов, делали их письменную речь богаче, однако присутствие подобной лексики в печатных статьях уничтожало сложившиеся представления о газетно-

¹ «Известия» 04.05.1995.

² «Независимая газета» 05.05.1993.

³ «Независимая газета» 06.05.1993.

⁴ «Независимая газета» 22.05.1993.

⁵ «Независимая газета» 25.05.1993.

⁶ «Известия» 06.05.1995.

⁷ «Известия» 18.05.1995.

⁸ «Независимая газета» 05.05.1993.

⁹ «Правда» 02.06.1993.

¹⁰ «Независимая газета» 25.05.1993.

¹¹ «Известия» 20.05.1995.

¹² «Независимая газета» 22.05.1993.

¹³ «Независимая газета» 25.05.1993.

публицистическом жанре. Подобная лексика может быть рассмотрена и как одно из веяний моды на сложность языка, книжность. Использование данной лексики негативно сказывалось как на журналистской речи, стилистически снижая ее, так и на текстах статей, придавая им черты сплетен и слухов: «*ибо* ответы», «*сие* обстоятельство»¹; «в ельцинском проекте *лукаво* сказано», «*а коль так*, то вообще беда»²; «...время административного управления экономикой давно *миновало*»³; «*эка невидаль*: сняли очередного члена правительства...»⁴. В процентном соотношении архаизмы занимают наименьшее количество от общего числа исследованных слов и словосочетаний (16%).

1.3. Иноязычная лексика. Появление в политических статьях большого количества иноязычной лексики связано с многопартийностью и отсутствием в русском языке некоторых слов, описывающих соответствующую деятельность: «дебрифинг»⁵, «кворум»⁶. Использование данной лексики выступает в качестве противопоставления языка современной политики советскому языку политики. На развитие языка оказывала большое влияние мода на все новое, зарубежное, максимально противопоставленное старому: «завизированный», «спикер»⁷. Эта тенденция проявлялась не только в постепенном отходе от использования советизмов, лексики, связанной с советскими реалиями политической жизни, но и в использовании иноязычной лексики вместо слов и словосочетаний, не имеющих политическую окраску: «...*объективно* становится *реальным* конкурентом Борису Ельцину»⁸, «*стратегия* всех публичных речей...»⁹, «всякий раз *организовывал дискуссию*»¹⁰, «*корумпированностью* и низкой *эффективностью* госаппарата»¹¹. В процентном соотношении иноязычная лексика занимает существенное количество от общего числа исследованных слов и словосочетаний (19 %).

1.4. Жаргонизмы. Использование различного вида жаргонизмов при создании образа власти создавало несерьезное к ней отношение. Присутствие жаргонизмов призвано было нивелировать имевшиеся в советской России жесткие разграничения между народом и властью. Жаргонизмы в текстах создавали образ власти свободной, народной, лишенной предрассудков и одновременно склонной к нечестным поступкам, обманным речам. В текстах печатных СМИ 1990-х гг. присутствовал *воровской жаргон*: «...России *денег отстегнули*...»¹², «...уже *дерут* за все...»¹³; *молодежный жаргон*: «...*тусовка* президента»¹⁴, «*туфта* об отдельных

¹ «Независимая газета» 22.05.1993.

² «Правда» 02.06.1993.

³ «Известия» 20.05.1995.

⁴ «Правда» 06.09.1994.

⁵ «Известия» 27.01.1995.

⁶ «Независимая газета» 22.05.1993.

⁷ «Независимая газета» 22.05.1993.

⁸ «Известия» 19.05.1995.

⁹ «Известия» 06.05.1995.

¹⁰ «Независимая газета» 22.05.1993.

¹¹ «Известия» 20.05.1995.

¹² «Московский комсомолец» 06.04.1993.

¹³ «Правда» 02.06.93.

¹⁴ «Правда» 01.06.93.

квартирах»¹; **политический или управленческий жаргон**: «политическая текучка»², «утечка кадров»³, «номенклатурная единица верховного совета»⁴, «Мандат на чистку», «... “сбросить” Куликова с ключевого поста...», «...пересадить его... в кресло первого вице-премьера»⁵. В процентном соотношении жаргонизмы занимают существенное количество от общего числа исследованных слов и словосочетаний (18%).

1.5. Просторечия. Просторечная лексика, как и жаргонизмы, подчеркивала близость власти к народу, делала тексты статей, посвященных политике, простыми и понятными среднестатистическому читателю. Вопросы социальных реформ, экономики, внешней политики описывались таким же языком, каким, например, могли разговаривать прохожие на улице. Язык прессы наполнился множеством междометий, слов-паразитов, активно эксплуатировались приемы приставочно-суффиксального словообразования. Подобная лексика, усиливая ощущение родственности власти и народа, вызывала также и настроение недоверчивости у читателя, выставляла власть беспечной: «Хасбулатов...деньжат подкинет»⁶, «президент *всякий раз* организовывал дискуссию», «и *ждать уже спокойно* президентского указа»⁷, «*абстрактный-преабстрактный* вопрос, долго мучивший нашу науку» (по отношению к конституции), «*завертелись, закружились страсти* вокруг проекта»⁸, «отдать полномочия центра “вниз”»⁹, «*конституционные мечтания* президента», «*кто бы объяснил* внятно... *блефануть... я уж не говорю... зачем же еще* в конституцию *загонять* подобную *лажу... ну не цинизм ли, а?.. вообще беда... да в сущности...*»¹⁰. В процентном соотношении разговорная и просторечная лексика занимают существенное количество от общего числа исследованных слов и словосочетаний (17%).

2. Фразеологизмы. Фразеологизмы, использовавшиеся для создания образа власти, представляли собой стандартные фразеологизмы, почерпнутые авторами текстов из литературного русского языка. Отличительной чертой данных фразеологизмов была частая негативная коннотация, они использовались для усиления негативного отношения к политическому событию или действиям того или иного политического лидера: «...*всеми правдами и неправдами, пускаясь во все тяжкие*, стремились, *во что бы то ни стало* затянуть работу 9 съезда народных депутатов...»¹¹, «... “День” пишет *под указку* Полторанина... Прессу на *поругание не отдадут*. По словам Полторанина, Ельцину советуют *пойти по следам* Пиночета»¹², «Экономический союз может состояться, но *путь к нему* вряд ли будет *усеян*

¹ «Правда» 02.06.93.

² «Независимая газета» 22.05.1993.

³ «Известия» 20.05.1995.

⁴ «Московский комсомолец» 02.04.1993.

⁵ «Завтра» 28.12.1996.

⁶ «Московский комсомолец» 6.04.1993.

⁷ «Независимая газета» 22.05.1993.

⁸ «Независимая газета» 25.05.1993.

⁹ «Независимая газета» 29.05.1993.

¹⁰ «Правда» 02.06.1993.

¹¹ «Московский Комсомолец» 01.04.1993.

¹² «Московский Комсомолец» 02.04.1993.

розами»¹. В процентном соотношении фразеологизмы занимают небольшое количество от общего числа исследованных слов и словосочетаний (10%).

Заключение

Образ власти в языке российских печатных СМИ 1990-х гг. имел конкретные характеристики. Власть была представлена как новая, энергичная, готовая к радикальным переменам, однако совершающая некоторые ошибки, которые подробно обсуждались в СМИ. На страницах газет яркий портрет власти подчеркивался благодаря существовавшей в то время моде на смешение различных языковых стилей. Язык печатных СМИ 1990-х гг., с помощью которого создавался образ власти, отражал языковые процессы, происходящие в языке в целом, закреплял их, создавая при этом новый стиль газетных публикаций, пропагандируя новую языковую норму. Наряду с адекватным критическим журналистским письмом могли существовать также и субъективные, эмоциональные высказывания. Язык политических текстов стремился к тому, чтобы быть «ближе к народу», из-за чего его характерными чертами стали переполненность различного рода архаизмами и фразеологизмами. Специфика стиля языка газеты рассматриваемого периода представляла собой процесс деконструкции, когда изменялся привычный баланс стандартизированной и экспрессивной речи в текстах. Экспрессивные лексические единицы, такие как сравнения, жаргонизмы, просторечия, архаизмы, иноязычная лексика, фразеологизмы создавали образ власти, которая противопоставляла себя советской, иллюстрировала свою языковую связь с обществом, стремилась к восстановлению некоторых досоветских традиций и поощряла интерес к иностранным ценностям. Образ власти на страницах печатных СМИ был тесно связан с языковым вкусом постсоветской России: он был ярким, парадоксальным, впечатляющим, запоминающимся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Космодемьянская К.В.* Власть и СМИ: взаимодействие или противостояние? // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 176–179.
- [2] *Калмыков А.А.* Четвертая политическая сила // Вестник РГГУ. Политология. Социально-коммуникативные науки. 2012. № 1. С. 56–66.
- [3] *Русина В.В.* Информационная политика в сфере СМИ в демократическом обществе: Основные принципы и формы реализации в регионе: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 2005. 29 с.
- [4] *Фадеев А.В.* Образ политической власти в массовом сознании россиян на рубеже XX–XXI веков: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. М., 2003. 20 с.
- [5] *Бурова Ю.Е.* Информационные ресурсы власти как инструменты транслирования ее образа // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2013. № 3. С. 135–139.
- [6] *Волков А.И., Пугачёв М.Г., Ярмолюк С.Ф.* Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. М.: Изд-во Московской школы политических исследований, 2000. 616 с.
- [7] *Марков Е.А.* Власть и СМИ в России: история взаимодействия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 123. С. 204–213.

¹ «Независимая газета» 18.05.1993.

- [8] *Кравцов В.В.* Инновационная журналистика и власть в современном медийном пространстве: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 52 с.
- [9] *Абрамова Г.А.* Стилевое многообразие в сфере печатных СМИ // *Культура русской речи: материалы V Международной научной конференции.* Армавир: АГПУ, 2007. С. 114—117.
- [10] *Клушина Н.И.* Семантические и стилистические изменения в лексике современной газеты (на материале газет 1989—1994 гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 25 с.
- [11] Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения / Солганик Г.Я. М., 2004. 752 с.
- [12] *Ферм Л.* Заимствования и иноязычная лексика в языке газеты // *Slovo.* Т. 41. 1992. С. 83—109.
- [13] *Скляревская Г.Н.* Толковый, словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998. 700 с.
- [14] *Азнабаева А.Р.* Эволюционные процессы в языке региональных средств массовой информации конца XX — начала XXI вв.: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Уфа, 2010. 24 с.
- [15] *Анненкова И.В.* Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры (попытка риторического осмысления) // *Язык современной публицистики.* М., 2007.
- [16] *Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М.* Не говори шершавым языком: о нарушениях норм речи в электронных и печатных СМИ. М.: Высшая школа, 1999. 300 с.
- [17] *Сурикова Т.И.* Язык современной прессы // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика.* 1991. № 4. С. 81—85.
- [18] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: теория и методы. М., 1997. 336 с.
- [19] *Шаклеин В.М.* Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.: Общество любителей российской словесности, 1997. 184 с.
- [20] *Шаклеин В.М.* Лингвокультурология. Прошлое. Настоящее. Будущее: монография. Сан-Франциско (Калифорния): V&M Publishing, 2013. 320 с.
- [21] *Шаклеин В.М.* Лингвокультурная ситуация в современной России. М.: Флинта: Наука, 2010. 147 с.
- [22] *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1999. 302 с.

© Лонская А.Ю., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 сентября 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Лонская А.Ю. Образ власти в языке российских печатных СМИ 1990-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 1. С. 113—125.

Сведения об авторе:

Лонская Анна Юрьевна, участник Всероссийского форума русского языка, посвященного наследию академика И.И. Срезневского (Рязань, 12—15 апреля 2016 года), магистрант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, лингвострановедение Автор пяти научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: daligalia@yandex.ru

THE IMAGE OF GOVERNMENT IN 1990S RUSSIAN PRINT MEDIA

A.Y. Lonskaya

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10, k 2, Moscow, Russia, 117198

This article seeks to identify characteristic features of lexical units and phraseology used in the creation of the government's image.

This work proves relevant in that it is a careful linguistic and cultural analysis of lexical units as means of expression intended to generate emotionally colored perceptions about politicians and political situation in Russia in 1990s. The result of this study provides a thematically organized list of phraseology and lexical resources, contributing to imagery in the media texts of the period.

The purpose of this work is to identify the characteristic features of the lexical units used in the texts of Russian print media to construct the state's image.

The fundamental methods of research include linguistic and cultural analysis, general scientific method (observation, description, classification, comparison), the frequency method, and comprehensive stylistic analysis. Articles concerning the activities of Russian politicians and political events that took place in Russia from 1990 to 1999 are used in this study and come from newspapers such as "Izvestiya", "Moskovsky Komsomolets", "Nezavisimaya Gazeta", "Pravda", and "Zavtra".

This work allows us to conclude the feasibility of further study of the representation of government in the Russian-language media of the 1990s. This work allows the reader to conclude that the representation of government in Russian-language media during the 1990s requires further study.

Key words: the representation of government, the media texts, idioms, lexical units, language

REFERENCES

- [1] Kosmodemyanskaya K.V. Vlast i smi: vzaimodejstvie ili protivostoyanie? *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2014. № 4. S. 176—179. (In Russ).
- [2] Kalmykov A.A. Chetvertaya politicheskaya sila. *Vestnik RGGU. Politologiya. Socialno-kommunikativnye nauki*. 2012. № 1. S. 56—66. (In Russ).
- [3] Rusina V.V. Informacionnaya politika v sfere smi v demokraticeskom obshhestve : osnovnye principy i formy realizacii v regione. M., 2005. S. 29. (In Russ).
- [4] Fadeev A.V. Obraz politicheskoy vlasti v massovom soznanii rossiyan na rubezhe XX—XXI vekov. M., 2003. S. 20. (In Russ).
- [5] Burova Y.E. Informacionnye resursy vlasti kak instrumenty translirovaniya eyo obraza. *Gumanitarnyj vektor. Istorija, politologiya*. 2013. № 3. S. 135—139. (In Russ).
- [6] Volkov A.I., Pugachyov M.G., Yarmolyuk S.F. *Pressa v obshhestve (1959—2000). Ocenki zhurnalistov i sociologov. Dokumenty*. Moscow: Izdatel'stvo moskovskoj shkoly politicheskix issledovanij, 2000. S. 616. (In Russ).
- [7] Markov E.A. Vlast i smi v rossii: istoriya vzaimodejstviya. *Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena*. 2010. № 123. S. 204—213. (In Russ).
- [8] Kravcov V.V. *Innovacionnaya zhurnalistika i vlast v sovremennom medijnom prostranstve*. Moscow, 2012. S. 52. (In Russ).
- [9] Abramova GA Stilevoe mnogoobrazie v sfere pechatnyx smi. *Kultura russkoj rechi: materialy v mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. 2007. S. 114—117. (In Russ).
- [10] Klushina N.I. Semanticheskie i stilicheskie izmeneniya v leksike sovremennoj gazety (na materiale gazet 1989—1994 gg.). Moscow, 1995. S. 25. (In Russ).
- [11] Solganik G.Y. *Tolkovij slovar. Yazyk gazety, radio, televideniya*. Moscow: Astrel', 2004. S. 752. (In Russ).

- [12] Ferm L. Zaimstvovaniya i inoyazychnaya leksika v yazyke gazety. Slovo. Tom 41. 1992. S. 83–109. (In Russ).
- [13] Sklyarevskaja G.N. Tolkovyy slovar russkogo yazyka konca XX veka. Yazykovye izmeneniya. St. Petersburg: Folio–press, 1998. S. 700. (In Russ).
- [14] Aznabaeva A.R. Evolyucionnyye processy v yazyke regionalnyx sredstv massovoy informacii konca XX — nachala XXI vekov. Ufa, 2010. S. 24. (In Russ).
- [15] Annenkova I.V. Yazyk sovremennyx smi kak sistema interpretacii v kontekste russkoj kultury (popytka ritoricheskogo osmysleniya). *Yazyk sovremennoj publicistiki*. Moscow: Flinta, 2007. (In Russ).
- [16] Gorbanevskij M.V., Karaulov Y.N., Shaklein V.M. Ne govori shershavym yazykom: o narusheniyax norm rechi v elektronnyx i pechatnyx SMI. Moscow: Vysshaya shkola, 1999. S. 300. (In Russ).
- [17] Surikova T.I. Yazyk sovremennoj pressy. Vestnik moskovskogo universiteta. Zhurnalistika. 1991. № 4. S. 81–85. (In Russ).
- [18] Vorobev V.V. *Lingvokulturologiya: teoriya i metody*. Moscow: Izdatel'stvo rossiiskogo universiteta druzsbi narodov, 1997. S. 336. (In Russ).
- [19] Shaklein V.M. *Lingvokul'turnaya situaciya i issledovanie teksta*. Moscow: Obshchestvo lyubitelej rossijskoj slovesnosti, 1997. S. 184. (In Russ).
- [20] Shaklein V.M. *Lingvokulturologiya. proshloe. nastoyashhee. Budushhee: monografiya*. San-francisco: b&m publishing, 2013. S. 320. (In Russ).
- [21] Shaklein V.M. *Lingvokulturnaya situaciya v sovremennoj Rossii*. Moscow: Flinta, 2010. S. 147. (In Russ).
- [22] Kostomarov V.G. Yazykovoju vkus epohi. Moscow: Zlatoust, 1999. S. 302. (In Russ).

Article history:

Received: 10 September 2016

Accepted: 20 November 2016

For citation:

Lonskaya A. (2017) The Image of Government in 1990s Russian Print Media. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (1), 113–125.

Bio Note:

Anna Y. Lonskaya, member of the National Forum of Russian language dedicated to the legacy of Academician II Sreznevsky (Ryazan, April 12–15, 2016), student-master of the department of Russian language and its teaching methodology of philological faculty of PFUR. *Research hinterests*: lingvoculturalogia, lingvostranovedenie. Anna Y. Lonskaya is author of 5 scientific publications. *Contact information*: e-mail: daligalia@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-126-127

РЕЦЕНЗИЯ

Дроздова О.Е. Метапредметное обучение русскому языку в школе: теория и пути практического воплощения: монография / О.Е. Дроздова. М.: Международные отношения, 2016. 316 с.

Современный этап развития методики русского языка связан с реализацией социального заказа, обозначенного в стандартах общего образования. Учащиеся должны уметь определять понятия, создавать обобщения, классифицировать, преобразовывать знаки и символы для решения учебных и познавательных задач на родном языке. Следовательно, назрела необходимость рассмотрения комплексной методической системы работы в контексте современного школьного образовательного процесса.

В монографии О.Е. Дроздовой представлена методическая система, получившая название «Метапредметное обучение русскому языку в школе». Исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Как справедливо замечает автор, концептуальные основы обозначенной методической системы охватывают весь школьный образовательный процесс. В монографии подробно описывается лингводидактический потенциал достижений отечественного языкознания последних десятилетий. В качестве источника реализации метапредметного подхода в обучении русскому языку рассматриваются три направления лингвистики: когнитивное, функциональное и культурологическое. В соответствии с ними содержательным ядром назван общелингвистический компонент обучения.

Психолого-педагогические основы, формируемые в процессе метапредметного обучения, позволяют определить качества лингвистически развитой личности школьника. В исследовании представлена схема, позволяющая рассмотреть эти качества и включающая следующие компоненты: общая направленность личности, матаязыковое сознание, языковое сознание, языковые способности, познавательные способности.

Теоретическую базу монографии дополняют практические рекомендации, содержащие пути реального воплощения метапредметного обучения русскому языку в лингводидактическом сопровождении общеобразовательных дисциплин, внеклассной и факультативной работе. Описан и детально разработан общеобразовательный курс для учащихся основной школы «Основы языкознания для школьников». На конкретном материале проиллюстрированы связи курса языкознания с такими предметами, как история, обществознание, биология, физика, география, математика и информатика. Особый интерес представляет модель реализации лингводидактического сопровождения общеобразовательных дисциплин, включающая мотивационный, организационный и содержательно-деятельностный блоки.

Несомненным достоинством работы являются рассмотренные в контексте проблемы разные виды внеклассной работы, построенной в соответствии с принципами метапредметного обучения русскому языку. К их числу автор относит исследовательскую деятельность школьников (участие в конференциях), дискуссии, игры, конкурсы. Большую ценность для преподавателей представляют классные часы с компонентом лингвистической направленности. В работе обозначены тематика таких часов, их цели и возможное содержание.

Монография имеет новаторский характер, ее можно рекомендовать преподавателям русского языка и других общеобразовательных дисциплин. Она будет интересна тем, кого интересуют вопросы развития методики преподавания русского языка в условиях внедрения современных образовательных стандартов.

© Стрельчук Е.Н.

Сведения об авторе:

Стрельчук Елена Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва. *Сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, культура речи, прикладная лингвокультурология. *Контактная информация*: e-mail: Strelchuk1@mail.ru

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36433

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»

Количество комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36433

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)